

О разведке и шпионаже из первых рук

ГАЛИНА ФЕДОРОВА

МИХАИЛ ФЕДОРОВ

БУДНИ РАЗВЕДКИ

Воспоминания нелегалов

Москва

"ДЭМ"

1994

ББК 84.3Р7 Ф33

Редактор серии *Чернявский В. Г.*

Федорова Г., Федоров М.

Ф33 Будни разведки. Воспоминания нелегалов. — М.: ДЭМ, 1994. — ... с. ISBN 5—85207—057—2

Прочитав эту книгу, вы узнаете как делается разведка. Настоящая, такая, какая она есть на самом деле. Сколько отваги, мужества, выдержки и бесконечного терпения требуется от разведчика-нелегала, чтобы каждодневно незаметно и настойчиво вести опасную, тщательно скрываемую от посторонних глаз деятельность.

Для широкого круга читателей.

Ф 4702010201—004 Без объявл.

ДЭМ—94

ББК 84.3Р7

ISBN 5—85207—057—2

© Федорова Г., Федоров М., 1994

© Подготовка к изданию и оформление «ДЭМ», 1994

*Посвящается тем немногим,
кто связал свою судьбу с молчаливой службой.*

СЕП

Нелегко писать воспоминания, которые своими корнями уходят далеко в прошлое, и вновь переживать все те незабываемые смешанные чувства тревог, радостей и огорчений, встречающихся в непростой работе да и жизни разведчика-нелегала за рубежом. Каждому ясно, что нелегалами не рождаются, ими становятся. В какой-то момент разведке, исходя из возникших или порученных задач, требуется конкретный человек, пользующийся особым доверием, обладающий определенными личными и деловыми качествами, а позднее — профессиональной ориентацией и большим жизненным опытом. Почему выбор пал на меня? Ответ на этот вопрос читатель найдет в повествовании о жизненном пути, который был мной сознательно выбран.

Родился я, Федоров Михаил Владимирович, 1 января 1916 года в городе Колпино Ленинградской области в семье питерского рабочего. Отец трудился на Ижорском заводе в сталелитейном цехе, а мать была домохозяйкой. В 1922 году отец вернулся со службы в Красной Армии и наша семья переехала в город Ямбург Ленинградской области, вскоре переименованный в Кингисепп в память о деятеле демократического движения России и Эстонии Викторе Эдуардовиче Кингисеппе. Кстати, от этой фамилии происходит мой служебный псевдоним — Сеп.

Там, в Кингисеппе, прошли мои детские и юношеские годы. В городе стояли погранотряд и 12-й Туркестанский пехотный полк. Проживая на рубеже с Эстонией, я с ранних лет находился в атмосфере приграничья, где царила обстановка повышенного внимания к происходящему вокруг. И это было всегда нормой

3

для всех. И действительно, нередко случались нарушения границы.

Однажды, купаясь в реке Луге, мы, мальчишки, заметили вышедшего из укрытия на крутом берегу нездешнего человека. Одеваясь на ходу, помчались в погранотряд и, перебивая друг друга, взволнованно рассказали о чужаке. Поднятый по тревоге наряд пограничников вскоре задержал, как потом оказалось, опасного нарушителя границы.

По окончании десятилетки в 1935 году я поступил в Ленинградский институт физической культуры имени П. Ф. Лесгафта. Привели меня в это учебное заведение сначала увлечение, а затем и большая любовь к спорту. С вершины прожитых лет оглядываясь назад, я мысленно благодарен спорту не только за полученную в молодости физическую закалку, но и за то, что в самом начале жизненного пути он во многом способствовал формированию у меня таких качеств, как целеустремленность, упорство в достижении цели и преодолении трудностей. Этому помогали также сами условия жизни в пограничной зоне, крепкий молодежный коллектив в школе и институте.

В это время над Европой сгущались тучи второй мировой войны. 1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу. По стечению обстоятельств этот печальный день стал особо значительным в моей жизни — я был зачислен на службу в Главное разведывательное управление Наркомата обороны. Что же предшествовало столь памятному событию, которое весьма круто и до неузнаваемости перевернуло мою жизнь, в корне изменило планы и мечты?

Незадолго до государственных экзаменов в институт зачастил «представитель военкомата». Встречался со многими студентами-выпускниками, беседовал с ними о возможном распределении. Держался он скромно и не привлекал к себе особого внимания. В одну из суббот, в разгар экзаменов, Орлов Георгий Ильич, так звали «представителя военкомата», встретив меня во дворе института, пригласил пройти на стадион, где мы уединились на пустынной трибуне.

Сейчас трудно воссоздать весь ход этой знаменательной для меня беседы, но основное ее содержание, отдельные детали, собственные волнения и переживания вспоминаются до сих пор. Орлов начал издали. Рас-

4

сказал, что однажды ему пришлось побывать в Кингисеппе, вспомнил о его достопримечательностях, тепло отозвался о жителях и вдруг неожиданно спросил:

— А 12-й Туркестанский полк все еще там стоит? Как жителя пограничного города, отлично знакомого с понятием о бдительности, этот вопрос меня сразу насторожил.

— Мы еще недостаточно знакомы, чтобы говорить на такие темы, — сердито ответил я. Но тут же подумал: «Не слишком ли дерзко и невежливо одернул собеседника?»

По лицу Георгия Ильича Орлова скользнула улыбка. Оставив без внимания мой довольно резкий тон, он стал углубляться в пограничную тему, заметив, что граница нарушается с обеих сторон — в этом ничего нового для меня не было. А вот то, что с нашей стороны границу пересекают не только нарушители, но и специально направляемые через нее люди, явилось для меня совершенно неожиданным. И тогда я впервые узнал от Георгия Ильича, что наша страна тоже

занимается разведывательной деятельностью, что того требует напряженная международная обстановка: ведь мы должны своевременно узнавать намерения враждебных государств. Орлов также разъяснил, что в разведке работают подлинные патриоты своей страны, политически подготовленные, физически крепкие люди. Особенно врезались в память слова Георгия Ильича: «Как ты, например».

Вот так, в ходе доверительной беседы, мне было сделано предложение о работе в разведке. На последовавшие многочисленные, порой даже наивные мои вопросы я получал обстоятельные, убедительные ответы. Между тем оказалось, что свое решение мне предстоит сообщить сразу же, здесь, на стадионе.

— Не знаю, смогу ли справиться с такой работой, — сказал я нерешительно.

— У тебя не должно быть сомнений, — уверенно заявил Орлов. — Мы знаем тебя лучше, чем ты предполагаешь.

— Прежде чем -дать ответ, хотелось бы посоветоваться с отцом, — несколько неуверенно заметил я. — Он участник гражданской войны, и от него у меня нет секретов.

— Нет, — твердо возразил Орлов. — Решение ты

5

должен принять самостоятельно и, конечно, ни с кем не советуясь.

И я принял окончательное и бесповоротное решение. С большой теплотой и признательностью вспоминаю своего «крестного отца» — Георгия Ильича Орлова. Большое впечатление произвели его завидная приверженность любимому делу, убедительная аргументация, твердость, решительность и в то же время искреннее товарищеское отношение старшего к младшему. Забегая вперед, отмечу, что на всем своем продолжительном жизненном пути среди наставников и руководителей в разведке я встречал людей именно такой «высокой пробы». Единичные исключения — не в счет.

В начале октября 1939 года меня направили для прохождения разведывательной подготовки в индивидуальном порядке в город Белосток, в отделение разведотдела штаба Западного особого военного округа. На мою подготовку, включавшую изучение двух иностранных языков, радио- и фотододела и шифров отводилось восемнадцать месяцев. Занятия проводились по напряженной программе ежедневно, с утра до позднего вечера, почти без выходных, ибо планировалось, что в конце июня 1941 года я должен был через «зеленую границу», то есть нелегально, уйти в Польшу и с документами на другое имя попытаться осесть в Германии. Однако до этого дело не дошло... Началась война.

Буквально с первого часа вторжения немецких войск я оказался в водовороте военных событий. На рассвете 22 июня 1941 года проснулся от оглушительного разрыва бомб и рева моторов. Быстро оделся и выскочил на улицу. Над городом кружили немецкие самолеты. Бомбили вокзал. Где-то на окраине шла стрельба. Сомнений не было: случилось то, о чем так много говорилось в последнее время.

В седьмом часу утра торопливо заскочил мой наставник — старший лейтенант Орлов, отвечавший за мою подготовку, сообщил обстановку, вручил мне пистолет с запасной обоймой и приказал ждать дальнейших распоряжений. Поскольку указаний долго не поступало, во второй половине дня я направился в разведотделение. Застал там лишь одного радиста, который безуспешно пытался установить связь с разведотделом Западного особого военного округа.

6

Время шло, а обстановка никак не прояснялась. Утром следующего дня я решил действовать самостоятельно и направился к коменданту города, чтобы получить транспорт для эвакуации радиоимущества нашей группы. По улицам

сновали военные грузовики, иногда раздавались выстрелы, в беспорядке металась люди. Кое-где уже началось мародерство. Комендант в звании полковника охрипшим голосом отдавал распоряжения готовить грузовики, автобусы, легковые автомашины для эвакуации жителей и наиболее ценного имущества. Проверив документы, он удовлетворил мою просьбу и выделил полторку для вывоза радиоаппаратуры разведотделения, отпустив на это тридцать минут, чтобы затем мы присоединились к его колонне.

По дороге в разведотделение меня остановил незнакомый старший лейтенант на машине и под угрозой применения оружия отобрал грузовик вместе с шофером. Автомашина принадлежала его роте, которой была поручена эвакуация раненых, находившихся на окраине Белостока. Ссылки на приказ коменданта на него не подействовали. Вернувшись пешком в разведотделение, мы с радистом разбили радиоаппаратуру, дабы не оставлять ее врагу. Доложили об этом коменданту, который тут же приказал нам помогать грузить подогнанные машины.

Колонна примерно из двух десятков грузовиков направилась на восток по шоссе Белосток — Волковыск. В пути она не раз подвергалась обстрелу и бомбежке. Повсюду виднелись остовы ранее сожженных или разбитых автомашин. Были и людские потери. Через несколько часов колонна добралась до штаба 10-й армии Западного фронта, расположившегося вблизи деревни Валилы. Здесь выяснилось, что почти все белостокское разведотделение во главе с его начальником находилось при штабе. Там я встретил моего инструктора по разведке лейтенанта И. Ф. Топкина, который сообщил, что Орлов направился в Белосток за мной. На другой день группа красноармейцев под конвоем доставила Орлова в штаб: его приняли за немецкого диверсанта. А вышло так: из-за разбитой переправы через реку ему пришлось бросить машину и дальше пробираться пешком. На подходе к городу его и задержали красноармейцы.

В последующие дни Орлов, Топкин и я, переодев-

7

шись в форму пограничников, по заданию разведотдела армии занимались подбором в близлежащих деревнях патристически настроенных советских граждан для разведработы на территории, временно оставляемой противнику. Задача патриотов заключалась в сборе данных о противнике и передаче этих сведений через линию фронта первому же старшему командиру Красной Армии, пользуясь паролем: «Я — 100». Командование 10-й армии исходило из того, что к району боевых действий вскоре подойдут свежие силы, чтобы занять оборону в Минском укрепрайоне по старой границе с Польшей, и фронт, мол, стабилизируется. Расчеты командования не оправдались. Войска, в большинстве своем плохо управляемые из-за отсутствия связи, с тяжелыми боями отходили в направлении Волковыск — Минск. Неимоверные испытания выпали на долю наших солдат на западных рубежах Родины. Прорываясь к своим, все, кто там находился, сполна испытали горечь отступления и боль потерь.

О Великой Отечественной войне написано немало. Однако о ее первых днях, самых тяжелых и трагических, достоверно сказано еще не в полной мере. Все меньше остается тех, кто пережил трагедию отступления в первые дни и недели войны. Поэтому мне, как участнику этих событий, хотелось бы восстановить некоторые эпизоды, вспомнить боевых друзей.

До сих пор перед глазами стоит страшная картина. Как-то утром в конце июня полторка, в которой вместе с красноармейцами находились Топкин и я, отстала от общей колонны. Продолжая путь, на развилке мы свернули не на ту дорогу, по которой двигалась колонна, и вскоре оказались в лощине. На дне ее

увидели разбитую грузовую машину. Вокруг лежало более двух десятков трупов.' Только один — шофер, лежавший вблизи кабины, — был в военной форме, а остальные — женщины и маленькие дети, видимо, семьи военнослужащих. Особенно врезалось в память распостертое на земле тело маленькой девочки в розовом платице, с пышными светлыми волосами. Она лежала на животе, уткнувшись лицом в землю, поджав одну ногу под себя, а чуть позади — соскочившая с ноги туфелька. Рядом находилась молодая женщина, вероятно, ее мать. Обхватив девочку рукой, она в порыве материнского инстинкта пыталась удержать ее, укрыть своим телом...

8

Потрясенные до глубины души, мы не заметили, что сами находимся под дулами автоматов немецкого десанта, залегшего перед нами на холме всего лишь в 150 метрах. На фоне светлого неба хорошо просматривались темные фигуры фашистов в касках. Они что-то властно кричали и энергичными движениями рук призывали к себе. Из обрывков долетавших выкриков можно было разобрать только слово «рус».

В это время из заболоченного кустарника совсем рядом раздался слабый женский голос:

— Товарищи! Товарищи, помогите!

Я быстро перемахнул через борт машины и подбежал к ползущей из зарослей девушке, раненной в бедро. Она оказалась санитаркой. На машину, в которой она ехала, накануне вечером напали немцы. Вместе с подоспевшими товарищами осторожно перенесли ее в кузов. Кто-то подал команду шоферу:

— Разворачивай!

Поняв наше намерение, фашисты открыли по полуторке сильный прицельный огонь. Часть людей залегла в кузове. Но большинство, расположившись вдоль бортов, открыли ответный огонь из всех видов имевшегося под рукой оружия: винтовок, автоматов, пистолетов. То было единственно правильное решение. Огонь немцев стал менее прицельным. В шуме стрельбы слышался чей-то голос, торопивший шофера:

— Скорей! Скорей! Газу! Газу!

Каждая секунда промедления могла стоить жизни. Спасение было в том, чтобы как можно быстрее проехать открытую местность и перебраться на другую сторону холма. Последний рывок — и мы вне зоны обстрела. В наступившей тишине кто-то спросил:

— Раненые есть?

Трудно было поверить, но, к всеобщей радости, потерь не оказалось. Раненую санитарку оставили в эвакуационном госпитале в одной из деревень.

2 июля 1941 года батальон, в котором находились некоторые сотрудники разведотделения, и я в их числе, с боем прорвался через Минское шоссе вблизи станции Фаниполь юго-западнее Минска, который уже был занят немцами. Рано утром батальон скрытно подошел к шоссе и с криком «ура!» ринулся на колонну немецких мотоциклистов, направлявшихся в Минск. Колонну расчленили, неприятель понес потери, а уцелевшие

9

фашисты поспешно развернулись и скрылись. Это была хоть и маленькая, но победа, укрепившая надежду на скорое соединение со своими. Все находились в радостном возбуждении.

Переправив грузовики через шоссе, мы на ходу забрались в кузова и грунтовой дорогой по открытому полю направились на восток, обходя Минск. Открытые полуторки были до отказа набиты военными разных служб и званий. Неожиданно впереди из оврага появилась группа из шести — семи танков. Люки

машин открыты, в каждом из них виднелся танкист в темной форме с красным флажком в левой руке, поднятой вверх, и белым в правой, вытянутой в сторону. Наша колонна остановилась. Издали, в лучах восходящего солнца трудно было определить, чьи это танки. Танкисты размахивали красными флажками, что дало повод некоторым принять их за своих. Кое-кто у нас начал подбрасывать пилотки и фуражки (к слову сказать, далеко не все имели каски). Раздались радостные крики:

— Ура! Свои! Наши!

Однако многие настороженно выжидали, всматриваясь в движущиеся танки. Они стремительно приближались к нам, и что там на бортах — красные звезды или фашистские белые кресты — разглядеть было невозможно. В конце концов, только интуитивно почувствовав, что это противник, люди стали спешно соскакивать с машин. В этот момент танкисты молниеносно захлопнули люки, по команде развернулись для атаки и открыли пулеметный огонь по нашим полуторкам. Головная часть колонны, где я находился, оказалась в наиболее трудном положении. Как остановить атаку, когда под рукой нет противотанковых средств?

Под губительным огнем противника люди побежали по полю в сторону высокой ржи, что колосилась в 150 — 200 метрах. Немцы стреляли трассирующими пулями. И это обстоятельство, как я сейчас думаю, в значительной мере помогло мне остаться в живых. Хотя совсем рассвело, белые трассы обгонявших нас пулеметных очередей хорошо просматривались. Когда полоса светящихся пуль справа или слева приближалась ко мне, я падал на землю и, не теряя времени, быстро двигался по-пластунски вперед. Затем, чувствуя, что очередь прошла, поднимался и бежал дальше. Вокруг падали

10

люди, за спиной слышались пулеметная стрельба и злой рокот моторов немецких танков, давящих тела упавших и раненых. Это был поистине бег в борьбе за жизнь. Моя спортивная подготовка, способность переносить большие перегрузки, быстрота реакции как нельзя лучше пригодились в эти трудные минуты.

Лишь немногим удалось достичь ржаного поля, за которым находился спасительный лес. Времени для передышки, однако, не было. Пригнувшись, я бежал и бежал. У кромки ржаного поля собралось около десятка красноармейцев, готовящихся броском пересечь дорогу, чтобы укрыться в лесу. Я присоединился к ним. Из леса вышли на хутор. Там оказалось несколько наших полуторок, которые в момент нападения танков находились в конце колонны и успели развернуться. Мы двинулись дальше. Некоторые машины из-за отсутствия горючего и поломок бросали в пути. А на одной из разбитых переправ полуторки пришлось столкнуть в реку и дальше идти пешком.

Из разведотделения осталось всего пять человек, и мы образовали самостоятельную группу под начальством Топкина. В пути к нам присоединился один старший лейтенант, у которого нашлась карта местности. Двигались на редкость быстро, с единственной целью как можно скорее прорваться к своим. Деревни, занятые оккупантами, обходили стороной, шоссе и большаки пересекали бросками в промежутках между движущимися немецкими колоннами. Случалось, что вдогонку нам фашисты открывали стрельбу.

Однажды мы заночевали в деревне Новые Дороги, разместившись в двух хатах. На рассвете в деревню вступила немецкая часть, видимо, на отдых после ночного марша. Солдаты сразу же разбрелись по хатам собирать провиант. Все мы, кроме старшего лейтенанта пехотинца, были одеты в пограничную форму.

Как тогда уже стало известно, фашисты с особой злобой расправлялись с пограничниками, мстя им за ожесточенное сопротивление в первые дни войны. Хозяин едва успел нас предупредить, как в хату ввалились два вооруженных солдата. Мы остались лежать на полу, трое под одним пестрым покрывалом, натянув его повыше, чтобы прикрыть зеленые гимнастерки и петлицы.

Один из немцев, прислонив винтовку к стене, протянул хозяйке ведро со словами: «Матка — млека»,

11

другой с винтовкой остался стоять у дверей. Оба выглядели очень усталыми. На нас, лежавших в углу, они посмотрели без особого внимания, приняв в полумраке, вероятно, за местных жителей. Хозяйка торопливо вылила в ведро крынку молока, сунула несколько яиц и, разводя руками, давала понять, что больше у нее ничего нет. Солдат гаркнул на нее, и она добавила ему еще пару яиц. Поворчав, солдаты ушли.

Как выбраться из деревни? Решили под видом местных жителей по одиночке или вдвоем с косами, граблями и вилами выходить всей группой в сторону леса, как бы на полевые работы. Переоделись в гражданскую одежду из того, что нашлось у хозяев под рукой и в сундучках. Мне достались брючата явно короткие, и я походил на рыбака с засученными штанинами.

В деревне — скопление немецких грузовиков, снующая солдатня. Требовалось действовать без суеты и спешки, дабы не вызвать подозрений, особенно у постового на окраине. По пути Топкин даже пошутил, обращаясь к немцу, ведущему велосипед по песчаной дороге нам навстречу:

— Ну как, тяжело? — и показал руками, имитируя движение педалей.

Этой фразой он хотел разрядить обстановку, усыпить бдительность фашистов. Немец понял жест и пробурчал, оскалившись в улыбке:

— Швер, зеер швер, — что означало: тяжело, очень тяжело.

Маскировка удалась, и наша группа благополучно выбралась из деревни. Инвентарь, как условились с хозяином, оставили в поле и скрылись в лесу. Путь на восток продолжался.

К сожалению, я не запомнил имен тех замечательных простых людей, которые нам дали приют в деревне Новые Дороги, снабдили гражданской одеждой, оберегли от немцев. А ведь это был своего рода подвиг! Позже мне не раз приходилось встречаться со случаями, когда патриотические поступки совершали самые незаметные скромные труженики, которые во имя победы над фашизмом шли на лишения и даже на самопожертвование.

Поскольку мы постоянно натыкались на немцев, решили дальше идти под видом сельчан. Личное оружие, патроны к которому израсходовали, спрятали на

12

одном заброшенном хуторе. В пути мы не упускали случая, чтобы хоть как-нибудь да навредить немцам. Обнаружив случайно телефонный кабель, проложенный к деревне, где обосновались оккупанты, я перерезал его по указанию командира группы. В ответ фашисты из деревни открыли беглый огонь, но мы быстро скрылись.

Еще один раз довелось столкнуться с фашистами лицом к лицу. Случай произошел вблизи деревни на мосту через речку Птичь. Неожиданно навстречу нам выехали пять немецких мотоциклистов, вероятно, разведгруппа. Хотя мы и выглядели, как местные жители, все же немцы, окружив нас, подвергли обыску, довольно грубому, размахивая прикладами автоматов и громко кричали:

— Большевик! Большевик!

К несчастью, больше всех досталось мне: немцы приняли меня за еврея. В то время я был темноволосый, оброс довольно густой бородой. В меру своих знаний

немецкого языка пытался объяснить, что я русский. Однако фельдфебель с яростью оттолкнул меня от группы в сторону с явно недобрым намерением.

Оказавшись в безнадежном положении, я принял решение обреченного и сказал себе, что лучше погибнуть в схватке, чем пассивно ожидать смерти. С этой мыслью стал осторожно, переступая маленькими шагами, медленно приближаться к фельдфебелю. Обыск подходил к концу. У меня создалось впечатление, что немцы отпустят остальных, так как ничего подозрительного у них не нашли. Тут же пришла мысль, что нападение на фельдфебеля приведет фашистов в ярость и тогда вместе со мной погибнут товарищи. Я остановился в нерешительности. В это время немец, который оставался у пулемета за рулем мотоцикла и молча наблюдал эту сцену со стороны, подошел к группе и стал что-то пояснять фельдфебелю, показывая на меня, из чего я скорее догадался, чем понял, что это говорит в мою пользу. Фельдфебель вплотную подошел ко мне, показал в сторону, откуда мы пришли, и грозно спросил на ломаном русском языке:

— Большевики... там много?

На этот и последующие вопросы относительно близлежащих деревень я молча пожимал плечами, делая вид, что не понимаю. Фельдфебель озлобился и

13

замахнулся на меня автоматом. Во избежание удара я отшатнулся, сделав шаг назад, и столкнулся с немцем, стоявшим за моей спиной, который грубо швырнул меня в сторону товарищей. Крикливый фельдфебель, видимо забыв про меня, подошел к пожилому крестьянину и стал у него что-то уточнять по карте. Затем немцы уселись на мотоциклы, покричав в нашу сторону:

— До дому, до матки, работать, работать! И... уехали.

Придя в себя от только что пережитого, решили, что всем, а особенно мне, просто крупно повезло.

Во второй половине июля 1941 года наша группа ночью переправилась на старой лодке через Днепр севернее города Речица и вышла в расположение советских войск. После опроса и выполнения разных формальностей в Особом отделе армии меня, как разведчика, направили в распоряжение разведотдела штаба Западного фронта в район Вязьмы, на станцию Касня.

В начале августа 1941 года в нашу разведчасть прибыла группа московских комсомольцев в составе около 20 человек. Меня назначили заместителем командира и радистом группы. 10 августа группа отправилась на машине к линии фронта в сопровождении майора Артура Карловича Спрогиса. Для перехода линии фронта нам выделили отряд конников из дивизии генерала Доватора.

Линию фронта перешли ночью без единого выстрела, но утром разведка конников донесла, что по проселочной дороге навстречу нам движется небольшая колонна немцев. Конники быстро спешили, и все мы залегли на опушке леса, готовясь к бою. Тут же из-за поворота дороги показалась вражеская колонна. Впереди ехали три мотоциклиста, за ними крытая штабная машина с легкой пушкой на прицепе, затем легковой автомобиль. Подпустив немцев поближе, командир конников дал команду, и град пуль обрушился на застигнутых врасплох гитлеровцев. Бой оказался коротким. Вражеская колонна была уничтожена.

Основная заслуга принадлежала, конечно, конникам Доватора, но и наши, хотя и необстрелянные, ребята держались хорошо. Для них этот бой стал первым крещением, уроком мужества. Уничтожив машины и захватив с собой трофеи — пушку, оружие, штабные и личные документы немцев, мы скрылись в густой чаще

14

леса. После короткого отдыха мы распрощались с конниками и отправились дальше самостоятельно.

За линией фронта, в Великих Луках, Невеле — районе назначения, мы вели разведку по дислокации и передвижению частей противника, минировали дороги, разрушали средства связи, карали предателей Родины. Жители окрестных деревень принимали нас как представителей Красной Армии, радовались и помогали чем могли. В неравной борьбе с опытным и хорошо вооруженным противником мы, молодые и необстрелянные бойцы, понесли ощутимые потери. После трехмесячного рейда по тылам врага, израсходовав боеприпасы, взрывчатку и радиопитание к рации, командир принял решение о возвращении с задания. В конце ноября 1941 года наша группа подошла к верховью Волги южнее Селижарово, по едва окрепшему льду переправилась в расположение наших войск и при этом вывела из окружения примерно 40 красноармейцев и младших командиров, прорывавшихся через линию фронта.

В начале декабря 1941 года наша малочисленная поредевшая в боях группа прибыла в войсковую часть № 9903, располагавшуюся в Одинцово под Москвой. Здесь, находясь в резерве, я проходил подготовку для работы в качестве разведчика-радииста в одном из оккупированных фашистами городов и в этих целях изучал новую, более мощную рацию. Случилось так, что в это время формировался спецотряд под командованием капитана И. Ф. Топкина (того самого, из Белостока, с которым вновь нас свела военная судьба) для действия в глубоком тылу противника, в Брестской области. По просьбе Топкина руководство дало согласие зачислить меня радистом в его отряд.

В ночь с 5 на 6 сентября 1942 года первую группу из семи человек, в том числе и меня, во главе с Топкиным выбросили на парашютах в сильно заболоченную местность в районе деревни Оброво, недалеко от города Барановичи. Сориентировавшись в обстановке, группа нашла небольшой островок среди болота для временной базы, где я установил надежную радиосвязь с Центром. В течение нескольких последующих ночей на сигналы наших костров были выброшены остальные десантники. Всего в отряде собралось 37 человек.

15

Прибытие нас, посланцев с Большой земли, воодушевило стихийно создавшиеся на оккупированной территории отряды и группы из окруженцев, красноармейцев, бежавших из плена, и местных активистов. Мы возглавили их, провели некоторую реорганизацию в партизанских подразделениях, снабдили взрывчаткой и боеприпасами.

В борьбе с немецкими захватчиками мы, естественно, тоже несли потери, но по сравнению с уроном, который имел от нас противник, они все же были малочисленными. Наиболее тяжелую утрату мы понесли в бою 14 декабря 1942 года, когда разрывом мины тяжело ранило командира отряда капитана Топкина: он полностью потерял зрение. Центр приказал отправить его и других раненых в соединение С. А. Ковпака на озеро Червоное. Там находился ледяной аэродром, принимавший тяжелые самолеты. Группа бойцов под командованием бывшего моряка Бориса Гусева везла раненых на санях, проехав 200 километров по тылам противника, подвергаясь опасностям и лишениям. В январе 1943 года все благополучно прибыли в соединение Ковпака, а оттуда — самолетом в Москву.

Командиром нашего отряда Центр назначил начальника разведки старшего лейтенанта В. В. Алисейчика. Этот опытный военный разведчик до прибытия в наш отряд был первым организатором Сещинского интернационального советско-польско-чехословацкого подполья. Об этом впервые написали

известный советский литератор Овидий Горчаков и его польский коллега Януш Шимановский. По их совместной повести был поставлен телесериал «Вызываем огонь на себя».

Вместе с ростом активных боевых действий подчиненных нам отрядов и групп подпольщиков возрос приток людей, ранее не решавшихся уходить в лес. Нам становилось все труднее наводить порядок и дисциплину среди разношерстной массы людей, обеспечивать военное руководство отрядами, расположенными по обе стороны железнодорожной магистрали Брест — Минск. Кроме того, в лес приходили целые семьи, которые сковывали мобильность боевых отрядов. В среду прибывавших противник внедрял своих лазутчиков. Все это требовало твердого и более авторитетного руководства.

Учитывая это обстоятельство, Москва направила к

16

нам в ночь на 21 мая 1943 года самолетом Героя Советского Союза полковника Г. М. Линькова. По его прибытии начали готовиться к переносу полученной радиоустановки, оружия и боеприпасов через линию железной дороги Минск — Брест в место дислокации основной десантной группы и штаба партизанских соединений. Создали специальный отряд, груз распределили по группам. А самый тяжелый водрузили на двух вьючных лошадей. Железнодорожную магистраль в то время перейти было трудно, так как немцы вырубали лес по обеим сторонам полотна, устроили завалы, кое-где заминировали подходы к полотну, построили дзоты на расстоянии 400 — 500 метров друг от друга. Каждый метр от насыпи до опушки леса прицельно простреливался. Решили переходить линию железной дороги между двумя дзотами в километре от полустанка Нехачево. Исходную позицию группы заняли с наступлением темноты на опушке леса за 50—70 метров от вырубki.

Для атаки огневой точки, находящейся справа, группа бойцов должна была подойти к полотну ближе и закидать дзот гранатами. Другой группе приказали занять участок примерно в 200 метрах к северо-востоку от этого дзота для прикрытия центральной группы при переходе через рельсы. По условленной команде люди двинулись к полотну. К сожалению, не все пошло по плану операции. Часть правофланговой группы побежала вперед к насыпи, а часть укрылась на опушке и преждевременно начала обстрел. Дзот немедленно открыл стрельбу по опушке, а вслед за ним откликнулся и дзот слева. Два потока из трассирующих пуль скрещивались у леса. Наше положение осложнилось еще и тем, что в этот момент со стороны полустанка Нехачево подъехал и остановился против нас пассажирский поезд с немецкими солдатами, которые немедленно открыли огонь. Цепь бойцов, лежавшая на откосе, вначале растерялась, но потом застрочили их автоматы по вагонам поезда. Завязался сильный бой. Один вагон загорелся. Поезд пытался тронуться, чтобы уйти из-под обстрела, но пламя разгорелось и перебросилось на другие вагоны. Состав остановился, немцы посыпались с подножек и скрылись в темноте. Этим замешательством противника мы воспользовались для броска через линию железной дороги. Однако не весь отряд перешел

17

через полотно. Часть бойцов с вьючной лошадей вынуждены были вернуться обратно.

Позднее подвели итог этой операции. Оказалось, шесть бойцов получили ранения. Конечно, для такого боя — это редкий случай. Гитлеровцы же потеряли в пассажирском поезде, судя по гробам в Нехачево, около 100 человек, а ранеными — еще больше. В том бою пострадала моя десантная куртка. Пуля угодила мне в правое плечо и, не повредив руки, разорвала рукав.

Под руководством многоопытного Линькова заметно возросло значение нашего отряда как руководящего штаба партизанского движения в Брестской области. В некоторых слабо управляемых отрядах Линьков заменил не оправдавший доверия руководящий состав более подготовленными командирами. Значительно поднялись дисциплина бойцов, ответственность и авторитет командного состава.

Полковник Линьков назначил меня радистом во вновь созданный отряд под командованием прибывшего из Москвы майора Петра Степановича Герасимова. Отряд дислоцировался километров за 70 от базы около города Барановичи в районе озера Выгоновского. Петр Степанович — профессиональный разведчик, воевал в Испании. Мы с ним быстро сдружились, жили в одной землянке, вместе обсуждали оперативные вопросы. Он назначил меня начальником штаба отряда не как «военную косточку», а как человека с высшим образованием. Он имел такое обыкновение: получив задание Центра или полковника Линькова и обдумывая, как его выполнить, непременно интересовался моим мнением. Если оно совпадало с его решением, то коротко говорил: «Вот так и сделаем». А если нет, то обычно спрашивал: «Почему так думаешь? Что, если поступим вот так?» Короче, с таким человеком было легко и приятно жить и работать. Его культура, опыт, рассудительность и спокойствие мне очень импонировали. К тому же он был справедлив и строг как с подчиненными, так и по отношению к себе.

Как-то после выполнения боевого задания оперативная группа майора, в которой я, к тому времени уже старший лейтенант, был его заместителем, получила приказ возвратиться на базу в штаб соединения. По дороге мы остановились в деревне для проведения оче-

18

реднего сеанса связи с Центром и отдыха. Предстояло передать разведывательные сведения.

Подобрав подходящее место, развернул «Северок» — так ласково называли мы нашу оперативную рацию «Север» — и приступил к передаче информации. Большая часть радиограммы была уже передана, когда на другом конце деревни неожиданно появились автомашины с фашистами. Завязался неравный бой. Командир группы, узнав, что до окончания передачи мне необходимо еще пять минут, решил держать оборону, так как сообщение носило срочный характер и имело важное значение для командования.

Укрываясь за стенами домов и сараев, бойцы нашей группы, сдерживая фашистов, медленно отходили. Немцы начали обстрел из минометов, преграждая путь отступления к лесу. Я продолжал вести радиопередачу за стеной сарая, которая защищала меня от пуль. Одна из мин со свистом пронеслась над сараем и разорвалась совсем рядом. Уже слышались крики фашистов, призывающих сдаться, когда я под нараставшим огнем противника окончил связь. Подбежавший командир помог свернуть антенну и дал команду всем отходить в лес. Короткими перебежками по огородам и ржаному полю мы достигли леса, имея двух легкораненных.

За участие в этой боевой операции командир группы Герасимов был награжден орденом Красного Знамени, а я — орденом Красной Звезды.

Вскоре после поражения гитлеровцев на Курской дуге оперативная группа нашего отряда повстречала в лесу двух военнопленных, одетых в выдающую виды немецкую форму и с одной винтовкой на двоих. Эти молодые красноармейцы, попав в плен где-то в 1942 году, работали у немцев в Барановичах на кухне в солдатской столовой — пилили и рубили дрова для печи, чистили картошку. Узнав о победах Красной Армии, они утащили винтовку и решили бежать в лес к

партизанам. Все это доложил командир группы майору, оставив, как и положено, подозрительных вояк под охраной на посту. Обычно спокойный Петр Степанович на сей раз вспылил:

— Вспомнили, что у них есть Родина, когда почувствовали, что Красная Армия скоро будет здесь. Расстрелять обоих как дезертиров, — приказал он старшине.

19

Война есть война. Старшина с двумя бойцами пошел выполнять приказ.

В землянке остались майор, его ординарец Белов и я. Когда Петр Степанович несколько успокоился, я попросил у него разрешения отправиться на пост и допросить обоих перед исполнением приказа. Командир был непреклонен и задумчив. Через минуту-другую он, как бы отряхнувшись от раздумья, неожиданно приказал Белову седлать коней и сказал: — Поеду сам допрошу.

На посту майор допросил в палатке каждого в отдельности и, учитывая их юный возраст, решил передать бывших военнопленных на поруки в разные группы, приказав командирам строго следить за ними, чтобы не сбежали.

Оба выдержали проверку и были зачислены в отряд. Как-то Белов рассказал им о том, как произошло их спасение. После этого один из них — Василий Рябинин — стал особенно внимательно относиться ко мне, старался помочь чем мог. Заметив это, майор предложил мне взять его в ординарцы. В дальнейшем при переходе отряда на польскую территорию Рябинин всегда находился рядом, постоянно носил запасной комплект питания для рации, во всем проявлял заботу. Когда нас догнала Красная Армия, все десантники получили приказ возвращаться в Москву, а Рябинин и другие окруженцы и бежавшие из плена вошли в состав пополнения действующей армии, продолжавшей путь на Берлин.

В общей сложности я пробыл в тылу врага более 27 месяцев. Научился переносить трудности, ориентироваться в сложной обстановке, неплохо овладел радиodelом, приобрел навыки конспирации, получил практику работы с людьми, усовершенствовал немецкий и польский языки. Опыт военных лет помог мне в последующей разведывательной работе.

Некоторые десантники, вернувшиеся в Москву в начале августа 1944 года, вскоре отправились на территорию Германии, а я был откомандирован в Главное разведывательное управление для выполнения задания, но уже в другом качестве...

Оказалось, что в Москве судьба подготовила для меня новое испытание, совершенно отличное от всего того, что было прежде. Речь шла о нелегальной работе

20

в Англии. На подготовку отводился год. Я с головой погрузился в таинства нелегальной разведки. А тем временем пришла долгожданная, выстраданная Победа.

Точно по плану, в августе 1945 года, я отправился за Ла-Манш, где находился на нелегальном положении, работая в дипломатическом представительстве одной страны. Но об этом ниже. Спустя полтора года — возвращение, отчет о проделанной работе, перевод в другое подразделение — Комитет информации при Совете Министров СССР и — новое задание. Снова погрузился с головой в процесс подготовки, но тут уже вмешался его величество Случай.

Захожу как-то в столовую. Очередь к раздаче небольшая, но я куда-то спешил. Вижу — стоят мои коллеги, я к ним:

— Предупреждали, что я буду? — а сам моргаю правым глазом, мол, выручайте. Те только собрались открыть рот, как вдруг сзади тонкий голосок:

— Нет, не предупреждали.

Обрачиваюсь и... встречаю взгляд жгучих черно-смольных глаз, смотрящих на меня с вызовом и укором.

— Простите, — пролепетал я извиняющимся тоном, — пропускаю вас вперед.

Так я познакомился с Галей. Наше знакомство закончилось свадьбой. В план моей подготовки внесли коррективы, нарекли нас Сепом и Жанной и к поездке в долгосрочную командировку стали готовить вместе...

ЖАННА

Родилась я, Федорова (Маркина) Галина Ивановна, 17 февраля 1920 года в семье рабочего. Мои отец и мать происходили из крестьян. Отец самоучкой стал электромонтером. Позднее закончил профессиональную школу и получил должность директора мельницы. Сразу после революции вступил в партию большевиков. Последние годы жизни находился на партийной работе. Детство мое протекало тихо, скромно, без каких-либо значительных событий. После смерти отца в 1932 году матери стало очень трудно воспитывать четверых детей: старшей сестре было четырнадцать лет, мне двенадцать, а два брата еще моложе. Мама работала на мельнице и прилагала огромные усилия, чтобы дать нам возможность посещать школу.

Откликаясь на материальные затруднения нашей семьи, моя тетя, сестра отца, Варвара Михайловна Уютная, жившая в Москве, предложила взять на себя заботы по моему воспитанию и образованию, хотя у нее было трое своих детей. Вначале мама и думать не хотела со мной расставаться. Но, поразмыслив, учитывая материальные трудности, решилась на такой шаг. Я была очень привязана к своей семье и боялась разлуки с близкими. И все же поселилась в Москве у тети. В 1937 году окончила десятилетку. Затем работала в Наркомфине СССР и одновременно училась на вечернем отделении Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана.

В январе 1939 года по путевке комсомола пришла на работу в органы государственной безопасности. Хорошо помню тот вызов в райком комсомола. Шло

22

заседание бюро. Задавали какие-то вопросы, что я отвечала, уже не помню: очень сильно волновалась. Вдруг сообщают:

— Рекомендуем тебя на работу в органы НКВД. Считай это комсомольским поручением.

— А как быть с учебой? — спрашиваю. — Ведь в органах нужны люди подготовленные, с высшим образованием...

— Да не робей ты, — дружески сказал кто-то из членов бюро, — а учиться и там сможешь.

— Хорошо, — отвечаю, — спасибо за доверие.

Так началась моя долголетняя служба в органах государственной безопасности.

Вначале я работала в Транспортном управлении НКВД, занималась техническими, канцелярскими вопросами, но привлекалась и к выполнению отдельных оперативных заданий. Незадолго перед войной эту службу расформировали. Меня перевели в другое подразделение.

Что такое война, я сполна испытала в суровую осень 1941 года. Положение на Западном фронте оставалось тяжелым. Враг рвался к Москве. Столица готовилась к обороне. Я не захотела эвакуироваться, написала рапорт на имя

руководства с просьбой оставить меня в Москве. Эту просьбу, хотя и с большими трудностями, удовлетворили, и меня временно откомандировали в распоряжение группы особого назначения, где я стала связной.

Группу возглавлял Г. С. Жуков. В ее составе были молодые сотрудники: Арсений Васильевич Тишков, в последующем генерал, Павел Федорович Мазур, Евгений Иванович Длужинский и другие товарищи. Группа занималась подготовкой кадров для подполья, подбором конспиративных квартир, мест для размещения складов с оружием, типографий на случай, если Москву придется сдать противнику. Во время вражеских воздушных налетов мы сбрасывали с крыш служебных зданий зажигательные бомбы.

Однажды мне поручили связаться с одним доверенным лицом. Дали пароль и адрес. Идти предстояло на кладбище, в часовню, к моменту ее закрытия. А темнело в то время рано. С малых лет у меня осталось

23

гнетущее ощущение от кладбищ, и я вообще избегала туда ходить, тем более ночной порой. Помню, в период моего детства заспорили как-то мужики, кто из них не побоится пойти на кладбище в полночь и вбить там в могилу колышек — как доказательство. Вызвался наш сосед. Ударили по рукам. И вот он, накинув плащ, пробирается ночью меж оград, сам ни жив ни мертв, присаживается у могилы и лихорадочно, спеша, вбивает колышек. Пытается подняться, а могила не отпускает. Рванулся, но какая-то сила держит его, даже, кажется, тянет в могилу. Сердце не выдержало, и он без чувств упал навзничь. Оказалось, что в темноте он не заметил, как полы плаща накрыли могилу и он вбивал колышек через ткань: вот такая «неведомая сила» приковала его к могиле — сам себя обрек на смертельный ужас.

«Отказаться от поручения? — подумала я в первый момент. — Но ведь сама попросила оставить в. Москве... А теперь вот сразу же возникли первые трудности и вдруг струсила... Нет, задание есть задание», — твердо решила я для себя.

Преодолевая робость, в назначенное время пришла в часовню, что находилась в глубине кладбища. Осторожно, с опаской шла по тропинке, чутко ко всему прислушиваясь и боязливо косясь на темные силуэты крестов. До закрытия часовни оставалось несколько минут, которые пришлось коротать около покосившейся оградки. Волнение не проходило, и я мысленно отсчитывала минуты, казавшиеся тогда такими тягостными.

Наконец, переведя дыхание, я вошла в часовню. В полумраке заметила мрачные очертания гробов, венков, какой-то утвари. Нужный мне человек оказался высокого роста, очень плотного телосложения детиной, говорил низким голосом, отрывисто, размахивал огромными ручищами, смотрел зверем, исподлобья. Его внешний вид никак не вызывал расположения.

— Откуда такая пигалица? — начал он, но, услышав слова пароля, ответил точно. — Тоже мне, связник штаба, или что — там одни школьницы остались?

В подвальном помещении часовни располагалась типография, которую возглавлял этот человек. Передала ему текст листовки для размножения. Расстались мы по-дружески...

Выполнение этого первого задания и ряда других, более сложных, укрепило во мне чувство уверенности

24

в своих силах, умение преодолевать робость и боязнь, когда того требуют интересы дела. Довелось также ухаживать и за ранеными бойцами в подшефном военном госпитале, находившемся на 3-й Мещанской улице. Это и ночные дежурства, подмена санитарок, чтение газет и личных писем воинам, составление

писем родным и знакомым для тех, кто по состоянию здоровья не мог написать сам. Трудное то было время, но славное. Полученная в годы войны закалка послужила хорошей школой для будущей нелегальной работы.

В 1946 году я закончила двухгодичные курсы иностранных языков при Высшей школе Министерства государственной безопасности. И вот тогда мне предложили перейти в разведуправление, причем в подразделение, которое занималось разведкой в нелегальных условиях. Мое представление о такого рода деятельности, как и у многих, было весьма скудным. Слышала, что туда отбирают особо способных сотрудников, что подготовка длится очень долго, что сама работа растягивается на годы и годы. Кроме того, требуется глубокое знание иностранных языков. Тут я имела плюс: языки мне давались легко, я много читала, переводила даже просто так, для себя. Ну и, конечно, волновало, подойду ли для такой службы?

Сейчас припоминается, с каким необыкновенным волнением вошла я в кабинет начальника нелегальной разведки полковника Александра Михайловича Короткова.

Из-за большого стола в глубине кабинета энергично поднялся высокий широкоплечий мужчина средних лет и с приветливой улыбкой направился мне навстречу. Обратила внимание на его мужественное, волевое лицо, сильный подбородок, волнистые каштановые волосы. Одет он был в темный костюм безупречного покроя. Пронизывающий взгляд серо-голубых глаз устремлен на меня. Говорил низким, приятным голосом. Крепко пожав мою руку, он представил меня находившемуся здесь сотруднику. Втроем разместились за маленьким столиком, стоявшим перпендикулярно к большому.

После обстоятельной и очень дружелюбной беседы, когда вопрос в принципе был решен, Александр Михайлович пошутил:

25

— Глядя на нее, никто не подумает, что она может заниматься разведкой.

Это был камушек в мой огород. Причиной, видимо, явился мой невысокий рост, неброский, скромный внешний вид. Что он нашел во мне особенного, я так и не поняла. Полагала, что со стороны опытным работникам виднее. Приятно было сознавать, что мне оказаны высокая честь и большое доверие. Поверьте, это не просто красивая фраза! Тогда на меня произвели большое впечатление его простота в общении, располагающая к откровенности манера вести беседу, юмор. Говорил с доброжелательностью и знанием дела. И, как мне показалось, когда бы он захотел, мог расположить к себе любого собеседника.

На работу в разведку я пошла сознательно, с полным пониманием значения этой службы для государства и той ответственности, которую приняла на себя. Ни в то время, ни в последующем у меня не возникало ни малейших колебаний или запоздалых сомнений в правильности избранного в молодости пути. Я счастлива от того, что разведка стала делом всей моей жизни. Вскоре произошли приятные изменения в личном плане. Как подарок судьбы появился он — Михаил. Сильный, добрый, чуткий, верный и надежный друг. С первых дней возникло ощущение, как будто мы знали друг друга сотню лет. Рядом с мужем будни подготовки не казались такими уж напряженными, а высокая цель окрыляла нас, придавала силы. Одно давалось мне легче, другое — труднее, но я терпеливо вникала в технологию нелегальной разведки.

С того момента, как мы решили пожениться, в кабинетах разведуправления начал разрабатываться вариант нашей совместной поездки на нелегальную работу. Это был напряженный период подготовки как для нас самих, так и для сотрудников аппарата Центра.

Что было сделано? Определена страна назначения — Австралия, а так же разработан и реализован план обеспечения нас иностранными документами, согласно которым мы являлись австралийскими гражданами. (Опустим здесь, по понятным причинам, технологию процесса этой непростой работы. Укажем лишь, что это были не фиктивные, поддельные, а подлинные, безупречные национальные документы.) Оговорены способы связи с Центром, а также разрешены финансовые вопросы.

26

В это же самое время мы, готовясь к командировке, активно совершенствовали иностранные языки, вживались в свои новые биографии, изучали правила использования оперативно-технических средств для поддержания связи с Центром: шифр, тайнопись, радиодело. И вот наконец-то подготовка подошла к концу. Снова, но уже в последний раз проверялась придирчиво и тщательно степень нашей готовности.

Первоначально перед нами была поставлена задача прочно обосноваться в Австралии на «постоянное» жительство, найти подходящую работу, составить себе репутацию добропорядочных лояльных граждан.

Все перечисленное выше в случае успешного развития и реализации являлось необходимым условием для того, чтобы позже приступить к выполнению главной разведывательной задачи, для чего мы и направлялись в командировку.

Накануне нашего отъезда в промежуточную страну, как мы узнали позднее, в Центр пришла срочная телеграмма:

«Канберра — Москва, Громову

Совершенно секретно

Получены данные («Вента»), что местная спецслужба взяла в активную разработку Петрова¹. Агентом-вербовщиком выступает Майкл Бялогуски, музыкант польского происхождения. Оба пропадают в ночных барах и ресторанах. Петров допускает злобные реплики в адрес совпосла. Просим отозвать. 17.XI.53

Сомов»

Это сообщение встревожило руководство нашего управления, ибо непредвиденный случай предложил совсем иной сценарий действий в отношении нас, к которому никто не был готов. Ну, скажем, можно ли быть готовым к землетрясению? К сходу снежной лавины? А можно ли быть готовым к предательству среди своих? А оно-то как раз и произошло...

В шифровке фразой «просим отозвать» недвусмысленно намекали, что дело вышло из-под контроля по-

¹ Петров Владимир Михайлович — исполняющий обязанности резидента внешней разведки МГБ СССР в Австралии (1952 — 1954 гг.). В 1954 г. перешел на сторону американской разведки. Длительное время использовался ЦРУ как инструктор и консультант. — *Прим. ред.*

27

сольства и резидентуры и что под благовидным предлогом необходимо вызвать Петрова в Москву. Далее сообщалось, что «дальние соседи» из ГРУ передали кое-какие детали: АЗИО, австралийская разведка, заинтересовалась Петровым еще в июле 1951 года. Этот поляк, Майкл, у них проходил как опытный агент гитлеровской службы безопасности, поэтому-то и бежал из Польши. Военные разведчики предупреждали Петрова в отношении Майкла, но он ответил, что изучает Бялогуски в плане вербовки. Проверка показала — это двойная игра.

Начальник управления по этому поводу проводил совещание, на котором речь зашла и о нас.

— Какое мнение у отдела в отношении отправки Сэпа и Жанны?— спросил он.

— Ситуация явно не простая, — осторожно начал начальник отдела, — многое еще требуется прояснить. Возможно, положение удастся локализовать, но, чтобы не ставить нелегалов под удар, думаю эту операцию отложить... Временно, до выяснения обстановки.

— Из материалов личного дела следует, — доложил заместитель начальника отдела, — что Сеп, под другими установочными данными, именем и фамилией, в октябре 1949 года проходил курс работы с шифрами в подразделении Петрова. Под заключением на Сепе стоит его подпись. У Жанны с Петровым контактов не отмечено. Наступила напряженная тишина. Каждый взвешивал серьезность возникшей ситуации для будущей миссии. Чувствовалось, как Австралия удаляется от нас с космической скоростью.

— Давайте судить здраво, — нарушил - молчание начальник управления разведки. — Пусть Сеп и Жанна поживут с полгодика в промежуточной стране, осмотрятся, а мы за это время определимся с Австралией. При неблагоприятном случае поменяем им страну назначения, регион, материк, поставим новые задачи, и пусть действуют. Как, согласны? Отлично, так и договорились. И еще, провожая Сепе и Жанну, передайте мои наилучшие пожелания и ни словом, ни видом не давайте понять о нашей озабоченности и возникших неожиданно проблемах. Пусть уезжают с легким сердцем. Мягко шурша шинами по мокрому асфальту, темно-зеленая «Победа» приближалась к Белорусскому вокза-

28

лу. В машине мы хранили молчание, вполне понятное перед дальней рискованной дорогой, каждому хотелось побыть наедине со своими мыслями. В отсветах уличных фонарей виднелись одинокие фигуры москвичей, спешивших по своим будничным делам. Когда, через столько лет вновь доведется нам пройти по улицам столицы? Позади год интенсивной подготовки, «вживания» в свои определенные легендой образы, углубление разговорных навыков владения языками, постижение секретов тайнописи и шифров, радиосвязи с Центром. Основательно проработана экономика и география Австралии, практика судебного и гражданского законодательства, пограничной и таможенной служб, деятельность политических партий и общественных организаций, внешнеполитические устремления правительства, отношение к новым военным блокам в регионе СЕАТО и АНЗЮС. Позади дотошные и строгие экзамены и зачеты, беседы с руководителями разведки: в который раз проверялась наша готовность на случай возникновения непредвиденных обстоятельств, отработывалась возможная линия поведения.

«Холодная война», утвердившаяся в международных отношениях, жесткий контрразведывательный режим, политика с позиции силы ряда западных государств диктовали необходимость такой тщательной подготовки в интересах как безопасности нас самих, так и гарантии выполнения нами главных разведывательных задач.

На шумной, многоголосой привокзальной площади обычная преддорожная суета. «Победа» наша притулилась у багажного отделения, подальше от людских глаз. Хлопают дверцы машины — мы обмениваемся крепкими рукопожатиями, дальше идем к поезду одни. Провожающий нас товарищ остановился на перроне напротив нашего вагона. Мы выглядываем из окна, смотрим на провожающих, иногда наши глаза встречаются с глазами товарища. Поезд отходит медленно от перрона, набирает ход и скрывается за поворотом... За окнами замелькали перелески, поля, одинокие железнодорожные будки, у которых с зеленым флажком в руке молчаливо стояли обходчики путей. Иногда стая ворон, напуганная грохотом поезда, с громким карканьем поднималась с полей.

Ритмично постукивали колеса. Поезд шел по русской равнине, приближаясь все ближе и ближе к польской границе.

29

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Сеп

Остановка в Варшаве. Мы сошли с поезда и быстро растворились в привокзальной толчее. Утро стояло хмурое и туманное, я бы сказал, ничего хорошего не предвещающее. Народ куда-то озабоченно спешил по своим делам, и никто на нас не обращал внимания. Мы постояли какое-то время на площади, наблюдая кипящую вокруг незнакомую жизнь. Вот они — первые минуты пребывания нелегальных разведчиков за рубежом, первые шаги на долгом пути к стране назначения. Конечно, в такое промозглое утро предпочтительней нежиться в теплой постели, чем... Мысль о комфорте и уюте возникла не потому, что нас никто не встречал и не ожидал. Автономное «плавание» как раз такой режим и предусматривает. Дело в том, что после Минска я так и не сомкнул глаз. Проезжали места, где Проходила моя боевая молодость. Картины недавнего прошлого так и хлынули потоком, прогоняя сон.

В годы минувшего военного лихолетия среди обширных пинских болот на отдельных островках, называемых местными жителями грудками, мы разбивали бивуаки. Обычно на каждой грудке рос кустарник и десяток-другой разбросанных низкорослых деревьев. Чтобы обеспечить устойчивую связь с Москвой, антенну приходилось поднимать как можно выше над землей. Один конец ее закрепляешь на одном дереве, а на второе карабкаешься сам с рацией и батареями питания. Зафиксировав рацию и сумку с комплектом питания, я устраивался поудобнее на суку и отстукивал, как дятел, морзянку на ключе, держа его на бедре или просто в руках. Запись входящих телеграмм вел на

30

планшете. Я был молод, спортивно подготовлен, и такая «акробатика» мне даже нравилась. Конечно, в хорошую погоду.

Поздним осенним вечером 1943 года мы уже расходились по землянкам, как вдруг услышали гул моторов приближавшегося самолета. Он летел, как бы осматривая местность, на высоте метров 500, с мигающим под фюзеляжем огоньком. Рейса из Москвы не ожидали, поэтому приняли его за противника. Я попросил майора разрешения обстрелять самолет из противотанкового ружья. На втором заходе самолета я успел произвести по нему, два выстрела. Самолет удалился. Спустя три-четыре дня выяснилось, что самолет принадлежал отряду партизан под командованием майора Парамонова. Он вместе с политруком навестил нас, и, конечно, все шутили и смеялись надо мной, обстрелявшим своих. Бывало и такое.

Как-то разведчики отряда связались с двумя женщинами, которые длительное время работали у оккупантов в буфете на станции Дрогичин. Они обрадовались возможности «насолить» немцам и себя в какой-то мере реабилитировать. Наши минеры приготовили два чемодана со взрывчаткой и научили, как и когда снять с мин предохранители. В поезде, следующем в Брест, к ним напросились на знакомство два немецких офицера. Женщины не растерялись, вместе с офицерами сошли в Бресте с даже попросили их помочь сдать чемоданы в камеру хранения. Вернув им багажную квитанцию, офицеры предложили с ними встретиться вечером. Попрощавшись, женщины быстренько покинули город, так как часовой механизм на минах работал уже не в их пользу. Они достигли леса,

когда со стороны брестского вокзала донесся гул взрыва. Взрывная волна обвалила стену камеры хранения в буфет, где находилось много гитлеровцев, кроме того, рухнул потолок, погребая под собой оккупантов. Случилось это в середине февраля 1944 года.

Пока состав менял «обувь» на европейскую, я смотрел на брестский вокзал и думал об отважных товарищах по оружию, имена некоторых сегодня, к сожалению, стерлись из памяти. Да, боевые воспоминания не давали покоя... Но вернемся в Варшаву.

На привокзальной площади, повторяю, вокруг нас бурлила незнакомая жизнь. Быстро договорился с хозя-

31

ином припаркованного «виллиса» по сносной цене подбросить нас к гостинице «Варшава». Пока толковал с ним, сам с любопытством наблюдал, как он воспринимает мой польский язык.

— Пан, видать, из Кресув Восточных?¹

— Точно. А как ты угадал?

— По говору. Ладно, садитесь. Подвезу.

Больше я за свое произношение не беспокоился. Водитель оказался добродушным парнем, не закрывающим рта. В удобный момент и Жанна задала пару вопросов, чтоб «разговориться» на польском. Город заметно вставал из руин, но следы минувшей войны — немые свидетели варварских планов нацистов «стереть Варшаву с лица земли» — часто попадались на глаза. Как договорились в Москве, на акклиматизацию в Польше нам отводилось полгода. Предстояло не только вжиться в образ поляка, но и понять психологию трудолюбивого, талантливого польского народа, изучить историю и географию Польши, от Гданьска до Кракова и от Люблина до Щецина, современное польское искусство, культуру, узнать новинки кино и литературы, посмотреть крупные костелы, магазины, почерпнуть из народной лексики шутки, прибаутки и анекдоты.

Однако и здесь встречались вопросы, которые в Центре по известным причинам не прорабатывались. Между Польшей и СССР действовал договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве. Со своим западным соседом Советский Союз подписал Згожелецкое соглашение о демаркации польско-германской границы, каждый из партнеров участвует в Совете Экономической Взаимопомощи. Все хорошо и благополучно. Но, как мы в дальнейшем убедились, война оставила ноющие раны в сердцах и памяти поляков. Я имею в виду сложные вопросы большой политики советско-польских отношений в предвоенный и военный периоды. Честно говоря, мы не были готовы к трактовкам событий, с которыми столкнулись здесь, с мнениями, высказываемыми подчас шепотом, доверительно и весьма распространенными в кругах интеллигенции. Больно было слышать упреки в адрес прежнего руководства нашей страны. Вместе с тем полагали, что в среде польской эмиграции

¹ Кресы Восточные — пограничные области с Белоруссией и Украиной. — *Прим. авт.*

32

в Австралии также ведутся аналогичные разговоры, поэтому надо знать их суть, чтобы при случае блеснуть осведомленностью или своим «крайовым» патриотизмом. Это и взаимоотношения сторон после подписания пакта Молотова — Риббентропа; и медлительность Сталина в оказании помощи Варшавскому восстанию; и неприязненное отношение к Армии Крайовой; и трагедия польских коммунистов, когда Исполком Коминтерна на основе ложных провокационных обвинений принял решение о роспуске коммунистической

партии Польши; и пересуды о доле Польши в репарационных суммах, ну и, конечно, катынское дело — гибель десятков тысяч польских офицеров в лесу близ Смоленска. Однако чем бы мы ни занимались, куда бы ни выезжали, но в конце каждого месяца возвращались в Варшаву и проходили по Маршалковской улице с надеждой увидеть сигнал вызова на встречу. Она должна была состояться в популярном ресторане «Под крокодиллом». В то время над входом висело изготовленное из дерева стилизованное изображение гигантского водного пресмыкающегося. Отсюда и пошло еще с довоенных пор название ресторана. Уже позднее я слышал, что когда в Варшаву приезжал Фидель Кастро и посетил этот уголок, то в знак благодарности прислал с Кубы чучело настоящего крокодила, которое, полагаю, и поныне украшает вход.

Разведчики отнюдь не соль земли. И мне не хотелось бы их такими изображать. Будучи людьми скромными, они ни в малейшей степени не считают себя неординарными личностями. Их прочно объединяют единомыслие и единочувствие, стремление быть всемерно полезными своему народу и Отечеству.

Отличительная черта разведчика — жесткий самоконтроль, час за часом, день за днем, бодрствует он или спит. Малейшая ошибка или опрометчивый шаг могут обернуться непоправимыми последствиями. И еще, что отличает разведчика, — это почти нечеловеческая выдержка и невероятное долготерпение.

Разведчик должен обладать способностью быстро отсеивать правдивую и полезную информацию от намеренно вводящей в заблуждение. Хуже нет попасться на удочку искусного дезинформатора. Поэтому нужны трехкратная осторожность и осмотрительность.

Такие мысли приходят мне в голову сейчас. А тогда...

33

Я редко так радовался в жизни, как в тот день, Наконец-то в условленном месте появился сигнал. Значит, через трое суток должна состояться встреча с представителем Центра.

В назначенный вечерний час я отправился в Старый город. Посланец Москвы уже ждал меня там. Это был хорошо известный мне человек. И вот мы уже в уютном ресторане «Под крокодиллом». Никто не обращал на нас внимания. Публика с интересом следила, как на сцене разворачивалось помпезное, пестрое и шумное эстрадное представление.

Мне было приятно, что Центр направил на встречу опытного сотрудника, от которого я получил ценные советы. Особенно запомнились его слова: «Чтобы ни случилось — не впадайте в панику: этим вы только ускорите свой провал. В профессию входите без суеты. Старайтесь всегда просчитывать последствия. И не ленитесь все взвесить, учесть, предусмотреть...»

Да, мой собеседник явно не был кабинетным работником. Он сразу взял, как говорится, быка за рога:

— Как дела? Что нового?

— Работаем потихоньку...

— И хорошо, что не торопитесь. В наших делах излишняя прыткость становится лимонной коркой. Неровен час, можно поскользнуться на ровном месте.

— Мы стараемся вести себя осмотрительно, — откликнулся я. — Пока прожили без неожиданностей...

— Вот и расскажите подробнее, что у вас получается, — перебил меня собеседник.

Я обстоятельно доложил, как прошла наша подготовка, и в заключение

подытожил:

— Мы с Жанной полагаем, что можем начать собираться к выезду в страну назначения.

Представитель Центра кивнул головой:

— Согласен, — вы молодцы и готовы к глубокому оседанию. Но обстоятельства изменились.

И он начал издали, с беглого анализа международной обстановки. Объяснил, что с приходом в Белый дом Дуайта Эйзенхауэра «холодная война» резко обострилась и грозит перейти в «горячий» военный конфликт между Соединенными Штатами и Советским Союзом. В Вашингтоне принята стратегия «отбрасывания коммунизма» и «балансирования на грани войны». Это не наши выдумки, подчеркнул мой собесед-

34

ник, а реальные планы американцев. Каждый день приносит все новые факты, подтверждающие, что они хотят начать с Западной Европы, которую все больше превращают в военный плацдарм. Именно здесь таится сейчас наибольшая опасность для нашей Родины и ее союзников.

Нарисовав такую картину, представитель Центра помолчал, а потом, понизив голос, добавил:

— У нас считают, что в этих условиях у разведки нет более важной задачи, чем получение секретной информации о конкретных военных планах НАТО. Располагая такими достоверными, лучше всего документальными, сведениями, мы сможем сорвать угрозу, исходящую от Североатлантического блока.

«Почему он так много толкует мне о НАТО и Западной Европе? — недоумевал я. — Ведь мы готовимся осесть в далекой от Старого Света Австралии?»

Как бы прочитав мои мысли, представитель Центра перешел к самому главному:

— После моего затянувшегося вступления, вы, наверно, легче поймете, почему в Москве приняли решение изменить страну вашего назначения. Австралию придется отставить! Вы с Жанной выедете в Западную Европу, в одну из стран, на территории которой находятся важнейшие объекты НАТО. Там нужно создать региональный узел нелегальной связи с Москвой. А в случае наступления часа «икс» (так натовцы именуют начало военного конфликта с Советским Союзом) ваша радиоточка перейдет на боевой режим работы. Вам понятна суть дела?

— Понятна, — ответил я тихо, севшим от волнения голосом.

Представитель Центра заметил, что я нервничаю.

— У вас будет достаточно времени, чтобы все хорошо обдумать, — успокоил он. — Через несколько дней вы с Жанной выедете в Москву, получите там новые личные документы, доработаете «легенду»-биографию, подробно обговорите план дальнейших действий и маршрут до места назначения.

Мне было все ясно.

Мы договорились о порядке нашего выезда в Москву, тепло распрощались и разошлись в разные стороны.

Обуреваемый сложными чувствами, я вернулся домой. Долго шептался с Жанной о неожиданном пово-

35

роте в нашей судьбе. По искринкам, сверкавшим в ее глазах, понял, что она разделяет мое волнение.

Долго мы стояли у окна, любовались ночной Варшавой и мысленно прощались с гостеприимной польской столицей.

Жанна

Разведка — моя, как и Сеп, судьба. Наши жизненные пути-дороги привели нас сюда.

Некоторые полагают, что разведка — не самая подходящая деятельность для женщины. В противоположность «сильному полу» она более чувствительна, хрупка, легко ранима, теснее привязана к семье, домашнему очагу, сильнее предрасположена к ностальгии. Самой природой ей предназначено быть матерью, поэтому отсутствие детей (это наш случай) или длительная разлука с ними переживаются ею особенно тяжело. Все это так, но те же «маленькие слабости» женщины дают ей мощные рычаги воздействия в сфере человеческих взаимоотношений, в среде правительственных и иных чиновников. Мне, например, было весьма лестно услышать, находясь в компании с маститым польским писателем, когда на заданный ему кем-то вопрос: «В чем заключается национальное богатство Польши?» он, повернувшись в мою сторону, ответил: «Ну конечно, в польских женщинах!»

Что же касается неотвязчивой ностальгии, то в молодые годы она не так остро воспринимается, да и при нашем «кочевом» образе жизни, особенно в первые месяцы, как-то было не до нее. Надо было войти в образ западной женщины, а что за хозяйка, если она не умеет готовить. И я увлеклась польской кухней. Поводом к этому послужил наш первый ужин в гостинице «Варшава». Сеп просматривал меню в раздумье, когда к нему обратился официант:

— Прошу прощения, пан, но если вы спросите шеф-повара нашего ресторана, что он считает самым вкусным, то, поверьте, он, не задумываясь, ответит вам: «Сельдь!» Истинные поляки не представляют ужина без селедки, но, конечно, правильно приготовленной, как у нас, с льняным маслом и большим количеством лука. К сельди хорошо выпить стопочку водки «Выборовой».

36

В Польше уж так повелось, что к селедке всегда подают водку, а к водке — сельдь!

— А что это — фляки по-варшавски? — спросила я.

— О, у пани хороший вкус. Когда варшавяне хотят поесть, «как польские короли», они идут в ресторан с надписью «Сегодня у нас фляки». Это говяжий рубец, приготовленный особым способом. Я бы вам рекомендовал сходить в ресторан «Флис» — тут недалеко, на Маршалковской, который специализируется на приготовлении этого блюда. Когда вы его попробуете, то не станете удивляться, что во «Флисе» всегда полно любителей фляков.

— Будем полагаться на ваш вкус, — сказал Сеп симпатичному официанту. — Что вы можете предложить?

— Если панство позволит, на первое — красный борщ с грибами. Поговорка «Два гриба в одном борще» — это о нем. Мы кладем гораздо больше грибов. На второе, быть может, бигос. Немного найдется во всей Польше поваров, которые бы умели готовить бигос по-настоящему, как у нас. Или могу предложить карпа под польским соусом. Соусы на выбор: желтый из шафрана, черный из чернослива, красный из вишневого сока, серый из тертого лука. Гарнир — отварной картофель. А под кофе рекомендую торуньские коврижки «катажинки». Почему «катажинки»? Однажды влюбленный торуньский пекарь сделал из теста два сердечка, соединил их кольцом и подарил своей возлюбленной — прекрасной Катажине.

Расставляя приборы, он продолжал увлеченно описывать различные блюда,

разжигая наш аппетит:

— Для пана я специально попросил приготовить голову карпа с подливкой из перца, подают ее, учтите пани, только самому почитаемому и уважаемому за столом гостю, главе семейства или богатому родственнику. В бигос мы обычно добавляем грибы, коренья и немного мадеры. В старину поляки говорили: «Без каши еда — не еда». Правда, в наши дни поляки уже не едят кашу каждый день, но если вам захочется жаркого из индейки или рулета из говядины с соусом из сметаны, то их непременно подадут вам с кашей. Наши блюда очень сытные, не чета немецким, но и зато более дорогостоящие. Поляки едят больше сметаны и сливочного масла, потребляют больше мяса, причем жареное

37

предпочитают вареному. Желаю паньству приятного аппетита...

После такого невольного кулинарного экскурса нам, естественно, захотелось постичь секреты польской кухни. Все эксперименты я проделывала, конечно, на Сепе. Он стойчески переносил недосолы и переперченные блюда и даже хвалил мои кулинарные способности.

Польские женщины прекрасно владеют искусством макияжа, а какая у них изящная походка, с какой грацией, с каким достоинством они шествуют, а не идут, по улицам! Всему этому приходилось учиться на ходу, перенимая и манеры поведения, и другие «маленькие хитрости» женского обаяния. В годы нашей молодости такие тонкости считались «мещанством». Достаточно сказать, что, когда в Варшаве мне впервые в руки попал электрический фен, я не умела им пользоваться. Сейчас, с высоты прожитых лет, эти эпизоды вызывают грустную улыбку, но такова реальность, в которой стартовала наша зарубежная миссия. Мои «польские университеты» корректировали пробелы «светского воспитания» и способствовали успеху выполнения заданий Центра да и нашей личной безопасности.

Решение об изменении страны назначения, принятое в Москве, мы восприняли спокойно. В богатой превратностями службе нелегальной разведки такие случаи нередки. Перипетии международной жизни диктуют смену приоритетов и, соответственно, маневр разведывательными кадрами. Подлинная подоплека принятого Центром решения стала очевидной, когда на страницах западной печати всплыла скандальная история о перебежчике Владимире Петрове, который попросил политического убежища у австралийских властей. И мы еще острее ощутили отеческую заботу Центра о безопасности своих сотрудников, находящихся на нелегальном положении. Об этом мы думали в купе поезда, уносившего нас к столице страны, в которой нам предстояло жить и работать многие годы.

Да, нам многое стало понятно. Пусть пока интуитивно, но мы представили и многочисленные усилия Центра по предотвращению последствий измены Петрова, в частности о судьбе нашей миссии, и компромиссное решение о направлении нас в столицу одной

38

западноевропейской страны. В порыве взяли друг друга за руки и так молча глядели на проносившиеся за окном пейзажи, но каждый при этом думал одно и то же: «Надо учитывать предательство Петрова в наших дальнейших действиях. Где-то и как-то эта история может обозначиться, сказаться на нашем положении, причем в самый непредвиденный и неподходящий момент. «Туристические» настроения — прочь, начинается трудная и опасная работа».

Все погрузились в раздумья о том, что ожидает нас впереди, удастся ли вжиться в новую для нас чужую среду. Но выбор был сделан, и мы отдавали себе полный отчет в том, что это не просто командировка (как неоднократно

приходилось слышать восхищенные восклицания некоторых знакомых: «Ах, как хорошо прошвырнуться по Европе!»), а тернистый и опасный путь, полный трагических неожиданностей и подводных камней, с которыми нам предстояло встретиться в будущем, то есть как поется в песне: «Впереди у жизни только даль, полная надежд дорога...» К этому мы были готовы психологически.

ГЛУБОКОЕ ОСЕДАНИЕ

Сеп

Итак, мы прибыли в место назначения, где нам предстояло «осесть» на длительное время. Как говорят моряки, надолго бросить свой якорь. Прибыли, как об этом свидетельствовали наши заграничные паспорта, в качестве граждан одной из западноевропейских стран. С первых шагов мы должны были подтверждать всем своим поведением, что именно таковыми и являемся. Конечно, в ходе подготовки в Центре мы много внимания уделяли привитию навыков, свойственных людям Запада. Однако в связи с неожиданно происшедшей «рокировкой» нам предстояло понять и уяснить особенности местного уклада жизни, быта, обычаев и нравов, сжиться, слиться со средой, чтобы не выделяться на общем фоне и совершенно не привлекать к себе внимания. Да и просто нужно было привыкнуть ко всему новому.

Вначале надлежало решить две насущные проблемы — найти жилье и работу. После трехдневного проживания в уютной гостинице «Олимпия» мы сняли комнату у служащей этого заведения. Первые дни знакомились с городом почти как туристы, и в то же время вели поиск отдельной квартиры. Найти ее, в принципе, было не сложно, предложения явно превышали спрос, проблема заключалась в стоимости. Просматривая объявления в газетах, подыскали по сходной цене двухкомнатную квартиру в четырехэтажном доме. Заключили договор с фирмой и владельцем строения, в котором подробно расписаны права и обязанности сторон. Перед заселением приобрели недорогую мебель. Посетили бюро регистрации, послушали, какие вопросы

40

там задают, посмотрели со стороны, как проходит процедура прописки. Уходя из бюро прихватили с собой необходимые бланки формуляров, которые спокойно, не торопясь, заполнили дома. Прописка прошла благополучно.

В поисках работы засели за газеты и погрузились в изучение объявлений: одни приглашали специалистов конкретных профессий, другие предлагали свои услуги, причем последние явно преобладали. Вначале я сделал попытку устроиться почтальоном, для чего обратился в отдел кадров главного почтамта. Начальник принял меня вежливо и корректно, однако в разговоре держался строго и к моей просьбе отнесся с оттенком сомнения.

— Можно взглянуть на ваши характеристики с прежнего места работы?

— Да, пожалуйста, — сказал я и протянул ему справку фирмы, в которой работал в качестве референта транспортного отдела в Конго.

Ознакомившись со справкой, начальник, слегка пожав плечами, равнодушным тоном спросил:

— А больше у вас ничего нет? Я имею в виду характеристики местных фирм.

— Нет, к сожалению, ведь я здесь еще нигде не работал.

— Да-а, — протянул он, бросив на меня косой взгляд. — Извините, но мы не можем принять вас без соответствующей рекомендации.

— Но я только что въехал в страну и пытаюсь найти себе работу, — вставил

я.

— Понятно... Но у нас твердо принято не принимать на работу человека с улицы. Мы должны знать, кого берем. Почтальон разносит не только письма, но и денежные переводы, ценные посылки и многое другое,— резонно пояснил он, вставая и возвращая мне справку.

После этой неудачной попытки я решил обратиться в менее уважаемую небольшую частную фирму «Автосервис», где условия приема на работу были не столь сложны. Однако и здесь, прежде чем меня трудоустроить, хозяин навел обо мне справки в полиции, чтобы установить, не значусь ли я там в картотеке неблагонадежных лиц. Об этом я узнал несколько позднее от сослуживцев. В авторемонтной мастерской мне пришлось мыть легковые машины, менять масло,

произ-

41
водить смазку узлов, помогать механику. За этой работой я не раз размышлял над тем, как резко может меняться поле деятельности разведчика в зависимости от обстановки и задания. Казалось, еще вчера я работал сотрудником посольства, вращался среди высокопоставленных лиц, бывал на дипломатических приемах, а сегодня в рабочей спецовке приходится закручивать гайки и выслушивать наставления владельца фирмы. Как только не маскируется разведчик ради достижения поставленной цели! Перед русско-японской войной 1904—1905 годов один японский офицер разведки, работая ассенизатором, разъезжал на бочке с нечистотами по Порт-Артуру, изучая оборонительные укрепления военной базы. Разведчик должен уметь быстро перестраиваться в соответствии с обстановкой, уметь найти себя, проявить большую выдержку, терпение, сознавая, что все это необходимо для дела, которому он служит. Работая в автомастерской, я в первые же дни по неведению допустил курьезную ошибку. Один из владельцев автомашины пожелал отблагодарить меня за выполненную работу и подал чаевые. Я почувствовал себя униженным, сделал вид, что не заметил подачки, и отвернулся к своему рабочему месту. Протянутая рука клиента с монетами повисла в воздухе. Наступило тягостное молчание. От неожиданности он застыл в недоумении, на его лице отразилось крайнее изумление. Конечно, не надо было мне со своим уставом лезть в чужой монастырь. Этот преподнесенный жизнью урок я хорошо усвоил! Хозяин, желая смягчить обстановку, стал угодливо извиняться за меня. Владелец машины молча положил стопку монет на железную бочку и пошел к своей машине. Как и следовало ожидать, этот случай послужил причиной изменения отношения хозяина ко мне в худшую сторону. Оно еще больше ухудшилось, когда я получил производственную травму — в глаз попала металлическая соринка — и вынужден был взять больничный, который хозяин отказался оплачивать, объясняя это непродолжительностью моей работы в фирме. Во избежание дальнейших осложнений я решил уволиться из этой автомастерской по собственному желанию и обратился в бюро по трудоустройству. Там мне повезло. Учитывая мою профессию служащего и знание нескольких языков, дали направление в посредническое бюро «Контакт», коммерческое предприятие,

42

имеющее широкие связи с иностранной клиентурой. Это было временное занятие. В перспективе, как договорились в Центре, имелось в виду приобрести какую-либо самостоятельную коммерческую фирму, с тем чтобы располагать свободным временем, а не корпеть по найму «от» и «до».

Нельзя было забывать об основной своей деятельности, ради которой я был направлен в эту страну. Стали готовить базу для приема радиосообщений из Центра. Требовалось купить обычный радиоприемник, имеющий диапазон

коротких волн, и обзавестись наушниками для приема морзянки. С приемником затруднений не возникло, они имелись практически в каждой семье. Чтобы обосновать наличие в доме наушников, несколько позднее приобрели магнитофон, в комплекте к которому продавался этот предмет. Обзавелись дисками записей классической и легкой музыки. Когда у нас стали появляться гости, включали эти записи и таким образом демонстрировали свою любовь к музыке. Мы приготовились слушать Центр: следовало информировать его об этом. Способ был обговорен еще в Москве. Нам предписывалось в любой из двух фиксированных дней (скажем, вторая и четвертая среда каждого последующего месяца) выехать в обусловленный город и там вместе пройти точно в установленное время по набережной от одного моста до другого. Мы не знали, кто проконтролирует нашу безобидную «прогулку» по тихой набережной, но были уверены, что сигнал примут. Так и получилось. В ближайший по расписанию день радиосеанса я услышал в наушниках далекий голос знакомого оператора радицентра. Москва вышла на связь.

На социальной лестнице мы выступали как люди среднего, быть может, несколько выше среднего, достатка. Денежные суммы, которые были нам ассигнованы и которые мы декларировали в местных финансовых органах, позволяли поддерживать репутацию состоятельных людей. Через несколько месяцев часть наличного капитала обратили в ценные бумаги, купили на выгодных условиях пакет именных акций дочернего филиала солидной торгово-промышленной фирмы «Вита» (химикаты, пластмассы и изделия из них, медикаменты и услуги).

43

Этот шаг превратил нас в небольших, но все же совладельцев филиала. Мы приобрели право голоса на общем собрании акционеров, получили некоторые дивиденды, чем удачно замаскировали подлинные источники происхождения имевшихся у нас средств. Сослуживцам и соседям прожужжали все уши о выгодной сделке, удачном помещении капитала, о торговых перспективах фирмы «Вита» и тем самым закрепили за собой репутацию достаточно обеспеченных и везучих предпринимателей.

Но прежде, чем мы достигли определенного житейского успеха, пришлось испытать и горечь неудачи и даже... банкротства. Служба в фирме «Контакт» дала мне возможность изучить организацию частного дела. Хотя я и понимал, что наши познания и тем более опыт в области предпринимательства все еще оставляли желать много лучшего, тем не менее мы решили начать с долевого участия в уже существующей фирме. Предложений, судя по объявлениям в газетах, было предостаточно. Однако здравый смысл подсказывал, что владельцы предприятий, чьи дела идут хорошо, в компаньонах не нуждаются, а фирмы, стоящие на грани разорения, наоборот, ищут партнеров с деньгами в надежде предотвратить банкротство. Как правило, такие фирмы все равно в конце концов прогорают, а вместе с ними и вложенные компаньоном средства.

Среди сослуживцев мне приглянулся Поль Гарнье, бывший пекарь-кондитер, который не раз в разговорах подчеркивал, что заниматься собственным делом гораздо лучше, чем работать на хозяина, и что он с удовольствием открыл бы небольшую фирму, имея на то достаточно средств. Своим стремлением к самостоятельной жизни, простотой и откровенностью Поль произвел на меня доброе впечатление, и я стал осторожно подводить его к мысли о совместном приобретении небольшого кафе. Идея увлекла Поля, и мы стали подыскивать подходящий объект приложения наших капиталов. Центр дал свое согласие.

Выбор пал на заведение, обслуживавшее район, в котором мы жили. В том

же здании находилась кондитерская, которая поставляла свою продукцию в это кафе. Идеальный вариант. Приобретение оформили по всем нотариальным правилам на Поля Гарнье, а мне он вручил расписку в получении денег. С работы мы

44

уволнились и вплотную занялись делами «фирмы», как мы ее громко называли. Однако вскоре предприятие начало давать трещины, душевного покоя как не бывало. Поль оказался неспособным к коммерции, слабохарактерным человеком, во всем уступал жене и теще. Жена Поля, возмнив себя хозяйкой кафе, вместо того, чтобы помогать мужу, увлеклась модой и флиртом. Вскоре обнаружили, что часть дневной выручки исчезает, накапливались неоплаченные счета поставщиков продуктов. Поль смотрел на все спокойно, заверял, что в период становления некоторые упушения естественны, со временем все утрясется, а деньги из кассы, мол, брал он временно на необходимые покупки для ребенка.

Владелице кондитерской жена Поля пришлось не по душе, между ними произошел неприятный разговор, после которого нам наотрез отказались поставлять выпечку, ускорив тем крах предприятия. Я предложил Полю продать кафе и выручить хотя бы часть затраченных средств. Тот вначале резко воспротивился, оправдываясь, что если бы у него имелись деньги на текущие расходы, то дело бы пошло. Мне было ясно, что дополнительный капитал фирму не спасет, да к тому же я потерял веру в Поля. Продать кафе, которое стояло на грани банкротства (о чем, конечно, знала вся округа), оказалось непросто. Не нашлось ни одного покупателя. Поскольку Поль не располагал средствами на оплату счетов, а я не желал их оплачивать, кредиторы вскоре подали на него в суд. Предприятие было ликвидировано, а его имущество распродано с молотка. Выручки от продажи инвентаря едва хватило на погашение задолженности нашим кредиторам.

На аукционе побывала Жанна, я не пошел. Ей хотелось посмотреть, как он проходит. Ничего хорошего и утешительного, кроме насмешек в адрес потерпевшего. Цены на инвентарь назначались до смешного низкие, сопровождаемые язвительными замечаниями. Аукцион произвел на жену удручающее впечатление. Тяжело воспринял крах фирмы и я, ибо на моих плечах лежала вся ответственность, нужно было внимательнее подойти к подбору компаньона, ближе познакомиться с семьей Поля, узнать их взаимоотношения и не спешить с покупкой. Что и говорить, задним умом мы все крепки. Прикинув, как бы себя вели в такой ситуации мест-

45

ные жители, пришли к выводу, что нам, как потерпевшим, необходимо подать в суд на Поля, ибо наше бездействие выглядело бы для окружения неестественным. Наше поведение не нашло бы понимания, вызвало бы ненужные нам кривотолки. По решению суда Поль обязался вернуть половину суммы, вложенной нами в предприятие. Поскольку с него нечего было взять, нам выдали долговое свидетельство, которое давало право взыскать с Поля задолженность. Конечно, бумага есть бумага, это не реальные деньги, но мы остались довольны исходом дела. За ошибки нужно расплачиваться. Как в подобных случаях говорят: «Наука стоит денег». Начались будни. Вернулся в фирму «Контакт», где выяснилось, что по характеру работы мне не доставало хорошего знания испанского языка, для чего пришлось обратиться к услугам частного преподавателя. Нашли его по объявлению. Это оказался не только опытный педагог, но и прекрасный собеседник. Пожилой, приветливый человек, он имел за плечами богатую преподавательскую практику, охотно и подробно рассказывал о себе и своей жизни, увлеченно знакомил нас с местными обычаями и нравами. Обладал

чувством юмора, позволял себе посмеиваться над теми или иными предрассудками своих сограждан. Таким образом он помогал нам — Жанна тоже подключилась к изучению испанского языка, — сам того не подозревая, глубже познавать новый быт. Это был типичный представитель мещанства, где, как правило, любят критиковать свои порядки, власти, но не терпят, когда это делает проживающий в стране иностранец.

Более полно лицо учителя раскрылось несколько позже. На одном из уроков разговор зашел о второй мировой войне. Выяснилось, что в молодости он служил в кавалерии. Его высказывания свидетельствовали, что он ярый реакционер и ненавидел Советский Союз. С каким-то садизмом он заявил, например, что, если бы встретил в бою коммуниста, рассек бы его саблей с головы до седла, и продемонстрировал это, приподнявшись со стула. Из вежливого, добродушного, всегда мягкого и приятно улыбающегося толстячка он преобразился в пышущего злобой фашистского вояку. Затем, тяжело дыша, опустился в кресло и, несколько успокоившись, добавил: «Или бы повесил его на первом фонаре». К большому сожалению, подобных заявлений

46

нам немало приходилось выслушивать и в последующем. Тяжело было... Но приходилось улыбаться, поддакивать.

Практически на всем протяжении своего пребывания за границей мы постоянно занимались изучением иностранных языков. От индивидуальных преподавателей отказались. Стали посещать занятия на курсах. Изучение языков в группах помогало расширять круг знакомств, что являлось составной частью наших планов по упрочению своего места в обществе.

С этой же целью я, неплохо играя в шахматы, решил вступить в городской шахматный клуб, членами которого были люди самых разнообразных профессий, занимавшие в основном заметное общественное положение. Прием туда проводился только по рекомендации. Мне удалось заручиться таковой от одного из шахматистов и таким образом стать членом клуба.

Кроме того, со временем мы оба стали членами теннисного клуба и клуба кинолюбителей «Кадр», обзавелись портативной любительской 8-миллиметровой кинокамерой. Большинство членов этого клуба относились к людям выше среднего достатка — коммерсанты, врачи, служащие городского управления. Естественно, в интересах нашей разведки мы присматривались к членам клуба на совместных встречах, организуемых дважды в месяц для знакомства с новинками кинотехники, показа и обсуждения отснятых фильмов и просто для личного общения.

В этом клубе мы познакомились и через некоторое время установили дружеские отношения с архитектором Морисом Добривое. Это был живой, темпераментный и очень коммуникабельный человек. Он состоял в местной католической партии. На вид ему было около сорока лет, среднего роста, широкоплечий, с красноватым оттенком лица, большими черными бегающими глазами и лысой крупной головой, крепко сидящей на короткой шее. Уже при первом знакомстве Добривое поделился, что вся семья активно помогает ему при киносъемках. С оттенком гордости подчеркнул, что у него растут два сына, при этом достал из бумажника фотографии: на одной были два весело улыбающихся мальчугана примерно 5 и 9 лет, а со второй строго смотрела молодящаяся женщина с пышной копной дымчатых волос.

47

— Это моя жена Сюзанна, — уважительно произнес он.

Мы пристально всматривались в фотографии, тоща и не подозревая, что жить нам придется с Морисом и Сюзанной Добривое бок о бок многие годы.

Морис — человек на редкость словоохотливый. Он вскоре рассказал, что одно время жил в Австралии, вернулся на родину три года назад. Он также поинтересовался нашим положением: нравится ли нам здесь?

— Спасибо, нам очень нравится и с работой все в порядке.

— Ну и как, довольны?

— Для начала все хорошо. Пока на службе идет испытательный срок, а потом обещали повышение.

— Вот это хорошо, — и, весело переводя взгляд бегущих глаз с Жанны на меня, доброжелательно произнес: — А в воскресенье прошу к нам в гости во второй половине дня. Представлю вас своей семье.

— Спасибо за приглашение. Обязательно придем, — прощаясь, пообещали мы. Однако в душе искренне удивились, что тот охотно, с такой легкостью пригласил новых знакомых к себе домой.

К предстоящей встрече с семьей Мориса мы заранее подготовили себя психологически, продумали возможные варианты вопросов со стороны хозяев. В назначенный день с коробкой шоколадного набора и букетом злых роз отправились к Морису.

Яркие лучи солнца ослепительно играли в стеклах огромных витрин магазинов. На ухоженных улицах встречались немногочисленные, по-воскресному одетые прохожие, возвращавшиеся домой после прогулки. Кругом тишина и спокойствие. Но не спокойно было на душе у нас, ведь это был наш первый визит к новым знакомым.

Еще издали мы заметили Мориса, разговаривавшего возле дома с какой-то женщиной, в которой, подойдя ближе, узнали его жену. Увидя гостей, он сделал движение навстречу, дружелюбно поздоровался, затем, указывая рукой в сторону приветливо улыбающейся женщины, произнес:

— Пожалуйста, знакомьтесь, моя жена Сюзанна.

— Я слышала о вас от мужа, — мягко сказала она, протягивая пухлую руку с серебряным браслетом на запястье. Ее зеленовато-голубые глаза лучезарно

48

светились. Выглядела она несколько старше Мориса, была среднего роста, а ее фигура давно потеряла изящество.

Нас пригласили с гостиную, где был уже накрыт небольшой стол. Там же находились и дети, которые вскоре ускользнули из дома. Хозяин предложил нам кресла и, бросив в нашу сторону изучающий взгляд, хитро подмигивая, удалился на кухню, оставив дверь распахнутой. Там он достал бутылку виски и, открывая ее, сказал:

— Вы не будете возражать, для знакомства?..

Хозяин наполнил небольшие хрустальные фужеры, придвинул к нам тарелочку с печеньем. Пили, как это там принято, маленькими глотками. Затем нам был показан фильм о детях, который снял Морис по собственному сценарию. И нужно отдать ему должное — фильм явно удался. Сюзанна оказалась радушной хозяйкой. У нее были хорошие манеры и живой ум. Она любила музыку, хорошо играла на пианино. По просьбе мужа исполнила несколько этюдов, чем доставила всем большое удовольствие. Время прошло незаметно.

Нас поначалу связывала творческая сторона создания любительских фильмов. Мы с Жанной были в этой области новичками, и Морису нравилось знакомить нас с процессом кино съемок. В дальнейшем он иногда приглашал к себе домой на просмотр его кинофильмов. В знак уважения и мы проявляли гостеприимство, принимая их с ответным визитом.

Иногда, в свободное время, шутки ради я заполнял купон спортлото без

особой надежды на выигрыш. Но однажды фортуна мне улыбнулась — я выиграл довольно крупную сумму. Во время выплаты, как положено, с меня высчитали подоходный налог. О выигрыше мы сообщили в Центр и передали всю сумму в его распоряжение. Нас поблагодарили и приказали потратить деньги на оперативные расходы. И вот спустя некоторое время меня неожиданно вызывают в налоговый отдел по вопросу моих доходов. Свои налоги я платил исправно, а посему был немало удивлен такому вызову. По существующим законам весь капитал, в том числе и с процентного накопления на сберкнижках, подлежит обложению подоходным налогом. Соккрытие хотя бы доли состояния карается штрафом, а в злостных случаях даже тюремным заключением. Поразмыслив, пришел

49

к выводу, что это скорее всего связано с выигрышем в спортлото. С этой мыслью я направился «с повинной» в налоговый отдел к налоговому комиссару.

Когда я вошел в кабинет, мне сразу же бросилось в глаза, что я где-то раньше уже встречался с комиссаром. Поднапряг память. Действительно, с ним я разговаривал около двух месяцев тому назад в городском шахматном клубе, где международный гроссмейстер аргентинец Мигель Найдорф давал сеанс одновременной игры на тридцати досках. Я был среди участников, и комиссар стоял в числе других зрителей за моей спиной и наблюдал за ходом партии. Играя черными фигурами, я упорно защищался, но в конце концов вынужден был признать себя побежденным. Комиссару, видимо, понравилась моя игра, и он сказал мне об этом. Я потолковал с ним о шахматах, а потом мы дружески распрощались.

Налоговый комиссар поднял голову, оторвавшись от чтения бумаг, и устремил вопросительный взгляд на меня. Какое-то мгновение он сосредоточенно всматривался в мое лицо, как бы что-то припоминая?

— Вы ко мне? Чем могу служить? — вежливо обратился он.

— Да, господин комиссар, к вам. Но не шахматы привели меня сюда, — шутливо ответил я, помогая тем самым ему вспомнить меня.

На губах комиссара появилась приветливая улыбка, глаза дружелюбно засветились. Он поднялся и вышел из-за стола, протягивая мне руку. Я понял, что он меня узнал.

— Прошу вас, садитесь, пожалуйста, сюда, — пригласил он, движением руки указывая на стул около стола.

Внешне комиссар производил довольно приятное впечатление. Он был чуть выше среднего роста, строен, в хорошо подогнанном темно-коричневом костюме, в сорочке со стоячим крахмальным воротничком и при галстукке, завязанном свободным узлом. Волосы зачесаны назад, а небольшие темные усики подчеркивали бледность лица.

— Как же, как же! Хорошо помню, как вы чуть-чуть не поймали в ловушку маститого гроссмейстера.

Чувствуя, что это значимая для комиссара тема, я решил использовать ее для перехода к личному делу.

50

— Вы, как видно, не являетесь членом Центрального шахматного клуба? Мне не довелось с вами там встретиться.

— Я посещаю районный шахматный клуб вблизи моего дома.

Комиссар очень живо, с большим интересом и довольно долго говорил о шахматах, о полезности этой игры для развития человека как личности, а когда я коснулся цели моего прихода, выслушал меня с пониманием и, поверив в правдивость объяснения, без каких-либо препятствий оформил налог за выигрыш

в спортлото, который не был мною своевременно декларирован в налоговом отделе, без начисления штрафа.

Страна нашего пребывания относилась к государствам с высоким уровнем жизни, сохранила давние культурные традиции. Ее население состояло из нескольких национальных групп. Это государство, сумевшее не утратить до наших дней свежесть народных обычаев и традиций, уходящих своими корнями в глубину веков, страна музеев и архитектурных памятников старины. Ее население в материальном отношении довольно хорошо обеспечено.

Мы на месте расширили свои познания о ее обычаях, нравах и порядках. Мужчины в меру галантны. Женщины хорошие хозяйки и заботливые матери, следят за своей внешностью, одеваются по моде, как правило, политикой не интересуются. Характерной чертой местного населения являются трудолюбие, бережливость. О последней говорит и тот факт, что они с сызмалства приучают детей знать цену деньгам, для чего посылают их во время школьных каникул на легкие работы. Мы были однажды удивлены, услышав заявление одного знакомого по шахматному клубу, владельца мебельной фабрики и мебельного магазина, известного миллионера, о том, что он отказал своему сыну в деньгах на покупку нового магнитофона. Бизнесмен не возражал против приобретения, но посоветовал сыну потрудиться во время каникул и на заработанные деньги купить его себе. Мотивировал этот богач свой поступок тем, что хотел приучить сына к трудовой жизни и бережному отношению к деньгам.

Мы упорно вживались в окружающую среду, привыкали ко всему и приспособлялись к новой жизни. Со временем настолько освоились в чуждой для нас

51

обстановке, что полюбили эту страну с ее климатом, морем, традициями, музеями и архитектурными памятниками, ее маленькими провинциальными городками.

Новый год, как известно, празднуют в домашнем кругу, и наступавший 1955-й мы решили встретить дома вдвоем. Оделись во все лучшее, накрыли праздничный стол. За десять минут до наступления Нового года в Москве включили радиоприемник, разъединили наушники и, стоя с бокалами шампанского в руках, слушали новогоднее поздравление Н. С. Хрущева, обращенное к народу, и мелодичный бой курантов. Поздравив друг друга, обменялись подарками и сели за стол. Неожиданный резкий телефонный звонок прервал наше празднество. Переглянулись. Кто бы это мог быть? Что стоит за этим некстати прозвучавшим звонком, который сразу вернул нас на землю?

...Последовавшие события не заслуживали бы специального описания, если бы они остались просто эпизодом нашего повседневного, особо ничем не примечательного бытия на втором году пребывания в стране. Однако, забегаю вперед, замечу, что получилось иначе. Мы ответили на звонок, и в результате в нашей жизни возникли новые обстоятельства, которые значительно приблизили нас к главной цели — создать благоприятные условия для выполнения основной разведывательной задачи.

Итак, не вовремя зазвонил телефон.

— Алло! Добрый вечер! — послышался в трубке радостный голос Мориса. — Как хорошо, что вы дома! Где вы встречаете Новый год?

— Добрый вечер, Морис! Готовимся отметить дома, — ответил я несколько сухо.

— Приезжайте к нам. У нас гостит Жорж с женой, они очень хотят с вами повидаться.

— Спасибо, Морис, за приглашение, но мы решили провести вечер дома, к тому же жена чувствует себя неважно.

— Что-нибудь серьезное? — забеспокоился он.

— Да нет, просто легкое недомогание... вероятно, от усталости.

— Ну, это пройдет, — уже веселым тоном произнес

52

Морис. — Попроси ее, пожалуйста, я поговорю с ней сам.

Жанна нехотя подошла и взяла из моих рук трубку.

— Добрый вечер, Морис... А-а... Это ты, Жорж?

— Привет, дорогая! Что это вы там уединились? Приезжайте быстренько к нам. Здесь собралась небольшая компания, а вас не хватает... Вот и жена стоит рядом и тоже убедительно просит вас об этом.

— Спасибо, Жорж, вы очень добры к нам, но, видишь ли, у вас уже собралась компания и мы не хотели бы своим поздним приходом нарушить ваше идиллическое настроение, — ответила Жанна уклончиво.

— Нет, нет... никакого беспокойства, хочется просто пообщаться. Здесь все свои, — и обрадованно, скороговоркой начал он называть всех, кто там присутствовал.

Жанна уловила фамилию одного коммерсанта, о котором в последнее время мы много слышали от Мориса и хотели познакомиться с ним. «Вот это подходящий случай!» — подумала она и после некоторого колебания ответила:

— Хорошо, Жорж. Ты убедил. Сейчас переоденемся и приедем.

— Только не мешкайте, быстренько в машину и — полный газ, чтобы успеть к двенадцати... до встречи, — с этими словами он повесил трубку.

Жоржа Бонне, старого друга семьи Добривое, мы к тому времени уже знали неплохо. Жорж и Морис были знакомы со студенческих лет — оба закончили Мельбурнский университет, вместе три года назад возвратились на родину. Да, я забыл сказать, когда впервые Морис произнес слово «Австралия», сердце у меня екнуло, но в тот момент я не придавал этому серьезного значения. Жорж, имея художественные наклонности, открыл мастерскую, где расписывал рекламные щиты и плакаты и в этом деле весьма преуспел. Он был членом католической партии, любил уединение, часто один выезжал с палаткой и мольбертом за город, чем постоянно расстраивал свою жену Викки — женщину хрупкую, легко ранимую.

Нам не очень-то хотелось ехать к Морису, однако возможность знакомства с интересующим нас коммерсантом упускать было нельзя. Такие неожиданные сюр-

53

призы бывают не часто. Итак, достали бутылку хорошего вина, для детей взяли коробку конфет, а для себя решили прихватить маскарадные принадлежности с тем, чтобы своим необычным видом привнести свежую струю хорошего настроения: у меня — маска с усами, большим красно-фиолетовым носом и красная турецкая феска с черной кисточкой, а у Жанны — японское кимоно и веер. В таком облачении мы и явились к Морису. На наш короткий звонок дверь открыл сам хозяин. Помним его растерянный взгляд, полуоткрытый рот, округленные большие черные глаза, застывшие в нерешительности.

— Вот мы и прибыли — проговорил я, хихикая в усы. Жанна, прикрыв лицо веером, вежливо, по-японски, кланялась.

Лицо Мориса расплылось в широкой улыбке и, всплеснув руками, он радостно воскликнул:

— Так это вы? — и резко повернувшись, стал звать Сюзанну.

Послышалось поспешное цоканье каблучков Сюзанны, а за нею появились на

шум и гости. Вот так, улыбаясь, стояли мы в новогодний вечер перед честной компанией, вызвав гул одобрения и радостные аплодисменты слегка подвыпивших полуночников.

Как читатель уже знает, Жанна — самая что ни на есть русская, из простой трудовой семьи с берегов Волги. Родилась в городе Саратове. Однако с годами в ее внешности появились какие-то восточные черты. Именно поэтому, отправляясь к Морису Добривое, шутки ради она оделась «под японку» и выглядела, надо признаться, эффектно. Позднее, когда мы нередко выезжали в другие страны, многие иностранные попутчики действительно принимали ее за японку, проявляя глубокое уважение и симпатию к этой нации. Они спрашивали, счастливы ли мы в браке, ведь мы дети совершенно разных культур. Я терпеливо сносил завистливые комплименты поклонников Страны восходящего солнца.

Новогодняя ночь, проведенная в кругу Добривое и Бонне, способствовала знакомству с Жаном Бланкофом, владельцем солидного магазина по продаже тканей, очень близким другом Мориса и Жоржа, который, собственно, посодействовал переезду на родину друзей из далекой Австралии. Это был высокий, строй-

54

ный старик лет семидесяти, с гладко зачесанными седыми волосами. Он держался солидно, спокойно, доброжелательно и в политическом плане принадлежал к правому крылу Социально-христианской партии. В разговоре обнаружилось, что Жан, кроме коммерции, неплохо ориентируется и в шахматах. Даже в новогоднюю ночь мы ухитрились «скрестить шпаги» за шахматной доской. Маленький штришок: это обоюдное увлечение шахматами способствовало взаимному сближению.

Мужчины закурили, и тут Жан заметил, что подыскивает себе личного секретаря для работы в магазине на полставки.

— Что же ты раньше молчал? — воскликнул Жорж. — Зачем где-то кого-то искать, когда рядом есть подходящий человек? Вот, пожалуйста, чем не секретарь? — показал он на Жанну.

— Мы поговорим об этом в другой раз, — с улыбкой ответил Бланкоф, обращаясь к ней, попросил ее зайти к нему в контору после праздника и протянул свою визитную карточку.

Жанна

Прежде чем я воспользовалась визитной карточкой Бланкофа, мне пришлось испытать полную чашу горечи, подыскивая себе работу. До въезда в страну назначения я умела бегло писать на машинке, немного шить. Исходя из этих возможностей, я предложила свои услуги в качестве машинистки крупной торговой фирме, где занималась переписыванием адресов на конверты. По собственному усмотрению могла выполнять эту работу как на фирме, так и дома, что нас очень устраивало. Однако этот труд оказался монотонным и низкооплачиваемым. Тогда я решила переключиться на швейную работу. Купили швейную машинку. Довольно длительное время я шила все, что предлагали на фабрике: постельное белье, детские рубашечки и пижамки, кухонные фартуки. Для улучшения знаний в швейном деле, которые в этот момент были так необходимы, а с другой стороны, чтобы расширить круг знакомых среди женщин, устроилась на курсы кройки и шитья. Мне даже удалось уговорить соседку по лестничной

55

площадке посещать со мной эти курсы. Впоследствии я подружилась с этой

молодой женщиной.

Как мы вскоре выяснили, фирмам было очень выгодно иметь работниц на дому: требования к ним предъявлялись те же, что и к работающим на фабрике, а оплата труда гораздо ниже. Через некоторое время я и от этой работы отказалась. Хотелось если уж работать, то чтобы труд доставлял удовольствие, а также был соответственно вознагражден. Подумали и решили, что мне следует попробовать устроиться в бюро на полставки. Возможность такая имелась, так как некоторые фирмы в таких работниках были по тем или иным причинам заинтересованы.

В стране нашего пребывания, как правило, конторские служащие оканчивают коммерческую школу. Они печатают на машинке, умеют стенографировать, хорошо знакомы с банковскими операциями, знают бухгалтерию, занимаются корреспонденцией.

Немного прикоснувшись к делам коммерции, мы не могли не признать, что почти не разбираемся в теории и практике частного предпринимательства, слабо знаем торговое законодательство, финансовое дело, механизм борьбы за выживание в условиях рыночных отношений.

Чтобы приобрести недостающие знания, мы оба поступили на вечернее отделение частной коммерческой школы. Занятия можно было начинать в любое время года, так как они проходили индивидуально. Для нас было важно то, что по окончании этой школы выдавалось удостоверение. Это был легальный документ, подтверждающий коммерческое образование. Его владельцу было гораздо легче устроиться на работу.

Посещая коммерческую школу, я продолжала подыскивать работу по газетным объявлениям и через знакомых. В ответах на объявления предлагала свои услуги в качестве помощника бухгалтера. Трудность для меня при устройстве на работу заключалась в том, что в этой стране я еще нигде не работала, а поэтому не располагала характеристикой с места работы. Ни одна фирма не желала первой принять меня к себе. Правда, во время собеседования как сами владельцы фирм, так и работники по кадрам держались приветливо, снисходительно. Но разговор обычно заканчивался стандартными фразами:

56

— Хорошо, о нашем решении мы известим вас позднее в письменном виде.

Возвращаясь после таких бесед домой, в первое время я была тронута любезным приемом, питала надежду на положительный исход дела, мысленно представляла себе, как войду в бюро, как меня представят служащим, как будет мне показано рабочее место. Позднее, однако, стала относиться к таким разговорам более трезво, анализировала ход беседы, предугадывая исход встречи.

Ежедневную почту из ящика я вынимала с двойственным чувством: радовалась, что пришел ответ от фирмы, и тревожилась — не принесет ли этот конверт новое огорчение? И действительно, черным по белому, в вежливой форме было обычно написано: «Мы очень сожалеем... выбор пал на другое лицо. Желаем вам удачи». Либо: «К сожалению, место отдано другой особе... Желаем вам успеха». Причем в любом случае все фирмы без исключения уведомляли просителя всегда своевременно, не заставляя долго ждать.

Помню один случай, который меня немало шокировал. Я явилась по объявлению в одну фирму и была представлена ее директору. Когда вошла в кабинет, увидела сидевшего за письменным столом седовласого мужчину преклонного возраста, который, низко склоняясь, что-то писал. Стол стоял торцом к большому окну, через которое доносился приглушенный уличный шум. Оторвавшись от бумаг, директор пытливо посмотрел на меня, расплылся в улыбке и низким хриплым голосом пригласил сесть в кресло напротив стола.

Секретарше дал знать, что она может быть свободна. Легко ступая по мягкому ковру, я подошла к столу, села в кресло и застыла в ожидании. Поискав что-то на столе, он с радушным видом коротко рассказал о фирме, о работе, которая меня ожидает. Говорил спокойно, производил впечатление культурного человека. Ознакомившись с моим заявлением, в котором я изложила данные о себе, он заметно изменился.

— Так вы реэмигрантка?! — произнес он с некоторым удивлением.

— Да, это так, — подтвердила я, напрягшись как пружина.

— Мне очень жаль, — задумчиво проговорил он, сделав недовольную гримасу, а затем после небольшой

57

паузы продолжил: — А муж, конечно, тоже реэмигрант? — и тут же сам ответил: — Да, да, вы пишете об этом.

Я молча наблюдала за ним, не понимая, к чему он клонит.

— Видите ли, — начал он раздраженно, — я много путешествовал, посетил ряд стран. У меня осталось о некоторых из них, особенно о странах Восточной Европы, очень неприятное воспоминание... Меня там однажды обокрали. Это отвратительно. Я до сих пор не могу забыть этого случая... — И после некоторого молчания добавил: — На своих работников я могу полностью положиться. Персонал для фирмы я подбираю очень тщательно. Вы понимаете.

Я внимательно слушала, устремив на него взгляд. — Вы ведь спокойно оставили свой зонтик у нас в прихожей? — продолжал он самодовольно. — Его там, кроме вас, никто не возьмет. Это я вам гарантирую.

Я не проронила ни слова. Да и зачем? Мне было очень обидно его слушать. Не долго думая, встала. Взяла из его рук свое заявление и фотографию.

— Спасибо. Мне все ясно. После того, что вы рассказали, работать в вашей фирме мне будет неприятно, — и вышла из кабинета с высоко поднятой головой. «Каков гусь! Его обокрали! Как будто в других странах не случаются кражи, — рассуждала я по дороге домой. — А нужно было бы ему рассказать о случае с кражей зонтика у Сепы, что произошел в одном из местных магазинов. Как бы он на это отреагировал?.. Да что там, все равно он, конечно, в это не поверил бы или вину возложил на иностранцев».

Невзирая на все неудачи, я упорно продолжала заниматься поиском работы, придерживаясь принципа «Кто ищет, тот всегда найдет». И действительно, наконец мне улыбнулось счастье — я получила предложение принять должность помощника бухгалтера в одной небольшой частной фирме. Хозяин фирмы, человек суровый, скупой и сварливый по натуре, был доволен моим трудолюбием и четкостью в работе. Он стал все больше и больше доверять мне, а вернее, нагружать меня все более сложными бухгалтерскими расчетами. Казалось, все идет своим чередом, но... со мной произошел на улице несчастный случай. В один воскресный

58

день мы ездили в соседний город для подбора тайников и мест встреч. Машины у нас в то время еще не было, и поездку совершили поездом. По возвращении в столицу, ожидая трамвай, мы стояли на остановке недалеко от вокзала. В руках у Сепы была развернута вечерняя газета, в чтение которой мы оба углубились. вдруг до нас долетел резкий шум дребезжащего железа. Мы быстро повернулись на звук и... неприятное уже произошло. Я вскрикнула от боли и осела на тротуар. Оказывается, с колеса проезжавшего мимо нас на довольно высокой скорости такси соскочил металлический колпак, покотился по инерции вперед и ударил меня по ногам, сильно поранил правую голень.

Владелец фирмы отказался оплачивать мне больничный лист, мотивируя это

коротким сроком моей работы. Я попыталась отстаивать свою правоту, но хозяин составил новый договор и предложил или его подписать, или уволиться. Хотя мы и понимали несправедливость условий работы в этой фирме — повышенные требования, невысокое вознаграждение за труд, неоплата больничного листа, — все же мне пришлось согласиться с новыми условиями и приложить все усилия, чтобы удержаться здесь хотя бы некоторое время, пока не найдется более подходящее место.

Для западных стран характерно то, что работа в небольших частных фирмах связана с определенными трудностями. Их хозяева, как правило, стремятся составить трудовой договор с большей выгодой для себя. Спустя несколько месяцев, когда я уже закончила коммерческую школу и получила удостоверение, подыскала по объявлениям в газетах место помощника бухгалтера у владельца крупного ресторана «Максим», где и работала в момент встречи с господином Бланкофом.

Итак, через несколько дней я пришла по указанному в визитной карточке адресу. Магазин располагался на одной из центральных торговых улиц столицы, считался достаточно респектабельным. Бланкоф встретил меня приветливо, представил свою секретаршу, пожилую женщину, которая прослужила у него более двадцати лет и сейчас хотела быть занятой только полдня. Жан высоко ценил эту женщину и решил уважительно отнестись к ее просьбе. Рассказал о

моих

59

обязанностях, показал место работы и ознакомил с текущей документацией. В конце беседы Бланкоф выразил согласие принять меня на работу, и я подписала договор.

На новом месте я быстро освоилась со своими обязанностями и добросовестно их исполняла. Этим расположила мадам Бланкоф к себе и заслужила доверие членов семьи. Мадам Бланкоф — высокая, стройная крашеная шатенка — уделяла своей внешности большое внимание. Одевалась модно и со вкусом. Это была культурная, образованная, с утонченными манерами женщина. В дела мужа не вмешивалась, с его сослуживцами держалась обходительно. Однако, чувствовалось, знала все, что происходит в фирме.

Хотя работа нас вполне обеспечивала в материальном отношении, мы все же продолжали изучать возможности организации своего частного дела для того, чтобы еще больше закрепиться в обществе и создать денежный фонд в целях использования его в будущем на нужды, необходимые для выполнения поставленной задачи.

Иногда случается, что кому-то в чем-то, в том числе и в коммерции, везет. Нечто похожее произошло и у нас. Как говорится: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Скоропостижно скончался Жан Бланкоф. Старик сидел в кресле перед телевизором и смотрел футбольный матч с участием его любимой команды. Внезапно почувствовал себя плохо, прибывший врач констатировал смерть от инфаркта. У Жана был сын, который жил с семьей в Соединенных Штатах, в городе Сиэтле, занимался коммерцией, от родителей держался обособленно, в дела отца не вникал, что глубоко огорчало родителей. Дали телеграмму. Прилетевший на похороны сын посоветовал матери продать магазин и, сославшись на занятость, быстро улетел за океан. Вдова Бланкоф была потрясена.

Мы предложили мадам Бланкоф принять нас в доленое участие в делах магазина на правах компаньонов. Это предложение ее несколько озадачило. Она осторожно посоветовалась с Жоржем, и тот поддержал нас. Мадам Бланкоф

благосклонно относилась ко мне и после некоторых размышлений дала согласие: нам полагалось внести треть суммы от зарегистрированного размера капитала фирмы, перевести нашу долю на бан-

60

ковский счет вдовы, чтобы иметь право, кроме основной зарплаты, получать ежегодно треть от достигнутого размера прибыли. Оформлению необходимого в таких случаях юридического документа предшествовали консультации у юриста, в городском банке, с налоговыми органами, контакты с торгово-промышленной палатой (ведь предстояло перерегистрировать магазин на фамилию новых владельцев), и наконец в нотариальной конторе составили договор о вступлении Сеп компаньоном в дела фирмы и подписями заинтересованных сторон скрепили сделку. Теперь Сеп именовался директором-распорядителем, и на его визитной карточке эта должность выглядела солидно. Собственное предприятие вначале доставляло немало хлопот и беспокойства, постепенно, однако, все стало на свое место. Мы позволили купить себе автомобиль, поскольку затраченные средства на него вполне объяснялись нашим солидным социальным положением, да и личный транспорт был необходим для повышения мобильности в предстоящей интенсивной разведывательной работе.

Дел у меня прибавилось, но я выкраивала время для посещения курсов иностранных языков и косметического салона, где присматривалась к местным женщинам, изучала принятые манеры поведения в «чисто дамском» обществе, кое-то перенимала от них, заводила полезные знакомства. В узком кругу за любимым занятием встречались женщины разных политических взглядов, профессий и социального положения. Они обменивались мнениями о местной жизни и ценах, происходящих в мире событиях, о мужьях и детях, о взлетах и падениях судьбы.

Однажды в нашей группе на курсах совершенствования иностранного языка появилась новая слушательница, Дороти Мэллоу: молодая, интересная, культурная женщина, жена английского дипломата. Держалась просто, независимо, вызывая всеобщую симпатию и уважение. Я внимательно к ней присматривалась, отмечая про себя, как еще многому предстоит научиться, чтобы стать похожей на современную западноевропейскую леди. Дороти являлась на занятия в сопровождении свиты из четырех шпицов на длинном кожаном поводке. Усадив рядом с собой и пригрозив им пальцем,

61

Мэллоу приказывала им «вести себя прилично». «Приличия» шпицам хватало минут на десять, а потом они принимались резвиться, мешая сосредоточиться. Я хотела было запротестовать, ибо собаки явно мешали всем, но ни слушатели, ни преподаватель никак не реагировали на нарушителей спокойствия. Ларчик открылся просто: владельцы курсов боялись потерять клиентов, ибо курсы были платные. Слушатели же, внося плату за обучение, держались так, как им заблагорассудится. Каждая из сторон блюла собственные интересы в рамках принятых здесь правил приличия и господствующей морали. Хорошо, что мне удалось сдержать готовые сорваться с языка возражения. В который раз подтвердилась истина: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

На этих же курсах я познакомилась с девушкой итальянского происхождения Джованной Солиме. Занималась она усердно, мечтала устроиться секретаршей в крупную фирму оптовой и розничной торговли продовольственными товарами. После занятий мы несколько раз заходили в кафе. Она доверяла мне свои маленькие тайны, делилась дальнейшими планами. Вскоре она уехала в другой город и наша дружба прервалась.

...Прошло несколько лет, и я случайно встретила Джованну на улице. Едва ее

узнала, так она сильно изменилась, и далеко не в лучшую сторону. Одетая была скромно, утомленное лицо, потускневшие глаза. Из беседы выяснилось, что личная жизнь у нее не сложилась: осталась одна с двумя детьми, заработок небольшой. Захотелось ей помочь чисто по-человечески, и я рекомендовала ее на свое прежнее место в бухгалтерию ресторана «Максим». Джованну приняли, и женщина сразу же преобразилась, конечно, преисполнившись чувством бесконечной благодарности ко мне. Вскоре мы ввели ее в круг домашних друзей и знакомых, и в течение нескольких лет Джованна стала верным и надежным другом нашей семьи. Было здесь и чисто практическое соображение: все, что она говорила о нас посторонним, носило, безусловно, позитивный характер и в то же время через Джованну мы узнавали, что думают и говорят о нас в нашем ближайшем окружении.

62

Сеп и Жанна

Наша командировка началась в непростых условиях: здесь и сложный политический климат в Западной Европе, и «аномалии» в нашем разведывательном ведомстве, но тем не менее первый этап адаптации мы прошли успешно. Слагаемые успеха заложены прежде всего в умении предвидеть выигрышные ходы и избегать патовых ситуаций, в естественности поведения, что требует самообладания, находчивости и глубокой веры в надежность имеющихся документов. Завершение периода глубокого оседания, если можно обозначить его пределы, — это и подведение итогов предшествующей работы тех подразделений нелегальной разведки и ее сотрудников, которые готовили нас к длительной командировке. Успешная адаптация означает качественную работу всей «технологической» цепочки.

И вот уже опробована линия радиосвязи с Сепом, стали поступать первые сведения об окружении и лицах, которые могут представить интерес для разведки. Конечно, внимание, и вполне заслуженное, привлекла Дороти Мэллоу, жена английского дипломата, с которой у Жанны сложились неплохие отношения и реальная основа для углубления контакта, чтобы впоследствии Сеп мог выйти на мужа. Свои соображения на сей счет мы отправили в Москву. Фигура Мориса Добриное пока четко не прояснилась, данные поступили на него впервые, раньше в поле зрения разведки он не попадал, но в связи с вышеизложенными обстоятельствами слово «Австралия» вызвало неприятный осадок. С этим человеком следует держать ухо востро и внимательно к нему присмотреться.

Вполне понятны наши переживания в связи с первыми неудачами на коммерческой ниве. Правда, нет худа без добра: кто из настоящих мелких да и средних предпринимателей не терпел в бизнесе фиаско? Тут, как известно, неудачи перемешиваются с удачами. Так что неуспех только подкрепил версию, что Сеп такой же, как и все вокруг. Соблюден постулат разведки: нелегал за рубежом не должен выделяться из общего ряда, не должен иметь слишком больших успехов, как и слишком заметных промахов. Естественно, нас волновала потеря валюты, выделенной нам Центром. А вообще, существуют ли какие-либо нормы, в прокру-

63

стово ложе которых требуется уложиться, чтобы создать респектабельное прикрытие для разведчика-нелегала, или за рамки которых нельзя выйти в обмен на жизненно важную информацию? Как заметил Фрэнсис Уолсингэм, глава английской разведки при Елизавете I, «любая цена за информацию приемлема»,

имея ввиду сведения, которые помогали разгромить Испанскую армаду¹.

Конечно, ни один человек, в том числе и разведчик-нелегал, не может в равной степени хорошо разбираться и в политических, и в финансовых, и в экономических, и в военных, и в научно-технических вопросах. Но его целеустремленность, высокая предварительная подготовка, жизненный опыт, личная установка на достижение поставленных в Центре целей помогают вращаться в чужую среду. Наши операции по вступлению в компаньоны и есть результат устремленности и, конечно, везения.

Но без помощников в нашем деле ни за что не обойтись. Сейчас, когда мы окрепли, появляется возможность отправляться на поиск и восстановление связи с теми друзьями нашей Родины, которые сотрудничали с нашей службой в предвоенные годы. Лихолетье войны привело к свертыванию контактов, разбросало человеческие судьбы, оборвало связующие нити. Живы ли они? Обошла ли их стороной «коричневая чума»? Верны ли принятым на себя обязательствам? Однако не только прагматические интересы закладывались в наше задание определить, насколько эти люди могут быть полезны нелегальной разведке в настоящее время, но и, в случае необходимости, оказать моральную да и материальную помощь своим былым тайным соратникам.

Раскрытие перед иностранным государством имен разведчиков и агентов в годы первой мировой войны считалось бесчестьем! Аналогичный кодекс чести исповедовали нелегалы и передавали его своим доброволь-

¹ «Непобедимая армада» — крупный военный флот, созданный в 1586 — 1588 гг. Испанией для завоевания Англии. Понес огромные потери в столкновении с английским флотом в Ла-Манше во время сильного шторма, в результате чего было подорвано морское могущество Испании. — *Прим. ред.*

64

ным помощникам, олицетворяя в глазах последних и патриотизм, и верность Отечеству, и бескорыстное служение долгу. На такой благодатной почве выросла и наша разведка, сохранив в традициях лучшее, оставленное предыдущими поколениями. Своеобразным мостом между прежней российской и нашей внешней разведками может служить одиссея одного ротмистра царской армии, призванного в разведку в 1916 году. А в 1919-м году он уже по заданию Дзержинского под псевдонимом Ваню уезжает в стан белых армий, остается без связи с паролем, мытарствуется по Западной Европе, используя обстоятельства, привлекает к себе внимание английской разведки «Сикрет интеллидженс сервис». Во время второй мировой войны выполняет задания англичан, награждается орденом, а после окончания военных действий связывается с представителем нашей службы и заявляет о своей готовности сотрудничать с ней «во имя безопасности родного народа». Просьбу Ваню сопроводил письменным отчетом о «проделанной работе» и прожитой жизни, который читается похлеще любого выдуманного детектива. Вот строки из этого документа:

«...Когда над Россией сгущаются тучи третьей мировой войны, пусть на первых порах и «холодной», прошу использовать мое положение, жизненный опыт и некоторые выходы на британскую СИС в интересах обеспечения безопасности нашей Родины. По-прежнему верный Вам — Ваню. 8.05.1955 г.»

Да, заманчиво предложение подключить такой источник к работе, проникнуть в британские спецорганы, завязать игру с английской разведкой. Но многое в этой истории еще предстоит проверять, перепроверять, убеждаться в достоверности, надежности, чтобы получить «зеленый свет» на встречу с Ваню. А пока нам поручается выехать в Испанию и Португалию для возможного восстановления связи с рядом законсервированных источников. Как говорится, первая проба пера в деятельности нелегальной разведочки. Соответствующая

ориентировка и установочные данные зарубежных помощников получены. Одна заковыка: адрес предвоенной поры наверняка у кого-то из бывших агентов поменялся или сменилось название улицы... В общем, многое будет зависеть от нашей находчивости и изобретательности.

65

ОПАСНОСТЬ ДЫШАЛА В ЗАТЫЛОК

Сеп

Разведчик-нелегал никогда не исключает того нежелательного случая, когда в зарубежной командировке ему придется столкнуться с проявлением внимания со стороны спецслужб страны назначения. Это, как говорится, издержки профессии. К такому неожиданному повороту событий он должен быть заранее готов и психологически, и профессионально.

«Первое дыхание» контрразведки мы тоже вскоре почувствовали. И, как уже известно читателю, принес его наш ближайший «друг» — архитектор Морис Добривое. Первый этап — блеск недоверия в глазах, второй — повышенное любопытство, чего раньше за ним не наблюдалось, и третий — хитроумные лисьи заходы с целью что-то выведать. Представьте: располагающая обстановка в нашей квартире, в компании Мориса просматриваем любительский фильм, снятый нами во время отпуска, гость рассуждает о планах проведения в будущем году своего отпуска на Средиземном море... И вдруг, как бы между прочим, просит показать загранпаспорта, по которым мы въехали в страну: мол, чем отличаются полученные за границей документы от выдаваемых здесь.

Согласитесь, довольно странная просьба. «Он же сам вернулся из Австралии», — мелькнуло у меня в голове. Внимательно просмотрел, задержавшись взглядом на неразборчивой подписи чиновника, выдававшего документ, ехидно хмыкнул: «Левой рукой кто-то подписал». Я не взорвался и подчеркнуто спокойно назвал фамилию чиновника — и Морис тут же быстро сменил тему, принялся разбирать достоинства и недостатки нашего кинофильма. Этот эпизод, естественно, нас насторожил,

66

и мы решили более внимательно присмотреться к «другу».

Позднее подозрения усилились. Морис стал навязчиво одни и те же вопросы задавать каждому из нас в отдельности. Как-то, находясь с семьей у нас в гостях, он использовал момент, когда Жанна вышла на кухню, спросил меня, каким маршрутом мы прибыли в страну. Получив ответ, он под благовидным предлогом переместился на кухню и стал об этом расспрашивать Жанну. В другой раз, в воскресный день, при совместном посещении кафе Морис спросил у Жанны, когда я отлучился, чтобы помыть руки, сколько мы привезли с собой денег и в какой валюте? После кафе гуляли по городу, и, когда наши жены оказались впереди, он стал у меня выяснять те же финансовые вопросы. И это было только начало.

Однажды без предупреждения, что на Западе не принято даже между близкими друзьями, Морис заявился к нам поздним вечером, как раз в то время, когда мы занимались расшифровкой радиотелеграммы, только что полученной из Центра. Раздался не сильный, но настойчивый звонок, сердце екнуло. «Кто бы это мог быть в столь поздний час?» — переглянулись мы. Быстро убрали все со стола. Жанна взяла шифровку и закрылась в ванной комнате, где в аптечке всегда предусмотрительно находились спички, если бы потребовалось что-то срочно сжечь, а я пошел открывать дверь.

На случай внезапного прихода посторонних лиц мы заранее распределили между собой обязанности и отработали способ быстрого свертывания оперативной техники и, если бы возникла острая необходимость, уничтожения материалов.

— Ты понимаешь, — бесхитростно объяснил Морис, — проезжаю мимо, у вас свет горит, дай, думаю, загляну просто так, на «огонек».

После короткого обмена новостями, разговора о самочувствии он передал привет от жены и откланялся. Прошла неделя, и он вновь, без предварительной Договоренности, поздним вечером появился у нас, даже не объяснив причину столь странного визита. Не вдруг, не с бухты-барухты действовал Морис. Кто стоял за его спиной? Вот что волновало нас.

— Пожалуйста, Морис, заходи, ты нам не поме-

67

шаешь, — жестом пригласил его к столу, где находилась шахматная доска с расставленными фигурами. — Как раз разбираю одну партию. Сыграем?

— Нет, перед сном играть вредно, — ответил он, внимательно всматриваясь мне в глаза. — А ты чем-то взволнован, случилось что?

— С чего бы? Жизнь налаживается, нет повода для беспокойства.

— Вид у тебя такой, словно ты чем-то напуган, — деланно-добродушно сказал Морис.

Стало ясно, что это был заранее спланированный ход, своеобразный психологический прием, чтобы вывести из состояния равновесия, уверенности в себе путем констатации факта, будто бы внутренняя тревога написана на наших лицах. Кто научил архитектора этим приемам и с чьей подачи он подкапывается под нас? Несомненно, за этой игрой скрывается опытная рука: пройдет какое-то время и на сцене появится сам «дирижер».

Между тем Морис продолжал «шалить». Как-то пришел к нам со своим старшим сыном, который, войдя в гостиную, сразу же подбежал к радиоприемнику, включил его и стал переключать диапазоны. Не оборачиваясь, на слух определил, что мальчишка проверяет оба канала коротких волн. Наконец, выключил приемник, подошел к отцу и с детским простодушием сказал: «На этом приемнике тоже можно принимать морзянку».

Я сделал вид, что ничего не понял, и спросил недоросля: не хочет ли он послушать музыку?

— Нет, нет, — растерянно вмешался отец. — Это его шалости, — и переменял тему разговора.

Этот случай явно показал, что для решения своих (своих ли?) задач архитектор даже был вынужден использовать собственного сына. Но мы по-прежнему продолжали делать вид, что «наскоки и выпады» Мориса нас не касаются и пропускали их мимо ушей. Такие уж «недогадливые» — что поделаешь!

В следующее воскресенье Морис пригласил нас к себе на кофе. Он пребывал в отличном настроении, много шутил, показывал детские и юношеские фото из семейного альбома, знакомил со своими архитектурными набросками студенческих лет. Уединившись с Жанной, как будто между прочим передал ей какой-то

68

машинописный текст на русском языке, а сам внимательно наблюдал за реакцией. Повертев листок в руках, Жанна спокойно вернула текст, заметив, что он напечатан, вероятно, на каком-то славянском языке, ей не известном. Морис поспешно спрятал бумагу обратно в папку, пояснив, что листок случайно сохранился у него, что это, мол, письмо одного его мельбурнского друга.

Уже определилось, что главным действующим лицом по «просвечиванию» нас спецслужба избрала Мориса. Поэтому постоянно ждали от него очередного подвоха. Однако всего предусмотреть было нельзя.

Изобретательности архитектора можно было позавидовать.

По окончании работы я прошел на одну из торговых улиц, чтобы сделать кое-какие покупки. Вдруг кто-то сзади резко схватил меня за кисть руки. В голове промелькнула мысль: «Кто бы это мог быть? Ведь я здесь еще не имею столь близких знакомых!» Рефлективно отдернув руку, я быстро обернулся. Передо мной стоял широко улыбающийся Морис. Его черные как угольки глаза лукаво всматривались в мое лицо. От неожиданности какое-то мгновение я молча смотрел на него.

— Что, испугался? — ухмыляясь, спросил он.

— Почему я должен пугаться? — оправившись от внезапности, недовольным тоном ответил я.

— Небось подумал, что полиция хватает тебя? — улыбнулся он ехидно.

— Не понимаю, а причем тут полиция? Я ведь ничего не украл! Чист перед законом... Свой и отцовский капитал не оставляю в ресторанах... — парировал я.

— Не сердись. — Морис перешел на примирительный тон и протянул для приветствия руку. — Вышел из магазина, смотрю, ты проходишь мимо, вот и решил пошутить.

Хороши шуточки! Прямо холодный пот прошибает. Кто-то явно не унимался и продолжал через архитектора оказывать на нас психологический прессинг. На этот раз ему понадобилась моя реакция на имитацию «задержания полицией». Какой следующий шаг? Как-то Морис завел разговор о моем деде Мишеле. — Удалось ли тебе побывать в деревне, где проживал твой дед?

69

— Нет, пока мы еще не были. Как только немного обживемся, сразу же посетим места, где жили мои предки.

— Я вот к чему клоню... Волею случая в этой деревне как раз проживает моя дальняя родственница Луиза. Я списался с ней и поинтересовался судьбой твоего деда. Она сообщила, что ее знакомая из соседнего дома, восьмидесятилетняя мадам Бертенье, вспомнила, что в юные годы знала месье Мишеля. Луиза даже пригласила приехать к ней в любое удобное время для нас и встретиться с мадам Бертенье. Мне кажется... — тут он многозначительно посмотрел на меня, — тебе будет приятно побеседовать с человеком, знавшим твоих дедушку и бабушку.

— Это приятная неожиданность, — с чувством искренней радости произнес я. — У меня всегда в душе теплилась надежда, что встречу кого-нибудь, знающих что-либо о них.

— Вот и хорошо, такая возможность тебе сейчас представляется. Если желаешь, в пасхальные дни мы туда и поедem.

— Я тебе очень благодарен... Это хорошая идея. Но не обременим ли мы Луизу своим посещением и ночевкой? Ведь нас будет все же пять человек.

— Не беспокойся, места у нее хватит на всех. Она с мужем держит небольшой пансионат и имеет свое хозяйство. Природа там очень красивая, хороший климат, в общем, не пожалеете. Вам там очень понравится.

Отказ от поездки выглядел бы неестественно. Рано или поздно все равно пришлось бы посетить места, где проживали «предки».

В канун Пасхи, ранним субботним утром, мы выехали на машине Мориса вместе с его семьей. Необходимо было проделать расстояние примерно в 200 километров. Весна в том году была несколько запоздалая. К тому же выдался на редкость пасмурный день. По краям дороги мелькали темные разбухшие поля да

одинокое деревни, окруженные голыми садами.

Луиза приняла нас радушно. Это была высокая, сухопарая женщина примерно пятидесяти пяти лет. Ее муж, Антон, рослый, плотно сложенный мужчина с красным обветренным лицом и натруженными, заскорузлыми от крестьянского труда руками, выглядел го-

70

раздо старше своих лет. Радостно приветствуя гостей, Луиза долго и внимательно всматривалась своими светло-голубыми глазами в мое лицо.

Приведя себя после длительной дороги в порядок, мы по приглашению Луизы спустились в гостиную на совместный ужин.

Гостиная представляла собой большую квадратную комнату с нависшими массивными сводами, высоким деревянным потолком, на котором выступали четырехгранные деревянные балки темно-коричневого цвета. Большой тяжелый стол и стулья с высокими, художественно вырезанными спинками составляли обстановку гостиной. Все это выглядело как-то неуклюже громоздко для городского жителя, однако хорошо вписывалось в общую картину жилища, создавало теплоту, домашнюю атмосферу.

Ужин прошел в оживленной и непринужденной беседе о том, как прошла поездка, затрагивались другие бывалые темы. Луиза показала себя большим специалистом в приготовлении местных блюд, которыми она щедро угощала гостей. На десерт подали кофе, а также ореховый торт и сладкие хлебцы, начиненные печеными грушами.

За кофе разговор постепенно перешел на меня, и мне в который раз уже пришлось рассказывать со всеми подробностями свою «легенду»-биографию. Луиза живо интересовалась всем. Несмотря на то что психологически я был готов к беседам подобного рода, меня тревожило, насколько хорошо осведомлена о моем «деде» соседка Луизы мадам Бертенье? Не может ли всплыть какая-то не известная мне деталь из его биографии?

Неожиданно Морис, ухмыляясь, обратился к Антону:

— Слушай, пойдешь, пожалуйста, к мадам Бертенье и пригласи ее к нам. Скажи, что приехал внук месье Мишеля, и попроси ее заодно захватить его фотографии.

Забегая вперед, скажу, что в этой ситуации произошел случай, который можно оценивать по-разному, но он возмутил меня, да и Жанну тоже.

Антон вяло поднялся и, тяжело ступая, пошел за соседкой. Прошло некоторое время, а Антон не возвращался.

71

— Что-то Антон задерживается, — нетерпеливо произнес самодовольный Морис, быстро встал и направился узнать, в чем задержка. Непонятно было, с чего бы это архитектор сиял, как именинник.

Опять какая-то заковыка. Что-то вновь замыслил криводушный Морис. Очередную мою «проверку». Ладно! Что будет на этот раз? Неожиданное упоминание о фотографии «деда» заставило меня собраться. В действительности я никогда не видел «деда» ни живого, ни на фото, хотя по «легенде»-биографии встречался с ним в начале 30-х годов, когда он, после смерти бабушки, приезжал к моему отцу в Конго погостить, о чем знали из моих рассказов Морис и другие знакомые нашего окружения. Я хорошо понимал, что ради моей проверки Морис пойдет на любой подвох, лишь бы достичь своей цели. Вот и сейчас они могут показать мне действительно фотокарточку «деда» Мишеля или под видом его совершенно другого человека. При этом он, безусловно, будет наблюдать за моей реакцией. Я лихорадочно искал выход, мозг усиленно работал.

Жанна, отчетливо понимая всю опасность сложившегося положения,

старалась создать непринужденную обстановку, занимая разговором оставшихся в комнате женщин и отвлекая их внимание от меня.

Внезапно меня осенила спасительная мысль, и словно гора с плеч свалилась.

В дверях появился с фотографией в руке улыбающийся Морис, а вслед за ним медленно вошел понурый Антон, поддерживая под руку худенькую, среднего роста, седовласую мадам Бертенье. Проворно подойдя, Морис молча протянул мне снимок и тихо уселся на прежнее место.

Я внимательно разглядывал фотокарточку, чувствуя, что взоры всех присутствующих устремлены на меня. В этот момент решение было готово: если будет предъявлена фотография молодого «деда», как внук я могу его и не узнать, а если фотокарточка более позднего времени, то «дед» должен выглядеть загорелым, в крестьянской одежде, типичным фермером. С фотографии на тонком картоне смотрел пожилой, с выхоленным лицом и пушистыми усами мужчина при галстуке и в безупречном костюме, совершенно не отвечающий по внешности типу крестьянина. Достаточно было одного взгляда, чтобы

72

определить несоответствие этого мужчины с предполагаемым дедом Мишелем.

В комнате стало тихо. Я спокойно повернул фотографию, чтобы взглянуть на обратную сторону. В этот момент Морис, поняв безуспешность своей затеи, быстро воскликнул:

— Нет, нет! Это не твой дед... Это муж мадам Бертенье.

— А ты, Морис, однако ж, большой шутник! — стараясь сдержать свое возмущение, саркастически сказал я, возвращая фото. — Ну, знаешь... такой каверзы я от тебя не ожидал...

Он был явно смущен, растерян и не знал, что ответить.

— Видите ли, — поспешно вмешалась Луиза, желая смягчить обстановку, — у мадам Бертенье действительно были фотокарточки ваших дедушки и бабушки. К сожалению, семья мадам сильно пострадала во время паводка — многие мелкие вещи потеряны.

Не желая в интересах дела заострять внимание на выходке Мориса, Жанна перевела ее в шутку.

Мадам Бертенье оказалась приятной собеседницей. Несмотря на свой преклонный возраст, обладала завидной памятью, чем нас немало удивила. Охотно рассказывала о своей юности, о том, что дружила с месье Мишелем, надеялась выйти за него замуж, но он предпочел другую. Однако дружба между ними осталась на всю жизнь. Многие фотографии, в том числе и несколько совместных, погибли во время стихийного бедствия, о чем она очень сожалела. Слегка сгорбленная, она подошла ко мне, положила дрожащие руки на плечи, долго и молча всматривалась своими подслеповатыми глазами в мое лицо, шептала: «Весь как мой Мишель. Карие глаза и подбородок раздвоен...» На ее лице сияла радость. Затем, видимо довольная своим открытием, она слегка наклонилась к Жанне и, загадочно улыбаясь, спросила:

— Он что, тоже любит держать руки в карманах?

— Еще как! — оживленно отозвалась Жанна. — Просто не могу отучить его от этой привычки.

— Все мужчины в родне Мишеля имели плохую привычку держать руки в карманах. Прямо гены какие-то.

73

Просто напасть... Деду было бы весьма трудно не признать своего внука, который унаследовал, увы, не лучшие его привычки.

Все дружно рассмеялись. Натянутую атмосферу как рукой сняло. Все сочувственно отнеслись к мадам Бертенье.

«Молодец Жанна», — с удовольствием подумал я. — Быстро нашлась. Мне же теперь, учитывая эту родственную привычку, невольно придется почаще держать руки в карманах».

В первый пасхальный день, после посещения костела и праздничного завтрака, Луиза вызвалась познакомить нас с местностью и показать, где находился дом «деда». Деревня, которой еще не коснулся буйный ветер перемен, располагалась по обеим сторонам шоссе. Во всем чувствовалась хозяйская рука, всюду порядок, чистота. Местные жители занимались скотоводством, садоводством и разведением цветов. И вот мы на месте, где ранее стоял дом «деда». К сожалению, он не сохранился, так как новый владелец перестроил все по своему вкусу. Я проявлял ко всему большой интерес, старался изобразить радость по поводу встречи с родными местами и грусть по давно ушедшему времени. Ведь с исчезновением дома как бы оборвалась связь с далеким прошлым.

Возвращаясь с прогулки, я тихо сказал: — Моя давняя мечта — увидеть родные места моих родителей. Наконец-то это свершилось. — И немного помолчав, добавил: — Еще хотелось бы мне посетить кладбище.

На следующий день, в пасхальный понедельник, мы все отправились на кладбище, расположенное в 400 метрах от деревни, в смешанном лесочке, окруженном белым каменным забором. Мадам Бертенье привела нас к старой, обветшалой от времени оградке. Возложив цветы, мы в глубоком молчании и печали отдали последнюю дань усопшим.

На обратном пути меня не покидала мысль о подsunутой Морисом фотографии. На шутку это не походило. Уж слишком она была нелепа и явно не к месту. Скорее всего, это было специально кем-то подготовленное мероприятие, а Морис, как наш ближайший «друг», являлся всего лишь исполнителем. Чувствовалось, что противостояние будет продолжаться.

74

У читателя может возникнуть вопрос, почему мы продолжали терпеть около себя этого невыносимого Мориса Добривое, чрезмерно любопытного и опасного, а не отделались от него под каким-либо благовидным предлогом. Этого нельзя было делать: мы совершили бы оперативно неграмотный шаг. Во-первых, показали бы, что разгадали замыслы спецслужбы. Во-вторых, место Мориса обязательно бы занял кто-то другой, новый «порученец», и нам пришлось бы все начинать с начала. Поэтому мы решили продолжать затяжные «баталии» с Морисом, нам уже известным, в то же время допуская, что им одним спецслужба не ограничится.

По логике вещей, наряду с проверкой на дому что-то аналогичное должно было происходить и на местах нашей работы. Так оно и получилось.

В то время я был рядовым служащим в фирме «Контакт», где скромно выполнял свои малозаметные обязанности. Но вот в один прекрасный день почувствовал, что руководитель группы начал проявлять ко мне повышенное внимание, завязывал разговоры на отвлеченные темы, рассказывал о своей удачной карьере, как он от мальчика на побегушках дослужился до нынешней солидной должности. Все чаще и чаще приглашал меня с Жанной к себе домой то «на чашку чая», то «посмотрим вместе теледетектив», то «поиграем в картишки». Иногда у него собирались и другие гости, которым он представлял нас как своих очень хороших знакомых, многозначительно добавляя при этом: «Я знаю, кого можно к себе приглашать».

Почти на каждой такой встрече «почему-то», без всякой нашей инициативы, возникали политические разговоры, главным образом о Советском Союзе, о

странах народной демократии. Комментариям подвергались черпаемые из прессы многочисленные небылицы о «невыносимой» жизни простых людей в нашей стране, о благоденствии «элиты» — коммунистов. Все это подвергалось злобному осуждению, общим хохотом сопровождалась особо «остроумные» анекдоты про русского Ивана, про белых медведей на улицах Москвы и прочее. Приходилось все это выслушивать, изображать удивление и понимание подобного «юмора». Иногда хозяин ставил вопрос в лоб: «А что вы думаете о...» На это я чаще всего отделивался стандартными фразами типа: «Россия, коммунизм — для меня большая загадка...»

75

Эта «дружба», к счастью прекратилась, когда я занялся предпринимательской деятельностью в фирме Бланкоф. В моральном плане то был, пожалуй, наиболее трудный период в нашей тамошней жизни.

Примечательно то, что примерно тогда же я заметил за собой слежку в городе после окончания работы на протяжении всего маршрута при возвращении домой. В то время я начинал работу в восемь часов утра. В большом потоке людей, спешивших по утрам на службу городским транспортом, мне было чрезвычайно трудно выявить наблюдение на маршруте от дома до фирмы, но это, конечно, не означало, что его не существовало.

Как-то, возвращаясь с работы, я зашел по пути в аптеку. Через широкую витрину бросил быстрый взгляд на улицу. В этот момент на противоположной стороне задержался молодой человек, которого я заметил еще при выходе из помещения фирмы, и стал смотреть в сторону аптеки. Я оказался единственным посетителем, но, когда обратился к провизору, вошел другой мужчина и пристроился рядом. Аптекарь отошел за лекарством для меня, а другой служащий поспешил оказать услугу вошедшему. Тот назвал мазь, которой в продаже не оказалось, однако аптеку не покинул, а стал рассматривать медикаменты, лежавшие в шкафу за стеклом. Ясно, человек намеревался проследить за моими действиями в аптеке и подслушать разговор с провизором. После аптеки я заглянул в магазин, молодой человек медленно шел за мной по другой стороне улицы.

Для того чтобы убедиться в слежке, а также изучить методику наблюдения, составили на ближайшее воскресенье специальный маршрут передвижения по городу. Мы с Жанной были хорошо подготовлены к выявлению наружного наблюдения.

После традиционной воскресной утренней мессы в церкви отправились на прогулку по живописным тропинкам парка на окраине города. Внимание привлекла молодая пара, которая с подозрительным постоянством старалась все время находиться поблизости от нас. Мы свернули в боковую аллею, присели на скамеечку рядом с пожилой четой, продолжая оживленно беседовать. Молодая пара задержалась невдалеке: мужчина долго закуривал сигарету, а затем и они присели на

76

скамью метрах в тридцати. Отдохнув, мы пошли в кафе-ресторан, находящийся здесь же, в парке. Молодая пара больше на глаза не попадалась. После неторопливого обеда извилистыми тропинками углубились в лесную чащу. Кругом малоллюдно, тихо, спокойно. Неожиданно впереди нас на пересечении тропинок выскочил белобрысый паренек, ошалело посмотрел по сторонам и скрылся в соседней аллее.

Второй этап маршрута предусматривал прогулку к обсерватории и посещение кинотеатра. Перед началом сеанса, как и все остальные, мы прохаживались в фойе, незаметно присматриваясь к окружающим нас людям. Все вроде бы

нормально, но что это? В фойе появилась та самая молодая пара, что встретила днем в парке, только в другой одежде. Открылись двери зрительного зала, народу было мало, и каждый занимал место по своему усмотрению. Молодая пара стояла в нерешительности, а когда мы определились с местами, устроилась во втором ряду зади нас. Сомнений не было — слежка.

Наблюдение проводилось в течение трех недель. Во многих случаях, применяя несложные приемы проверки, мы выявляли слежку. Иногда имелись лишь подозрения, но какая-то особая, присущая разведчикам интуиция подсказывала: наблюдение ведется. Естественно, в такие напряженные дни оперативные дела откладывались в сторону. В результате этого дорогостоящего мероприятия спецслужбы, конечно, получили определенную сумму сведений: о религиозных взглядах (яркие католики), стиле жизни (скромно, по средствам), круге связей и увлечений (работа — дом, деловой, шахматный и теннисный клубы). То есть ничего крамольного в нашем досье, очевидно, не появилось. Прекращение слежки отнюдь не означало завершение проверки. Скорее всего, это была прелюдия перед появлением на сцене подлинного «дирижера», и «режиссера», проверочных мероприятий. И тут мы не ошиблись.

Он предстал перед нами в облике служащего военного комиссариата. Открыв дверь, Жанна пригласил его в гостиную, а сама пошла на кухню, где я обедал, сообщила о визитере. Когда я появился в комнате, гость сидел за столом, спиной к окну. «Типичный полицейский прием», — подумал я, присматриваясь к посетителю, выражение лица которого на фоне падающего с улицы света скрывалось в тени. Гость представился, пояснив, что ему необходимо побеседовать со мной по важному делу.

— Пожалуйста, чем могу служить? — Вы, как владеющий несколькими иностранными языками, можете служить интересом нашего государства в качестве переводчика в случае возникновения военных действий в Европе. Поэтому нам необходимо уточнить некоторые вопросы.

На первый взгляд предлог для беседы — возможность возникновения военных действий в Европе — может показаться по меньшей мере странным. Но только не в то время (середина 50 — начало 60-х гг. — период разгара «холодной войны»), когда военная тема не сходила со страниц печати западных стран, внедрялась в умы людей, нагнетая страх и всеобщую нервозность. Например, в период суэцкого и карибского кризисов ситуация в стране настолько накалилась, что люди металась по магазинам, подчистую скупая продовольственные товары, обеспечивая себя впрок домашними припасами. Правительство обращалось к населению с призывами не поддаваться панике, но истерия страха не прекращалась. Таковы были реалии, и поэтому мотивировка визита «служащего комиссариата» выглядела вполне естественной.

Гость достал из внутреннего кармана пиджака блокнот, изучающе посмотрел на меня и спросил: — Где и кем вы сейчас работаете? Я обстоятельно ответил. Данные он записал в блокнот. Затем поинтересовался семейным положением, наличием детей, спросил, когда я приехал в страну, нравится ли мне здесь, имеются ли родственники и поддерживается ли с ними связь, где они проживают. Время от времени он быстро делал короткие пометки в блокноте. На все вопросы я отвечал строго, придерживаясь «своей» биографии. По ходу беседы и по характеру задаваемых вопросов все более становилось ясным, что посетитель не является служащим военного комиссариата. Во-первых, в комиссариате на меня уже заведено досье и я получил военный билет с отметкой о зачислении в резерв. Во-вторых, служащий комиссариата должен был по идее заносить мои данные в

анкету, а не в блокнот и, наконец, самое главное, для уточнения

78

сведений военнообязанных обычно вызывают повесткой в комиссариат, а не посещают каждого на дому. Придя к такому выводу, я спросил не без доли иронии:

— Как я вас понял, меня, вероятно, вскоре призовут в армию?

Гость несколько призадумался, на лице его читалось явное замешательство. Переборов смущение, он напустил на себя важный вид, коротко отрезал:

— Вас об этом своевременно известят.

Пожали друг другу руки и на этом расстались. Мы с Жанной призадумались: возможно, визитер является провинциальным участковым полицейским инспектором, пожелавшим с нами лично познакомиться. Тогда почему он посетил нас не в форме и представился служащим комиссариата? Наконец, вопросы о родственниках... Пришли к выводу, что проведено очередное, плановое «мероприятие» службы безопасности, разработка нас вступила, видимо в решающую фазу. Но... на то я и разведчик, что даже из такой ситуации должен извлекать пользу. Так получилось, что мне дважды удалось проследить за маневрами «служащего комиссариата» между районным полицейским участком и главным зданием полиции. К тому времени Центр сообщил, что нами занимается новый контрразведывательный орган Североатлантического союза, и таким образом мы вычислили местонахождение контрразведки НАТО. Конечно, в покое нас все равно не оставили. Среди завсегдаев центрального шахматного клуба, членом которого я состоял, появился новый любитель шахмат. Как-то вечером незнакомец предложил мне, наблюдавшему за игрой других, сыграть в шахматы. Такая просьба отвечала традициям клуба, где каждый мог пригласить любого из присутствующих за шахматную доску. Мы взаимно представились. Он назвался Карлом Штильманом, на вид лет сорока, выше среднего роста, спортивного телосложения.

За игрой никаких наводящих вопросов не задавал, в душу не лез, играл с увлечением, примерно на одном со мной уровне. В последующем при встречах в клубе он приветствовал меня уже как старого знакомого, но видимого интереса к моей личности вроде бы не проявлял. И все же что-то в нем настораживало. Иногда это был быстро брошенный взгляд в мою сторону, иногда — манера подсаживаться к столику, за которым я играл

79

с другим партнером, иногда просто срабатывало мое «шестое чувство». Пытался навести о нем справки через знакомых членов клуба — для них он тоже был новичком. Однажды после совместной игры мы вместе вышли из клуба. По дороге выяснилось, что живем недалеко друг от друга. Штильман предложил играть в шахматы по вечерам у него дома, чтобы, мол, не тратить времени на поездку в клуб. Что крылось за этим невинным приглашением? Конечно, в следующий раз мне придется пригласить его к себе домой с ответным визитом. Лучше не надо. Вежливо поблагодарив, я отклонил это предложение:

— Видите ли, в клубе мне импонирует сама атмосфера, возможность общения с игроками разноги уровня и стиля.

Штильман больше не настаивал. Он был сама любезность. Не чета язвительному Морису Добривое. В субботу я разговорился с кассиром клуба о предстоящем внутриклубном турнире и спросил его о Штильмане, который почему-то никогда в таких турнирах не участвовал. Кассир нехотя, но довольно простодушно сообщил, что тот работает детективом то ли в криминальной полиции, то ли в другом подобном учреждении и у него, мол, скользящий график дежурств. Вот, оказывается, почему срабатывало «шестое чувство». Логика

подсказывала, что от Штильмана надо держаться подальше, на близкий контакт не идти, а с другой стороны, специально избегать его не следует, чтобы не насторожить.

Проводя вечера в клубе, нет-нет да и встречался с ним, иногда даже сам приглашал детектива за шахматную доску. Однажды мы возвращались вместе из клуба и я, пользуясь паузой в разговоре, как бы между прочим, спросил:

— Простите господин Штильман, вы работаете в криминальной полиции или полиции нравов?

Несколько помедлив, тот нехотя процедил:

— В криминальной...

— Я как-то вам звонил, желая пригласить вместе поиграть в клубе, но, к сожалению, никто не ответил. В телефонной книге рядом с вашей фамилией указано место работы, и я заинтересовался.

— Возможно, я был на дежурстве.

— Как видно, со временем у вас трудновато...

80

— Почему же? После дежурства у меня выходной. Как видите, даже имею возможность бывать в шахматном клубе. Кроме того, очень люблю посещать сауну. А вы не увлекаетесь? — спросил он, видимо в поисках новых точек соприкосновения со мной.

В беседе со Штильманом я преднамеренно задал вопрос о его принадлежности к полиции, рассчитывая на психологический эффект. Своим нелепым вопросом я хотел произвести впечатление наивного простачка. Удалось ли мне это — сказать трудно. Во всяком случае, несколько недель спустя Штильман тоже, как бы между прочим, сообщил мне о переходе в другой шахматный клуб, где, как он сказал, более низкие членские взносы. Такое объяснение вызывало сомнение, поскольку разница в размере взносов в остальных клубах города по сравнению с центральным была невелика. Неуклюже замаскированный отход Штильмана укрепил предположение, что его временное членство в центральном шахматном клубе являлось инициативой спецслужб. Общение со Штильманом длилось чуть больше года.

С этим клубом связана еще одна примечательная история, когда контрразведка применила против меня классический прием, широко известный по детективной литературе и называемый «медовая ловушка», то есть подвели женщину.

Когда я впервые появился в клубе, членами его состояли только две женщины. Надо сказать, что городской центральный шахматный клуб являлся идеальным местом для завязывания первичных контактов: посещают его преимущественно состоятельные мужчины, здесь любители шахмат в течение нескольких вечерних часов находятся в отрыве от привычного домашнего или служебного окружения, отключаются от повседневных забот, чувствуют себя в своей тарелке и более открыты для общения.

Сейчас уже трудно вспомнить, когда там появилась новая шахматистка, но, определенно, это случилось после того, как Штильман окончательно оставил наш клуб. Как-то, войдя в зал, я заметил женщину, одиноко сидевшую за первым столиком от входа. Каждый входящий неминуемо должен был пройти мимо нее. Она

81

занималась разбором какой-то позиции. Я вежливо по. здоровался и задержал взгляд на доске. Ответив на приветствие, незнакомка с улыбкой пояснила, что мучается над сложной для нее задачей, и попросила помочь. Обычная ситуация. Я присел за столик, и мы быстро нашли решение. Сыграли несколько партий,

шахматисткой она оказалась весьма слабой.

Жужа, как она назвалась, на вид можно было дать лет 25. Рассказала, что работает медсестрой, является реэмигранткой, то есть возвратилась на родину из Венгрии. Мы вместе вышли из клуба и направились к ближайшей автобусной остановке. Бросилась в глаза ее заметная нервозность, суетливость. Она постоянно оглядывалась по сторонам, без всякой причины отвлекала мое внимание на витрины магазинов. На том мы расстались. В автобусе, заняв удобное место, закрыл глаза и предался размышлениям: нет ли в новом знакомстве чьей-то преднамеренности, случаен ли этот контакт, может ли Жужа оказаться полезной для нашего дела? Обдумав ситуацию, я решил сторониться этой дамы хотя бы даже потому, что связь с реэмигранткой из-за «железного занавеса» может повредить моей репутации. Когда в клубе Жужа попадалась мне на глаза, ограничивался обычными приветствиями и садился за шахматы с другими, более интересными для меня партнерами. Один маленький эпизод подтвердил правильность линии поведения, занятой в отношении Жужи. Известно, что у официантов и метрдотелей ресторанов глаз наметанный. Наблюдательностью отличалась и официантка шахматного клуба. Иногда от нее можно было услышать остроумные характеристики «шахматным наркоманам». Когда речь зашла о реэмигрантке из Венгрии, официантка заметила, что Жужа, вероятно, посещает клуб, чтобы завести знакомства с мужчинами. Принял к сведению и такой вариант.

Минуло недели четыре, и вот, играя вечером в шахматы, я неожиданно услышал голос администратора, объявившего по громкой связи, что меня приглашают к телефону. Подумал, что звонит Жанна, возможно, возникла какая-то срочность, но в трубке послышался вкрадчивый голос Жужи:

— Извините за беспокойство, но мне необходимо поговорить с вами по очень важному делу. — А что случилось, о чем идет речь?

82

— Это сугубо личный вопрос, — в голосе нотки отчаяния, — по телефону многое не объяснишь...

— Не уверен, смогу ли вам чем-то помочь...

— Мне сейчас очень необходим ваш совет, доброе слово, — настаивала она. — Я нахожусь в кафе «Натали». Не смогли бы вы подойти?

— У меня сейчас серьезная шахматная партия, миттельшпиль — середина игры, прерывать ее просто неудобно.

— Я не тороплю вас. Когда кончите, приезжайте обязательно. Буду вас ждать.

Снова возникли вопросы: почему Жужа обратилась со своим личным делом ко мне здесь, в клубе, и вообще чем вызван этот звонок, почему встреча назначена в типично русском кафе «Натали», которое мы с Жанной старательно избегали? Почему именно меня она выбрала в качестве советчика? Не кроется ли в этом какая-то связь? Пора было определяться с настойчивой дамой, и я весьма неохотно решил откликнуться на ее просьбу. По дороге я все еще сомневался, нужна ли эта встреча.

Жужа одиноко сидела за столиком кафе, где мы договорились встретиться, пила кофе с пирожным, курила. Увидев меня, она улыбнулась.

— Рада вас видеть, — сказала она, протягивая мне маленькую руку. — Вас, наверное, удивляет, зачем это вы мне так срочно понадобились?

Я молча пожал плечами, глядя на нее через стол. Затем заказал легкий коктейль, приготовился слушать. Однако она повела разговор о шахматах, переключилась на городские сплетни. Прошел почти час, подходила полночь, а о

«сугубо личном» — ни слова. Хорошо, посмотрим, что будет дальше... Ну а дальше все складывалось точь-в-точь по законам детективного жанра. — Пора уходить, уже поздно, — на лице лукавая улыбка. — Вы, как джентльмен, надеюсь, не откажетесь проводить меня домой, тем более что это совсем рядом.

Решение, собственно, мне было продиктовано. Направились пешком по боковым улочкам в сторону Южного вокзала. Жужа вела себя возбужденно, с прозрачным намеком вроде бы невзначай бросила фразу. «Ах, какая все же я глупая!» У подъезда трехэтажного дома попросила подождать «минуточку», ей, мол, нужно

83

забежать в соседний подъезд, чтобы взять почту, что могла поступать по старому адресу, поскольку она недавно переехала.

Оставшись один, я закурил и стал анализировать создавшееся положение. Несомненно, раскручивается специально подготовленный сценарий, в котором Жужа отводилась роль статиста. Был готов к самому неожиданному повороту событий. Вернулась Жужа минут через десять и, конечно, без какой-либо почты:

— Извините, задержалась, пришлось посудачить с хозяйкой квартиры. Вы не сердитесь? Не надо, сейчас зайдем ко мне и я угощу вас отличным кофе, если, конечно, — тут она погрозила пальчиком — вы будете вести себя прилично.

Прогулка завершилась в частном студенческом общежитии с длинным, слабо освещенным коридором, по обеим сторонам которого размещались отдельные комнаты. История эта случилась в пору летних каникул, поэтому кругом было безлюдно и тихо. В комнате Жужи — скромная старая мебель, никаких излишеств, всюду царил чистота. Предложив мне иллюстрированный журнал, сама вышла на кухню готовить кофе. Осмотревшись, обратил внимание на завешенную покрывалом дверь в соседнюю, смежную комнату. В какой-то момент за этой дверью отчетливо послышался шорох (включали фото-, кино-, звукозаписывающую технику?). Мое душевное напряжение достигло высшей отметки.

За кофе завязался вначале обычный пустяковый разговор, не лишенный с ее стороны элементов флирта, а затем, наконец, пришли и к «сугубо личному». Жужа рассказала о своей недавней поездке в Венгрию к родственникам, тепло отозвалась об уровне жизни в стране, назвала некоторых своих друзей и знакомых. — Там я познакомилась с директором одного крупного завода, — глаза ее испытывающе посмотрели на меня, — он предлагает мне руку и сердце и хочет чтобы я приехала насовсем в Будапешт. Он любит меня обещает счастливую жизнь в достатке, но я никак и-могу решиться, боюсь будущей неизвестности при этом варварском коммунистическом режиме... — Жужа выжидающе, с любопытством глядела на меня. Взгляд у нее был весьма проницательный. Затем, опустив глаза, продолжила: — Хотя мы не так давно знакомы, но вы

84

произвели на меня впечатление серьезного и порядочного человека, поэтому я и решила посоветоваться с вами по столь деликатному вопросу, — и вновь устремив на меня вопросительный взор, спросила: — Как мне быть, как поступить?

Я очнулся от своих мыслей и заметил, что она наблюдает за мной.

— Видите ли, — начал я медленно, — давать советы в таком частном деле очень трудно, это ведь не шахматная комбинация: король — туда, ферзь — сюда. Лучше всего прислушаться к голосу собственного сердца.

— Но все же, как бы вы поступили на моем месте?

— Да, задачка не из легких... Я вообще могу вам все испортить, — сказал я

уныло. — Я не специалист по сердечным делам.

Она позволила себе легкое удивление.

— Вы человек опытный, можете дать разумный совет.

Жужа ловко ввернула вопрос, отвечая на который я так или иначе должен был раскрыть свое политическое кредо, ведь речь зашла о Венгерской Народной Республике. Сверхзадача нашей беседы прояснилась. Оговорившись тысячу раз, что мое мнение никак не должно повлиять на ее решение, раскрыл «собственные» убеждения: пространно разрисовал Венгрию как тоталитарную, недемократическую страну, оперируя расхожими для западной прессы той поры штампами: «железный занавес», «сателлиты», «марионетки». Все это говорилось из расчета на непременно прослушивание, организованное контрразведкой. Со стороны можно было сделать однозначный вывод: говоривший является убежденным сторонником демократических ценностей западного образца. Жужа поддакивала, иногда задумчиво кивала, побуждала приводить новые доводы и соображения репликами типа: «Но есть же там и порядочные люди...», «Неужели за «железным занавесом» никому нельзя верить?..»

Однако постепенно эта тема стала иссякать. Она поблагодарила за «очень ценные соображения» и сказала, что хорошенько подумает, прежде чем решиться на замужество. Надо сказать, что в течение всей встречи она вела себя выдержанно, стремлений выйти за рамки

85

приличия не предпринимала. Расстались мирно, даже довольно дружески. На улице я вздохнул с облегчением. Мне хотелось побыть одному, прогуляться и привести в порядок свои мысли.

После этого ночного визита Жужу довелось видеть всего дважды: однажды столкнулись при выходе из шахматного клуба (вскоре она перестала там появляться) и позднее — случайно на улице. В обоих случаях она «очень спешила», мол, некогда даже поговорить. Что ж! Свою роль она, как сумела, выполнила, больше я ее не интересовал.

Вскоре по прибытии в страну назначения от нас стали поступать в Центр сообщения о появлении устойчивых признаков интереса к нам со стороны местных спецслужб. Как известно из западных публикаций, задачей контрразведывательного изучения попавших в поле зрения лиц является накопление материалов, которые позволили бы определить: ведет ли объект изучения противоправную деятельность в стране и если да, то представляет ли она угрозу национальной безопасности. С этой целью спецслужбами проводятся различные, зачастую комплексные, оперативные мероприятия для сбора необходимых им сведений, расходуются значительные финансовые средства. В отношении нас «оппоненты» применили весь доступный ассортимент приемов: начиная с простейших (проверка загранпаспортов, маршрута прибытия, источников средств существования, сбор сведений по месту проживания) и кончая сложными (наружное наблюдение, оказание психологического давления, попытки ввода собственного работника в разработку и, наконец, «шерше ля фам» — испытание женскими чарами).

Как в Центре реагировали на сгущавшиеся тучи над нами? Естественно, что неоднозначно. Даже в среде единомышленников, имеющих опыт опосредствованного «общения» с противостоящими спецслужбами, а некоторые и непосредственного, всегда возникает треугольник мнений, обусловленный и служебным положением, и жизненными перипетиями. Центр мог предложить любой из трех вариантов: отозвать — выждать — попробовать переиграть контрразведку. Каждый из руководителей был по-своему прав, каждый из них

руко-

86

водствовался заботой о нашей личной безопасности, о судьбе всей операции в целом, о том, чтобы в случае осложнения понести как можно меньшие политические и оперативные издержки, чтобы не раскрыть методы и приемы работы. При поступлении первичных сигналов об опасности треугольник мнений обычно равносторонний: суждения присутствуют, но ни одно из них еще не превалирует. Затем, по мере накопления фактов их субъективной оценки, начинается борьба мнений, в результате которой возникает однозначное решение. «Дыхание спецслужб» в стране пребывания приходится ощущать каждому разведчику-нелегалу. И хотя такой расклад событий предвидится в Центре и к нему сознательно заранее готовится разведчик, каждый раз он воспринимается как ЧП и порождает тысячу вопросов о причинах внимания, проявленного со стороны контрразведки. Зная причину, легче принимать решения, строить контригру: меры по нейтрализации обстоятельств, давших основание для появления подозрений. Но ведь Центру, находящемуся за тысячу километров от места, где происходят события, трудно определить, что на уме у контрразведки противника и насколько серьезны поступившие сигналы. Причем при обсуждении позиции сторон различны. Если Центр, зная всю подноготную подготовки и вывода нелегала в страну назначения, может предполагать в качестве причины проявленного интереса спецслужб широкую шкалу «уязвимых» мест, то контрразведчик исходит из поступивших сигналов и собственного чутья. Сигналы могут быть далеки от «уязвимых» мест, не иметь с ними ничего общего. Например, могут возникнуть подозрения в спекулятивных сделках, наркотических операциях или нарушении нравов и в этом направлении работает чутье «оппонента», а Центр заранее исходит из предположения, что спецслужбы только тем и занимаются, что выявляют нелегалов. Как убедиться в обратном, если на руках только косвенные свидетельства намерений и шагов спецслужб?

Например, в Монтевидео уругвайская контрразведка рыскала в поисках молодых коммунистов-подпольщиков, которые нелегально выезжали по линии Комитета молодежных организаций СССР в Москву, там проходили курсы идеологической работы в Центральной комсомольской школе в Вешняках и возвращались в страну

87

пропагандистами-подпольщиками. Подозрение «оппонентов» пало на нелегала Марата. К нему подвели сотрудника контрразведки, который выдавал себя за подпольщика, только что нелегально возвратившегося из Москвы. Беседа протекала в доверительном тоне. Уругваец поведал о связях с руководством компартии, о том, как пострадали его родственники — тоже коммунисты, о симпатиях к нашей стране. Марат, как и подобает, держался сдержанно. Но на каком-то этапе разговора, когда уругваец стал описывать достопримечательности Москвы, улицы, на которых якобы побывал, Марат обронил фразу, что тот проходил мимо дома, где он жил. Контрразведке противника оказалось достаточно этих слов, чтобы изменить направление поиска и обложить нелегала со всех сторон. Центру пришлось принимать экстренные меры по вызову Марата из страны ближайшим пароходом...

В нашем случае внимание «оппонентов» проявилось на первом году пребывания в стране, когда шел процесс глубокого оседания, оперативная работа в полную меру не развернута, значит, оснований для обвинения в противоправной деятельности вроде бы не было. Единственный «грех» — это въезд в страну по чужим документам, что можно было как-то объяснить желанием осесть в экономически процветающей стране и сколотить состояние.

Между прочим, мы даже предлагали сами, если случится худшее, взять этот «грех» на себя, чинно и благородно отсидеть причитающийся короткий срок и вновь приняться за активную работу. Что же послужило первопричиной внимания контрразведки? Предшествующий командировке период жизни, неувязки в документальном обеспечении, оплошности во время пребывания в промежуточной стране — Польше, пробелы в «легенде»-биографии, наконец, какие-то промахи, допущенные нами в стране пребывания?

Каждое из подразделений в Центре, ответственное за свой участок обеспечения нелегалов, тщательно анализировало «со своей колокольни» эту самую первопричину: где мог произойти сбой? В нелегальной разведке, слава Богу, отсутствует ведомственная болезнь, известная под названием «защита чести мундира», ошибки или неувязки нелицеприятно и строго вскрываются и дотошно разбираются, а когда обнаруживаются, то тут же признаются и немедленно исправля-

88

ются. Такова неукоснительная специфика внутренней «кухни».

Тревога за нашу судьбу в Центре усиливалась с каждой новой весточкой, приходившей от нас. Как стало известно позднее, там срочно был составлен план проведения проверочных мероприятий, чтобы выявить причины заинтересованности спецслужб. Правила конспирации не позволяли раскрывать перед резидентурами подлинные причины заинтересованности Центра тем или иным вопросом, вызывать у них тревогу за безопасность нелегальной точки.

Самая же реальная опасность, как казалось Центру, могла быть в результате предательства В. Петрова. Возможно, ниточка тянется от него из Австралии. Однако ответ на запрос из Канберры в какой-то мере снял опасения. Морис Добриное в студенческие годы примыкал к левым кругам, даже участвовал в антиамериканской демонстрации. Насчет связей со спецслужбой АЗИО резидентура ничего подтвердить или опровергнуть не могла. Но зато подчеркнула, что Морис в то время жил скромно, географически ограничивал себя Мельбурном и не выезжал в Канберру. Значит, «австралийский след» практически исключался, хотя теоретически, как возможность, он вполне мог присутствовать.

А тем временем, как известно, на меня вышел «служащий военного комиссариата провинции». Видимо, это был «режиссер» всего действия местной контрразведки. Центр систематически направлял нам свои предостережения, рекомендации и советы как вести себя и как держаться, находясь «под колпаком». Обычно в эти рекомендации включался опыт коллег в других странах. Предположить появление «тяжелой артиллерии» — сотрудника спецслужб — Центр не мог, и вся тяжесть работы с ним легла на мои плечи. Интуитивно я правильно избрал линию поведения: точно и с готовностью отвечал на вопросы «служащего комиссариата». Ведь, как известно, интуиция — отражение накопившегося опыта. Как мог, я старался расположить к себе непрошеного и нежданного «визитера», чтобы у него создалось выгодное впечатление, что перед ним находится лояльный гражданин страны. Ни одной запинки в ответе, никакой уклончивости,

89

все как на духу: мол, понимаю, что передо мной находится представитель власти. И «трюк», если можно применить здесь это слово, удался.

Из всех настораживающих сигналов больше всего беспокоило, конечно, поведение Мориса, предложившего Жанне текст, исполненный на русском языке. Факт вроде бы незначительный, но в совокупности с другими моментами, такими как непосредственный выход меня сотрудника спецслужбы, «качнул»

треугольник мнений. Центр склонялся к тому, чтобы нас отозвать. Так появилась на свет и ушла к нам телеграмма с формулировкой «считаем целесообразным». Направленность проводившихся контрразведывательных мероприятий давала основание Центру предполагать, что нас основательно заподозрили в принадлежности к советской разведке. По крайней мере, такое мнение возобладало среди руководителей и сотрудников Центра.

Жанна

Как-то Морис завел со мной разговор о религии:

— Скажи, пожалуйста, приходилось ли тебе бывать в Ченстохове?

— Да, в этом городе я бывала.

— Почему он так называется? Чем он знаменит? Хорошо зная историю этого города, я пояснила, что название города «Ченстохова» состоит из двух слов: «ченсто» — (часто) и «хова» — (прячется). Объясняется это тем, что местность вокруг города холмистая и при приближении к нему он на горизонте то появляется, то исчезает, отсюда и название — «часто прячется».

Знаменит он тем, что на возвышенности, называемой Ясной Горой, стоит кафедральный собор, в котором хранится как национальная святыня икона «Черная мадонна». По заключению историков, это, вероятнее всего, одна из византийских икон Паулинского монастыря «Ясная Гора», построенного в 1382 году. На праздник Матки Боски со всех концов страны прибывают богомольцы, чтобы помолиться «черной мадонне». В давние времена паломники добирались до города пешком, а на возвышенность к собору уже ползли на коленях. Сейчас богомольцы приезжают в Ченстохову, пользуясь транспортом.

90

— А как проходит там праздник Матки Боски? — допытывался Морис.

Мгновенно мелькнула мысль — очередная проверочная акция. Нейметса нашему «другу» архитектору и его наставникам из местной спецслужбы. Я почувствовала, что ему кое-что известно о Ченстохове и он проверяет мои знания. Пришлось более подробно остановиться на деталях истории этого города, известном как место паломничества католиков. Я подробно описала ритуал ежегодного празднования и в этот момент с удовлетворением вспомнила наши поездки, по некоторым городам Польши, в том числе и в Ченстохову, предпринятые в свое время в целях изучения истории страны. Рассказ о праздновании дня Матки Боски в кафедральном соборе на Ясной Горе в Ченстохове был выслушан Морисом с большим интересом и, как видно, вполне его удовлетворил.

Очевидно, безапелляционный Морис Добривое самоуверенно полагал, что свое задание он разыгрывает как по нотам, на редкость тонко, дескать, комар носа не подточит. Своим пронизывающим взглядом в упор сверлил меня, очевидно рассчитывая увидеть мое фиаско, мое искаженное страхом лицо... Но бесцветная работа агента закончилась такими же бесцветными результатами. Переиграть нас он не сумел, как ни старался. Все дело в том, что Морис явно переусердствовал. Мы же продолжали вести себя как ни в чем не бывало, спокойно, сдержанно, не нервничали. Твердо знала: атмосфера туманной и зыбкой неопределенности рано или поздно прояснится. Поэтому наиболее логично было делать вид, что нам непонятен «скрытый» смысл его «каверзных» уточнений. Мы, дескать, не догадываемся, что послужило причиной такого поведения нашего «друга».

Однажды к концу дня я спустилась вниз, чтобы проверить вечернюю почту.

На лестнице услышала приглушенный разговор, а затем увидела незнакомого мужчину и соседку, проживавшую на первом этаже. Уловила сказанные ею слова: «Вот и она», сопровождаемые легким кивком головы в мою сторону. Незнакомец — высокого роста брюнет в темном костюме — стоял вполборота к лестнице, по которой я сходила. Не поворачиваясь, он покосился на меня. Я поприветствовала соседку, проверила почтовый ящик и вернулась

91

к себе. Вечером Сеп внимательно выслушал мой рассказ о случившемся и, подумав, сказал:

— Мало ли кто о ком судачит на лестничной площадке.

Пару дней спустя, прибирая на лестнице, встретила с соседкой по этажу, с которой сложились добрые, даже приятельские отношения. Мы при встречах любезно обменивались новостями, делились своими хозяйственными заботами, болтали о здоровье и погоде. На этот раз соседка, понизив голос до шепота, таинственно произнесла:

— Вы только, пожалуйста, никому не говорите. Недавно у нас в подъезде побывал детектив.

— Вот как! Но ведь в доме все спокойно, никаких происшествий нет, — ответила я, внутренне насторожившись.

— Как мне рассказала соседка с первого этажа, детектив особенно интересовался дамой, проживающей этажом ниже, как раз под вашей квартирой...

— Что она могла такого сделать? — изобразила я; крайнее удивление. — Это одинокая женщина, ее совершенно не видно и не слышно.

— Соседка утверждает, что ее навещают мужчины. Детектив также интересовался другими жильцами, в том числе и вами, — доверительным тоном произнесла собеседница.

— Что же он не зашел к нам? Мы могли бы сами ответить на интересовавшие его вопросы, — ответила как можно спокойнее, даже с вызовом.

— Не знаю, не знаю. Как соседка сказала, он спрашивал, чем жильцы занимаются, кто их навещает, поздно ли возвращаются домой, нет ли семейных ссор.

Вечером мы с мужем обсудили эту новость и пришли к выводу, что проверка продолжается и приняла обычную для спецслужб форму — установку, то есть сбор, сведений по месту жительства.

Факты, о которых сообщил Сеп, — только часть проводившихся спецслужбами в отношении нас акций, когда мы находились «под колпаком». Проводились и другие достаточно острые и искусные мероприятия. Например, сомнений не вызывало, что наш домашний телефон прослушивается, а личная корреспонденция просматривается. Следует отдать должное оперативни-

92

кам спецслужб: подчас они проявляли незаурядную выдумку, умение и завидное терпение. Наше преимущество состояло в том, что мы ожидали столкновения с «оппонентами» и, как полагаем, сразу же определили «момент атаки».

Потом, постоянно помнили поучительный, памятный совет нашего наставника А. М. Короткова: «Если вами заинтересуется спецслужба, «помогайте» ей формировать досье на себя выгодного для вас содержания. Удастся этот маневр — вы на коне, не получится — проиграете сражение». Вопрос стоял — кто кого, и мы сознательно заняли позицию противоборства в расчете на успех.

По каждому факту маневров вокруг нас контрразведки мы регулярно информировали Центр. Из Москвы получали рекомендации о мерах

предосторожности и дельные советы, проникнутые заботой о нашей личной безопасности. Такое сердечное внимание, спокойный деловой тон телеграмм придавали уверенность в собственных силах и возможностях, в том, что мы одолеем противника. Но в Центре накопилось солидное досье с данными о действиях контрразведки против нас, и наконец количество, как говорится, перешло в качество. В Москве возникла обоснованная тревога за нашу судьбу. И, как следствие, мы получили шифровку:

«Сепу

С учетом интенсивности работы спецслужб, продолжительности проводимых мероприятий и принимая во внимание сложную агентурно-оперативную обстановку в стране, полагаем целесообразным рассмотреть возможность вашего возвращения на родину. Оперативные связи просим законсервировать. Рекомендуемый маршрут следования...

ЦЕНТР»

Несколько раз мы перечитали шифровку, вникая в смысл, стараясь понять, нет ли чего-то сказанного между строк. Если от Центра поступает формулировка, принятая в разведке, «считаем целесообразным», то она, конечно, означает указание, но выраженное не в категоричной форме приказа, а как бы допускающее некоторое раздумье перед исполнением. Ведь в противном случае обычно направляются более определенные распоряжения: «Необходимо срочно...» или «Предлагается незамедлительно...».)

93

По сути дела, окончательное решение вопроса продолжить или прервать зарубежную командировку было не принято и передавалось на наше усмотрение. Мы, конечно, могли сняться с места и уехать в Москву, избавив таким образом и себя и коллег в Центре от головной боли по поводу возможных крупных неприятностей. И в Москве нас бы за это не упрекнули. Однако мы решили, что сможем еще «потягаться» с контрразведкой. Есть еще порох в пороховницах! «ЦЕНТРУ

Реально оценивая обстановку как в стране, так и вокруг нас, докладываем, что легализация в принципе прошла успешно, положение на работе в известной вам фирме прочное. Проявленное со стороны спецслужб внимание считаем профилактическим, вызванным общим нагнетанием кампании шпиономании. В связи с этим считаем возможным продолжить наше пребывание здесь для решения поставленных задач. Просим вашего согласия.

Сеп»

Что лежало в основе нашей уверенности? Зная принципы деятельности контрразведок западных стран, мы исходили из того, что спецслужба не может изучать нас вечно. Ни одна контрразведка, даже натовская, не располагает для такой «бесконечной» работы ни силами, ни средствами. Рано или поздно «оппонентам» предстояло сделать вывод: либо признать, что подозрения не подтвердились, либо принять решение о реализации дела, то есть аресте. В последнем случае требовались весьма веские доказательства...

Центр долго молчал. Напрасно Сеп вслушивался в эфир. Время, казалось, остановило свой бег. Что означает это затянувшееся молчание? Наконец радист в Москве взялся за ключ. Приняли радиogramму, расшифровали и... радостно переглянулись: Центр верил в нас, согласился с нашими аргументами и дал «зеленый свет» на постепенную активизацию работы.

Что же заставило пересмотреть занятую Центром позицию и согласиться с нашим предложением о предоставлении нам возможности продолжить заграничную командировку в стране и попытаться «усыпить» бдительность

контрразведки? Пожалуй, взвешенный подход с учетом всех обстоятельств и точный расчет на основе поступающей информации.

94

Во-первых, наша легальная резидентура в стране пребывания сообщила, что «нежелательными иностранцами» занимается официальное госучреждение — жандармерия, конечно, с подачи спецслужб. А новый контрразведывательный орган Североатлантического союза переживал период становления, то есть имеются определенные нюансы: то ли нам вести дуэль с опытной контрразведкой, то ли с гражданской полицией. С последней легче: безусловно, качественно иной уровень. Во-вторых, из заграничных внешней разведки в Центр стали поступать сведения, которые в сумме позволяли прийти к выводу, что в Западной Европе проводится скоординированная операция «Прикрытие», формируется законспирированная тайная организация под названием «Меч» с целью создания подпольных групп, способных «оказать сопротивление в случае вторжения с Востока». В рамках этой операции жандармерии ряда стран Европы в период «холодной войны» создавали политические досье на своих граждан. Что если «маневры» вокруг нас обусловлены тем, что «оппоненты» присматривались к Сепу как возможному будущему члену организации «Меч»? Характер вопросов, которые задавал «служащий военного комиссариата», наводил на подобное предположение. В общем, появилось реальное объяснение возможных причин проявления интереса со стороны спецслужб, не связанных с нашей разведывательной деятельностью.

Кстати, сведения об операции «Прикрытие» просочились в открытую печать только в конце 1990 года и вызвали серьезное замешательство в местных руководящих кругах. На телевидении состоялся «круглый стол», возникла острая дискуссия о том, как могло получиться, что в условиях парламентской демократии существовали тайные, параллельные официальной структуре, и почему об этом практически ничего не знали ни министр обороны, ни министр внутренних дел, которому непосредственно подчинена служба безопасности. Неожиданно позвонил в студию бывший сотрудник жандармерии и признал, что в период «холодной войны» формировались группы «Сопротивления», что антикоммунизм «внешней направленности» тесно сочетался с «охотой на ведьм» внутри страны.

Эти запоздавшие признания прозвучали в студии как удар грома. Участвующий в передаче министр

95

обороны заявил, что немедленно примет меры, чтобы «во все это была внесена полная ясность».

Ну, а в-третьих, нас поддерживала твердая вера в собственные профессиональные качества.

Итак, короткое резюме: более трех лет держали нас спецслужбы «под колпаком». Это было время постоянного внутреннего напряжения и высоких психологических нагрузок. Ведь согласитесь: непросто в чуждом окружении, когда ты не можешь рассчитывать на помощь или защиту, каждый день ожидать очередного «подвоха» и делать вид, что никакого беспокойства не испытываешь. В итоге предложенный, а точнее навязанный, нам контрразведкой серьезный профессиональный экзамен был выдержан. Пришло время, и мы почувствовали, что обстановка вокруг нас успокоилась, отношение ближайшего окружения потеплело. Это мы ощутили по такой своеобразной «лакмусовой бумажке»: между нами и семьей Мориса Добривое установилась атмосфера доверия и доброжелательности. И в последующие десять лет мы результативно выполняли самые острые операции, не чувствуя на затылке беспокойного дыхания

контрразведки.

Во время пребывания в Москве в 1957 году, куда мы вызывались для отчета, сложившаяся вокруг нас обстановка была тщательно проанализирована. В Центре пришли к выводу, что благодаря проявленной выдержке, правильной линии поведения, мы сумели рассеять возникшие у спецслужбы подозрения, тонко «переиграть» ее. Наше положение с точки зрения личной безопасности было признано надежным. С легким сердцем мы возвратились обратно и приступили к выполнению главной разведывательной задачи.

ПРИЯТНЫЕ ЗАДАНИЯ

Жанна

Перед отъездом из Москвы в задание на командировку был включен пункт о нашем участии в розыске иностранных граждан, сотрудничавших с внешней разведкой в довоенный период, контакт с которыми был утрачен в связи с обстоятельствами военного времени. Речь шла не только о стране нашего пребывания, но и других западноевропейских государствах, где отсутствовали официальные советские представительства, в частности об Испании и Португалии, в которых царили диктаторские режимы Франко и Салазара.

В 50-е годы для поездки по Западной Европе требовались получение въездных виз, представление обоснования для въезда и финансовых гарантий, выполнение ряда других формальностей. В некоторые страны получить въездную визу было очень трудно или просто невозможно. Наше преимущество заключалось в том, что мы были обладателями подлинных паспортов западного государства, уважаемого во всем мире.

После того как мы освоились на новом месте, Центр направил нам несколько ориентировок и поручил побывать в Испании, чтобы разыскать в этой стране Баркони и Торреса — старых агентов советской нелегальной разведки, связь с которыми оборвалась после окончания гражданской войны 1936 — 1939 годов. Предстояло выяснить нынешнее положение наших друзей, возможность дальнейшего использования этих источников. В положительном случае надлежало договориться с ними об условиях связи, согласно которым уже другие нелегалы могли бы возобновить контакт с Баркони и Торресом.

97

Москва по радио сообщила прежние адреса проживания наших агентов: в Бильбао, столице Страны Басков, и в Барселоне, столице провинции Каталония. Через туристское бюро заказали билеты, забронировали номера в гостиницах.

Поезд приближается к городу Ирун на испанской границе. Немного волнуемся: впервые въезжаем в страну, которая в нашем сознании ассоциировалась с прежними представлениями о фашистском режиме. В какой-то мере наши ожидания оправдались, хотя потом во многом рассеялись. При встрече с испанскими пограничниками и таможенниками столкнулись с чрезмерной строгостью, даже подозрительностью, хотя наш статус туристов и солидные паспорта, казалось бы, заслуживали иного отношения. Но пограничники, разглядывая в упор, сверяли фото на паспортах с оригиналом, интересовались сроком пребывания, маршрутом поездки, предполагаемым пунктом выезда из страны. Еще более дерзко вели себя таможенники: основательно перетряхнули содержимое чемодана и дорожной сумки, настырно расспросили о денежных средствах, возможном наличии сигарет и спиртных напитков, коммунистической литературы, перешерстили лежавшие на столике в

купе газеты и журналы на английском и французском языках. От внимания таможенника не ускользнуло то, что я на задаваемые вопросы отвечала тихо, и он недовольно потребовал говорить громче.

— Я не могу, у меня пропал голос, — шепчу ему.

— Как пропал? — живо заинтересовался таможенник.

Вмешался Сеп и пояснил, что, мол, незадолго до поездки жена болела и потому охрипла. Таможенник недоуменно пожал плечами и оставил нас в покое.

В Бильбао остановились в отеле «Амиго». На следующий день, погуляв по городу и проверившись, нет ли за нами наблюдения, отправились по адресу Баркони. На звонок открыла дверь женщина средних лет. Узнав о цели нашего визита, пригласила пройти в гостиную. Разговор вначале не клеился. Женщина говорила на местном диалекте, и уловить смысл сказанного ею временами было просто невозможно. Она оказалась дочерью Баркони, а отец — скончался четыре года том; назад. Мы были готовы к любым вариациям, тем не менее известие о смерти Баркони нас искренне огорчи-

98

ло. Выразили глубокое соболезнование дочери. Со своей стороны сеньора Хосефа, как она представилась, спросила, что нас связывало с ее отцом. Пояснили, что находимся в Испании как туристы и попутно выполняем просьбу одного знакомого (назвали вымышленную фамилию), который якобы был боевым другом ее отца в период гражданской войны, возможно, она помнит этого человека. Оказалось, что не помнит. Хосефа заметила, что отец при жизни переписывался со многими друзьями-антифашистами, возможно, что и с нашим знакомым. За чашкой кофе она оживилась, показала семейный альбом, поделилась воспоминаниями о последнем периоде жизни отца. К концу беседы мы выразили желание посетить кладбище, где похоронен Баркони, чтобы возложить на могилу цветы. Хосефа охотно приняла наше предложение.

На следующий день купили букет цветов и на такси заехали за Хосефой, прихватили и двух ее ребятишек и направились на кладбище. Могила оказалась хорошо ухоженной, надпись на памятнике подтверждала, что здесь похоронен именно Баркони. Чуть заметно шевеля губами, Хосефа читала молитву, на глаза ее навернулись слезы. Этим посещением кладбища мы почтили память верного друга нашей страны, мужественного борца против фашизма товарища Баркони. Расстались с Хосефой друзьями...

Из Бильбао выехали на юго-восток, в Барселону, где без особого труда разыскали Торреса, который, к нашему удивлению, оказался весьма известным в городе и провинции человеком. Это был крепкий, энергичный, подвижный шатен, типичный испанец. Он не ожидал, что после тринадцатилетнего перерыва наша внешняя разведка вспомнит о нем. Долго рассказывал о драматических событиях своей жизни после 1941 года, о невзгодах, что пришлось ему испытать как участнику гражданской войны на стороне республиканцев, о вынужденном отказе от прежних демократических убеждений. В настоящее время является известным в городе политическим обозревателем крупной независимой газеты, в политических партиях и движениях участия не принимает. В руководящих кругах Барселоны и провинции Каталония пользуется авторитетом как объективный комментатор происходящих событий. Имеет небольшой собственный дом в пригороде, дети выросли,

99

учатся в Мадридском университете, материальное положение выше среднего. Торрес намекал, что он предпочел бы не выходить снова «на тропу войны», а довольствоваться своим положением.

В то же время мы уловили, что Торрес внимательно и заинтересованно

следит за политическими событиями в мире. Его беспокоили возрождающиеся в ФРГ реваншистские настроения, усиление военной мощи Соединенных Штатов в регионах, далеких от американских границ, грязная война во Вьетнаме, недавнее подписание соглашения о развертывании военных баз США в Испании. Он действительно не изменил своим прогрессивным взглядам, сформировавшимся в юности, сохраняет глубокие симпатии к Советскому Союзу.

Вел себя Торрес искренне, высказывался откровенно и смело. Надо было решать: оставить Торреса «отдыхать» или предложить ему возобновить сотрудничество с нашей разведкой в интересах предотвращения новых войн, ядерной угрозы, сохранения мира на земле. Разговор на эту тему состоялся прямой и откровенный, и в итоге Торрес твердо заявил о своей согласии «не уходить в отставку». Обговорили технику установления с ним контакта представителем Центра. Журналист сообщил также интересную информацию о реакции различных слоев населения на решение правительства о предоставлении американцам военных баз на территории Испании.

Вернувшись в страну пребывания, мы передали в Центр сообщение о результатах нашей поездки в Испанию. После окончания нашей зарубежной командировки, где-то в 1970 году, коллеги в Москве сказали «по секрету», что Торрес со временем стал видным политическим деятелем провинции Каталония и долгое время результативно сотрудничал с нашей службой... Однажды Центр прислал запрос: сможем ли мы срочно посетить Португалию? Ответили утвердительно, после чего получили задание: встретиться в Лиссабоне с ценным источником нашей внешней разведки Бойей. Условия связи сообщались. Мы должны были получить подготовленную им информацию, подтвердить очередное задание, а также передать ему довольно значительную сумму. Деньги, предназначенные для Бойи нам надлежало получить через тайник, заложенный в городском парке по месту нашего проживания.

100

Здесь стоит сказать несколько слов об этом бесхитростном, но неплохо нам служившем способе безличной связи — тайнике. Данный метод конспиративной связи тайной в принципе не является, о нем известно все разведкам мира. В секрете хранятся лишь место нахождения тайника и условия пользования им.

Сразу же по прибытии в страну назначения мы подобрали несколько тайников, проверили их надежность, составили подробное описание с привязкой к местности и направили эти материалы в Центр. Заметим, что подбором тайников мы занимались практически весь срок зарубежной командировки, так как всегда было необходимо иметь резервные тайники. Теперь для передачи нам указаний или материалов Москве достаточно было дать по радио команду: такого-то числа обработать тайник номер такой-то, что как раз и случилось перед поездкой в Португалию.

Получение денег для Бойи через указанный Центром тайник связано для нас с не очень приятными воспоминаниями, так что до сих пор мы испытываем чувство досады. В тот день с утра пошел сильный дождь, но во второй половине дня небо прояснилось, показались скупые лучи солнца. Хорошая погода оправдывала нашу прогулку в парке, где тайником служила бетонная труба для стока воды, проходившая по удаленной аллее. Ближе к вечеру, когда только-только начало смеркаться, мы направились к знакомому месту. Придя на площадку, откуда нужно было выходить к тайнику, заметили молодую парочку, уединившуюся на скамейке. Не задерживаясь, прошли мимо в глубь парка, чтобы обсудить сложившуюся обстановку. Что это — просто влюбленные или наблюдательный пост контрразведки (от скамейки хорошо просматривалось

место тайника)? Решили проводить операцию даже в том случае, если парочка, когда мы вновь туда вернемся, не найдет себе более укромного местечка. К нашей досаде, молодые люди, обнявшись, по-прежнему сидели на скамейке. Пришлось действовать, разыграв заранее отрепетированную сценку. Подходя к тайнику, я негромко вскрикнула, захромала, замедлила шаг и остановилась:

— Ой, мой дорогой, не могу идти. Б туфлю попал камешек. Помогите, пожалуйста.

Сеп присел на корточки и, делая вид, что занимается

101

туфлей, достал из тайника пакет, а я тем временем наблюдала за влюбленными. Сеп быстро спрятал его в карман плаща, и мы медленно пошли к выходу из парка. Домой вернулись позже запланированного, так как пришлось тщательно проверяться — нет ли за нами «хвоста». Операция прошла «без потерь», но на этом наши переживания не кончились. Вскрыв пакет, обнаружили, что все банкноты мокрые. Дождевая вода просочилась через упаковку, когда пакет находился в трубе. Чтобы просушить деньги, разложили их по всей спальне и почти всю ночь собирали подсыхающие банкноты, укладывая их под пресс между страницами толстенных книг.

Проанализировали эту злополучную историю и пришли к выводу, что тайник мы подобрали все же не совсем удачно. Он безусловно мог служить в сухую погоду, но Москва задействовала его в дождливый день. Можно было, конечно, сделать упрек и коллегам из Центра: могли бы предусмотреть более надежную упаковку (а если бы передавались не деньги, а, например, документы?). Но все же мы самокритично признали этот случай своей ошибкой и, как говорится, извлекли необходимые уроки.

Поездку в Португалию оформили через туристическое бюро, оплатили авиабилеты в оба конца с резервацией даты обратного вылета через неделю. На этот срок заказали номер в гостинице «Грандола», то есть действовали, как и положено гражданам нашего социального положения, вырвавшимся на недельку в отпуск. Прибыли в Лиссабон благополучно, без осложнений прошли пограничный и таможенный контроль, хотя нам задали буквально тысячу достаточно глупых и даже некорректных вопросов. В довершение таможенники основательно порылись в нашем скромном туристском багаже. Так негостеприимно встретили нас представители режима Салазара.

Гостиница «Грандола» приютила нас, и мы влились в поток разноязычных туристов, фотографировали достопримечательности, интересовались сувенирами, совершили несколько коллективных экскурсий, а заодно и осмотрели место предстоящей встречи, проверялись, нет ли за нами наблюдения.

В назначенный день Сеп встретился с Бойей строго по условиям связи. Он передал объемный пакет с руко-

102

писной информацией и некоторыми документами с грифом «конфиденциально». Сеп вручил ему привезенную нами валюту. Бойя детально остановился на внутривнутриполитической обстановке в Португалии, коснулся растущего недовольства различных слоев населения правящим режимом. С горечью отмечал раздробленность и слабость действовавших в подполье революционных групп и прогрессивных объединений, но предсказал неизбежное падение режима.

Сеп, согласно указаниям Центра, ориентировал Бойю на дальнейшую работу по тематике Североатлантического союза, в частности по военным базам НАТО в Бежа и на Азорских островах, а также в Испании (это являлось основным направлением его разведывательной деятельности, для которого он располагал уникальными возможностями), уточнил условия последующих контактов с

представителями Центра.

Расставались трогательно и с болью в сердце. Боя очень хотел продлить встречу, испытывая острую потребность общения с единомышленниками. Сильное впечатление оставил о себе этот мужественный, близкий нам по духу человек, самоотверженно выполнявший задания нашей разведки в сложной обстановке фашистской диктатуры. Повидаться с ним больше не довелось: очевидно, в дальнейшем с ним работали другие нелегалы. Полученная от Боя информация о военных базах НАТО, как нам сообщили позже, представляла значительный интерес для наших ведомств — внешнеполитического и военного.

Позднее поступило задание найти бывшую участницу гражданской войны в Испании Венеру. Из Центра нам сообщили ее фамилию, год рождения и последний адрес проживания 15-летней, давности. В Испании Венера служила медицинским работником в крупном военном госпитале республиканцев, оказывала нелегальной разведке большую помощь. Поскольку речь шла о женщине, поручили этим делом заняться мне.

Чтобы ознакомиться с обстановкой, местными достопримечательностями, адресами официальных учреждений, мы с Сепом заранее выехали в город проживания Венеры, а в дальнейшем я туда навевывалась одна. Предлог поиска — просьба давней приятельницы Венеры из Испании, которая потеряла с ней связь в годы гражданской войны. В подкрепление этой версии я изгото-

103

вила письмо, якобы полученное из Испании от этой приятельницы.

Первое посещение указанного Центром адреса оказалось неудачным: Венера там не проживала, соседи ничего о такой женщине не знали. Тогда я пошла в городское адресное бюро. После проверки в книгах регистрации жителей выяснилось, что Венера в них не значилась. В беседе со служащим канцелярии я упорно ссылалась на придуманную мной приятельницу, которая, мол, не могла ошибиться. Служащие благосклонно отнеслись к моей просьбе еще раз проверить более тщательно, даже принесли несколько книг из другой комнаты и в моем присутствии просмотрели их от корки до корки. Вновь безрезультатно.

Вдруг кто-то из них вспомнил, что в прошлом к нынешней территории города относился также и близко расположенный небольшой поселок, но затем произошло территориальное разделение, и каждый имеет теперь свой муниципальный совет. Мне участливо рекомендовали обратиться в адресное бюро этого поселка, где я, к счастью, получила искомый адрес.

Венера приняла меня настороженно. Но когда я назвала имя сотрудника нелегальной службы, с которым она в то горячее время сотрудничала в Испании, на ее болезненно-бледном лице появилась светлая улыбка. Она оживилась, пригласила меня на чашку чая, рассказала о своей непростой и не очень удачной личной жизни, поинтересовалась судьбой нашего сотрудника, с которым работала в Испании. С теплотой вспоминала о наших людях из интербригады, была растрогана тем, что советская разведка ее не забыла. Я слушала с большим вниманием и естественным волнением. Рассказ ее иногда прерывался затяжным кашлем, стало ясно, что Венера страдает легочной болезнью. Раньше она работала учительницей, но по состоянию здоровья ушла на пенсию, сейчас живет в этой небольшой квартире, получает скромное пособие, за ней присматривает племянница. Попрошались очень тепло, у Венеры на глаза навернулись слезы, дружески обнялись и расцеловались. Я обещала при случае посетить ее вновь.

О результатах встречи с Венерой доложили в Центр, высказали мнение, что с учетом ее здоровья возобновлять сотрудничество не имело смысла, предложили оказать Венере материальную помощь. Москва согласи-

104

лась, и через некоторое время я снова поехала к ней, передала выделенные ей денежные средства и еще раз сердечно поблагодарила от имени нашей службы за былое сотрудничество.

Ежегодный отпуск по прикрытию мы проводили в какой-либо западной стране, о чем заблаговременно сформировали Центр и сообщали о своей готовности выполнить там любое задание. Туризм туризмом и отпуск отпуском, но разведчик не был бы разведчиком, если бы не занимался своим делом, находясь даже в отпуске. Поэтому подготавливая поездку, мы тщательно разрабатывали маршрут, причем каждый раз выбирали новые места, чтобы полнее использовать свои возможности в оперативных целях. Отпуск обычно брали в летний период, изредка ранней осенью.

Однажды наше внимание привлекла широко рекламируемая недорогая туристская поездка на Балеарские острова и в Испанию. Программой предусматривался двухнедельный отдых на острове Мальорка в Средиземном море, а также пятидневное пребывание в Барселоне. Мы решили съездить туда и, как обычно, сообщили об этом в Центр. Честно говоря, не рассчитывали, что на таком удаленном от политических центров Европы маршруте для нас найдется оперативное задание.

Однако получилось иначе: нам поручили подобрать в Барселоне надежный тайник и произвести в него закладку материала — инструктивного письма для неизвестного нам источника под псевдонимом Хосе. Текст инструкции получили по радио. Требовалось сделать перевод на испанский язык, переписать текст, не оставляя отпечатков пальцев, и в контейнере заложить в подобранный в Барселоне тайник. Перевод написали бисерным почерком печатными буквами на тонкой бумаге. Где хранить этот горючий в прямом и в переносном смысле материал? Ведь прежде, чем мы попадем в Барселону, две недели эта улика будет с нами на Мальорке. Поразмыслив, решили упаковать инструкцию в несессер, который обычно каждая женщина имеет при себе. Операция прошла благополучно.

105

Сеп

Во время пребывания на Мальорке мне невольно представился случай проверить свою зрительную память. Среди отдыхающих в отеле «Марокко», где мы проживали, появилась одна семья с девочкой лет 12—13. Глава семьи, мужчина средних лет с бесцветными, мутными глазами, как-то в холле пристально остановил свой взгляд на мне. Он показался знакомым, но я не мог припомнить, где и при каких обстоятельствах с ним встречался. Эта мысль постоянно преследовала меня и не давала покоя. «Кто он, этот мужчина, друг или враг? Откуда он здесь и под какой фамилией знает меня? В какой стране мы могли встречаться?» — терялся я в догадках. Жанне эта семья была совершенно незнакома. Начал осторожно изучать этого человека. Все семейство держалось довольно обособленно, знакомств не заводило. Дама одевалась изысканно, со вкусом, часто меняла туалеты, вела себя очень гордо и независимо. В совместных экскурсиях они участия не принимали, большую часть времени проводили на пляже.

Однажды вечером я зашел в бар и увидел главу семейства, который одиноко сидел у стойки и лениво тянул через соломинку какой-то коктейль. «Удобный случай для выяснения личности», — подумал я, решительно подошел, сел рядом и заказал свой любимый коктейль — смесь кампари и джина. Мужчина

безучастно повернул голову в мою сторону и наши взгляды встретились. Мутные глаза незнакомца вдруг воскресили в моей памяти картину дорожного происшествия, которое произошло три года назад на главной улице нашего города. Тогда было столкновение пяти автомашин, и я предложил этому незнакомцу, как пострадавшему, свою помощь.

Мы представились друг другу. Оказалось, что он — наш соотечественник, проживает в столице и является коммерсантом. Он выразил удовлетворение по случаю встречи с человеком, оказавшим ему тогда посильную помощь, и мы обменялись визитными карточками.

Сам по себе случай этот будничнейший, но для разведчика каждая мелочь, каждая внезапная встреча имеет определенное значение и может нести в себе элемент опасности. Поэтому он должен быть постоянно

106

готовым к любой неожиданности, всегда быть начеку. После окончания отдыха на острове Мальорка мы вылетели в Барселону на самолете местной авиакомпании «Иберия». Воспоминания об этом полете остались неприятные, так как самолет был настолько стар, что, казалось, вот-вот развалится на части и мы окажемся в морской пучине. Свободно вздохнули, только когда, наконец, приземлились на материке.

Барселона — очень древний город, административный центр Каталонии, один из наиболее красивых средиземноморских городов. В настоящее время является важнейшим экономическим, торговым, транспортным и культурным центром Испании и одним из крупнейших центров мирового туризма. Характерным для того времени было большое количество военных и полицейских на улицах. У входа в правительственные и некоторые другие учреждения стояли часовые, что еще более придавало городу вид осажденной крепости.

В течение трех дней выполнили задание Центра — выбрали места встреч и постановки сигналов, а главное — тайник, в который заложили контейнер «местного производства», обработанный согласно указаниям Центра, с материалом для Хосе. Оставшиеся два дня посвятили знакомству с городом.

Как правило, при поездках в другие страны большое внимание уделяли отработке технических вопросов: маршруты, средства передвижения, содержимое багажа, количество и виды наличной валюты. Центр также не раз предупреждал нас о соблюдении осторожности, особенно при провозе через границы оперативных материалов. Тем не менее случалось, что мы все же допускали оплошности или вновь (в который раз!) обнаруживали незнание каких-то сторон местной жизни.

Поступило указание выехать в Кельн на встречу с источником Георгом и получить от него срочную информацию о западногерманской разведке. Дату встречи сообщила Москва. Мы решили совершить поездку так, чтобы никто из близкого окружения не узнал о нашем отсутствии и чтобы, по возможности, в ФРГ также не оставить следов своего пребывания. Взяли билеты на поздний вечерний поезд, который прибывал в Кельн рано утром. Но вот тут-то и случилось не-

107

предвиденное: к нам заявился Морис с семьей. Это визит, понятно, был очень некстати.

— А мы здесь поблизости проезжали и решили накоротке навестить вас, — радостно улыбаясь, с порога приветствовал нас Морис.

— Пожалуйста, милости просим к столу. Как раз собираемся ужинать, — весело ответил я, стараясь дер. жаться непринужденно, помогая гостям раздеться.

Мы понимали, что своим поведением не должны вызвать у них никаких подозрений и догадок о под. готовке к выезду. Жанна хлопотала на кухне, быстро накрыла стол и пригласила гостей. Время шло, а они и не собирались уходить. Хотя разговор протекал оживленно, нам однако становилось все больше не по себе. Неожиданно младший сын Мориса закапризничал, стал жаловаться на боль в желудке и сказал, что хочет спать. Родители всполошились и заторопились домой. После их ухода мы быстро собрались в путь. Спокойно устроились в отдельном купе. Проводник проверил билеты, буфетчик предложил напитки, легкие закуски.

Встреча с Георгом прошла без сучка и задоринки. Сразу же купили билеты на обратный путь, снова на вечерний поезд, чтобы рано утром прибыть домой. Точно по расписанию поезд отошел от залитого неоновым светом кельнского вокзала. И тут состоялась встреча... с тем самым буфетчиком, что обслуживал нас сутки назад.

— О! — воскликнул он, округлив глаза от удивления. — Как, вы уже обратно? Ведь только вчера я обслуживал вас в этом поезде!

Не обращая внимания на его болтовню, заказали себе бутерброды и два кофе. После напряженного дня нам надо было подкрепиться.

— Вам что, не понравилось у нас? — продолжал любопытствовать буфетчик, неторопливо разливая из термоса кофе в картонные стаканчики. Пришлось на ходу придумать объяснение.

— Дела, мой дорогой, коммерческие дела, — растягивая слова, пояснил ему я. — Сами понимаете, время — деньги.

— Понятно... понятно... — понимающе протянул он. И видимо, ответ вполне удовлетворил его. Но в наши души все же закралась некоторая тревога — не поделится ли буфетчик своими сомнениями «с кем следует»

108

Ведь мы везли с собой ценный оперативный материал: микрофильмы секретных документов Федеральной разведывательной службы. Поэтому с некоторым волнением ждали пересечения границы. Но все обошлось. Пограничный контроль носил чисто формальный характер. Наконец за окном вагона показались очертания знакомого нам пригорода. Казалось бы, теперь можно спокойно отдохнуть, если бы не предстоящий визит к Морису. Мы считали своим долгом навестить его семью, узнать о состоянии малыша. Поэтому сразу же после возвращения наскоро умылись и, переодевшись, отправились с ответным визитом. Оказалось, мальчик просто съел много сладостей. Наше беспокойство о мальчике произвело на Сюзанну и Мориса хорошее впечатление.

После проведения ряда контрольных радиосеансов с Москвой и нашего доклада о готовности к регулярной работе Центр поручил проверить ранее подобранные тайники (всего с десяток) и подтвердить их пригодность. Осмотрели все точки и в результате забраковали только один тайник, поскольку вблизи разворачивалось какое-то строительство. Центр принял это к сведению, и вскоре поступила радиограмма: такого-то числа обработать тайник № 4, проявить заложенную в нем фотопленку и основное содержание информации передать очередными радиосеансами. Изъятие материала из тайника прошло спокойно, пленку проявили в домашней лаборатории, принялись за перевод и аннотирование полученных документов. Наиболее существенное передал ночным радиосеансом в Центр. Москва подтвердила прием.

Начало нашей регулярной работе на линии радиосвязи между Центром и нелегальными источниками информации, действовавшими в западноевропейских

странах, было положено. Поток информации и секретных документов нарастал, поэтому в дальнейшем мы сообщали в Москву только заголовки или тематический перечень полученных материалов, а затем, по усмотрению Центра, самое важное передавали по радио, а менее срочное, например многостраничные политические и экономические обзоры, пересылали другими каналами.

Мои нагрузки как радиста существенно возросли,

109

и Центр разрешил, чтобы я на месте обучил Жанну приему односторонних передач, то есть из Центра к нам. В Москве это не входило в план ее подготовки. Жанне предстояло освоить азбуку Морзе так, чтобы уверенно принимать на слух в обычном скоростном режиме как цифровые, так и буквенные группы. Потребовался радиоключ и зуммер, которые, конечно, можно было бы приобрести в радиомагазине, но мы посчитали этот вариант рискованным. Я соорудил подходящие приспособления из подручных средств. В помещении, отведенном под «учебный класс», усилили звукоизоляцию. Начались занятия. Жанна легко освоила односторонний прием и часто подменяла меня.

Какая информация проходила через наши руки? В основном она касалась различных сторон деятельности НАТО, в частности его военной организации, штаб-квартира которой размещалась в городке Монсе близ юго-западной границы с Францией. Вряд ли в те годы была другая, более важная военно-политическая проблема, непосредственно связанная с безопасностью нашей страны. Теперь известно и широкой аудитории, что в разгар «холодной войны» вероятность развязывания нового мирового ядерного Армагеддона¹ являлась прискорбной реальностью.

В Монсе разрабатывались планы превентивного использования ядерного оружия против нашей страны, определялись способы его доставки к конкретным целям на советской территории, проводились войсковые учения НАТО с максимальным приближением к боевой обстановке. Москва своевременно получала предупредительные сигналы, и советское политическое и военное руководство знало о растущей угрозе с Запада, об оперативных планах натовских генералов.

В конце 1958 года, после того как двусторонняя радиосвязь с Центром была проверена в разных режимах, мы получили указание Москвы принять на связь очень ценный источник — Брига, высокопоставленного сотрудника НАТО. Центр ориентировал нас о личности агента, его возможностях по добыванию важной разведывательной информации, о связях в правительственных и политических кругах натовских стран. Москва обра-

¹ Битва во время Страшного суда (библ.); в переносном смысле — великое побоище. — *Прим. ред.*

110

щала наше внимание на необходимость установления с Бригом хороших личных отношений, учитывая некоторые особенности его характера: самонадеянность, резкость в суждениях и вспыльчивость.

Вскоре нам сообщили даты основной и запасной встреч и необходимые условия. Это была та специфическая и необычная ситуация, понятная только разведчику-профессионалу, когда нужно было встретить человека абсолютно неизвестного и узнать его по словесному портрету, паролю и обусловленным опознавательным признакам. Что я испытывал в этот ответственный момент? Наряду с внутренним волнением, вызванным ощущением опасности и риска, еще и чисто человеческое волнение от встречи с незнакомым и очень нужным нам человеком. Какой он? Как сложатся наши взаимоотношения? Можно ли доверить ему свою судьбу, ибо она будет теперь во многом зависеть от его

профессионализма, выдержки, осмотрительности и опыта? Наш друг вышел на связь в основную дату. В левой руке он держал свернутую в трубочку медицинскую газету заголовком наружу. Подойдя, я произнес слова пароля и, дождавшись ответной фразы, протянул ему руку. Это был мужчина примерно сорока лет, высокого роста, худощавый, с живым красивым лицом, в элегантном спортивного покроя темно-сером плаще. Глядя на него, я мысленно отметил, что держится он спокойно, ровно, с достоинством, но не высокомерно, не суетится, не оглядывается по сторонам, не пытается напустить на себя важность и таинственность.

Обращаясь к нему, я выразил от имени Центра признательность за его помощь в нашем общем деле, и глубокое удовлетворение, что мы восстановили контакт с ним. Беседу посвятили главным образом отработке схемы наших будущих встреч. Оказалось, что ему было бы удобнее встречаться не в столице, где его многие знают, а в другой местности, в 50 километрах отсюда. В последующем в наши договоренности время от времени вносились отдельные коррективы, в частности, меняли места встреч и даты их проведения, чтобы избегать повтора в наших действиях. Надо отдать должное Бригу, он очень серьезно относился к вопросам личной безопасности и всегда четко соблюдал правила конспирации.

Встречи проводились не так часто, в среднем один

111

раз в два месяца. Бывало, что у него появлялись срочные материалы и мы виделись чаще, как-то пришлось встретиться трижды в месяц. Информация этого источ. ника, как правило, представляла собой письменные сообщения, излагавшие содержание прочитанных им документов, или же сведения, полученные из бесед с коллегами. Периодически ему удавалось сделать копии с секретных документов, и это были наиболее ценные материалы. Иногда информационная «порция» содержала довольно объемистый пакет текстов на двух-трех десятках страниц, на нескольких иностранных языках, Передавая письменную информацию, он ее кратко комментировал, обращая мое внимание на особо важные моменты. После каждой встречи с ним, отложив все иные дела, мы с Жанной прочитывали полученные материалы, классифицировали их по степени важности и срочности: что необходимо сразу же передать по радио, а что отправить в Центр по другим каналам. За этим занятием проходили не только вечера, но и ночные часы.

Что касается непростого характера нашего друга, о чем предупреждала Москва, то в итоге мы с ним сработались неплохо, хотя отдельные шероховатости все же возникали. Например, он с некоторым раздражением реагировал на просьбу Центра собрать информацию по конкретной крупной политической проблеме. В подобных случаях с горячностью заявлял: «Неужели вы думаете, что я пройду мимо такой проблемы, если возникнет возможность что-то выяснить?» Один маленький эпизод очень способствовал тому, что между нами начали складываться, а затем и окрепли добрые, даже дружеские отношения.

Очередная встреча проводилась в канун его дня рождения, о чем нам напомнил Центр. Я выехал в заранее обусловленное место, прихватив с собой подарок — портфель из тисненой кожи, вещь элегантную и достаточно дорогую. Надо сказать, что в финансовом плане Бриг был человеком независимым, работал с нами из идейных побуждений и от денежных вознаграждений с первых шагов решительно отказался. Подарок произвел на него сильное впечатление. Наш друг был искренне растроган таким знаком внимания. В последующем он

несколько раз приезжал на встречи с этим портфелем.

112

От источника регулярно поступала ценная информация о создании, перевооружении и модернизации бундсвера ФРГ, документы комитета планирования штаба НАТО о задачах отдельных воинских соединений, их боевой оснащённости, о системе управления войсками, стратегии и тактике и по другим военным вопросам, связанным с наступательными действиями в Европе. Верхушка НАТО (Адольф Хойзингер, Ханс Шпайдель, Хайнц Треттнер) разрабатывала секретные планы, которыми предусматривалась, в частности, военная акция в отношении ГДР и Чехословакии с применением ядерного оружия. Подтверждением этой заранее полученной информации стала серия военных маневров вооруженных сил НАТО, проведенных в 1959 — 1961 годах, в ходе которых инсценировались ядерные удары «в восточном направлении».

В информационном потоке немалое место занимали сведения о лицах из числа руководящего состава различных структур НАТО. Например (сейчас это уже не секрет), о Треттнере мы знали, пожалуй, и как о личности, и как о военно-политическом деятеле все, вплоть до мельчайших деталей: как он проводит досуг, его взаимоотношения с родными и близкими, друзьями, человеческие слабости и сильные стороны его натуры. Надо отдать должное Бригу в том, что он проявлял незаурядную инициативу в подборе нужной нам информации, при этом особое внимание уделяя добыванию документальной, ибо как квалифицированный агент хорошо понимал, что она является правдивой, достоверной и не требует какой-либо дополнительной проверки. Через его руки проходили материалы секретные и особой важности, которые он фотографировал в своем служебном кабинете во время работы, подвергая себя тем самым большому риску.

Как-то от него поступили отрывочные сведения о создании в странах НАТО неких специальных формирований, на которые, в частности, возлагалась функция сбора информации на политических и общественных деятелей Запада и выявления среди них лиц, взгляды которых носили «розовый» оттенок. Мы занялись более обстоятельно этой темой, и в результате в Центр полетела следующая срочная депеша:

«ЦЕНТРУ

В штаб-квартире НАТО в Эвере (источник Бриг)

113

в обстановке полной секретности создан новый разведывательный и контрразведывательный орган, который, по замыслу, рассматривается как самостоятельная спецслужба, автономная от соответствующих национальных структур, имеющая наднациональный статус. Информация первичная. Работу в этом направлении продолжим.

Сеп».

Кроме военной немало через наши руки проходило чисто политической информации о позиции отдельных западноевропейских государств или даже групп государств по крупным политическим проблемам. Например, об итогах межгосударственных переговоров, об отношении в Западной Европе к процессу образования самостоятельных государств в Африке. Накануне ежегодных сессий Генеральной Ассамблеи ООН наш источник передавал конфиденциальную информацию о предстоящей позиции ведущих европейских стран по ключевым вопросам повестки дня.

Вполне понятно, что эти сведения оказывались весьма полезными для советской делегации, выезжавшей в Нью-Йорк в штаб-квартиру ООН, определяли границы для политического маневрирования и придавали гибкость

позиции нашей страны. Кстати, многие помнят расхожее выражение «машина голосования», часто появлявшееся на страницах демократической печати, когда речь шла о механизме торпедирования в ООН многих предложений, выдвигавшихся советской стороной. Мы направили в Москву сведения о механизме действия этой «машины», сопроводив конкретными примерами, как необходимое большинство голосов складывалось то ли различными посулами, то ли бесцеремонным жестким нажимом сильных мира сего.

В информации о стратегии и тактике крупных государств Запада в отношении стран Восточной Европы отчетливо просматривалась хорошо спланированная, скоординированная линия на размывание национальных ценностей, расшатывание законных органов власти, политических и экономических структур, на отрыв этих молодых государств от союза и сотрудничества с Советским Союзом. Ставка делалась на центры «психологической войны», реакционные круги эмиграции, а также на внутренних «возмутителей спокойствия». Особое

114

внимание, насколько мы могли судить, уделялось Польше, а после событий 1956 года также и Венгрии.

Неожиданно получил от нашего друга сигнал срочного вызова на встречу. «Что бы это могло быть? — додумал я. — Ведь только недавно встречались». В конце рабочего дня подписал несколько деловых фирменных бумаг, передал их клерку для отправки на следующий день по назначению. Утром выехал на машине и встретился в условленном месте. Он, как всегда, был точен, сразу приступил к делу: где и как можно было бы перефотографировать срочные документы большой важности, находящиеся у него в портфеле, так как сам он смог это сделать по причине неисправности фотоаппарата. Бриг пояснил, что эти документы находились у экспертов для выработки заключения к предстоящей сессии НАТО. Имея к этому вопросу непосредственное отношение, он использовал кратковременную возможность доставки их для пересъемки, при этом предупредил, что может оставить материал не более чем на час.

Приняв пакет, я выехал за город в район лесного массива, подыскал удобное, тихое место на его опушке, где условия дневного света вполне отвечали фотографированию материала на высокочувствительную пленку, что мне и ранее приходилось делать в машине где-нибудь в укромном местечке. Как правило, при встречах со своими агентами я имел при себе портативный фотоаппарат «Минокс».

Закончив съемку, я вовремя вернул пакет, сел в машину и быстро поехал. Мне следовало торопиться, ибо по дороге обязательно надо было заехать к поставщику и заказать очередную партию атласного шелка. Этой деловой операцией я оправдывал свое отсутствие в фирме.

Поскольку сведения действительно были срочные, я немедленно направил в Центр пленку в непроявленном виде по имевшемуся каналу связи, а ночным радиосеансом передал телеграмму:

«ЦЕНТРУ

Сегодня на встрече Бриг предоставил документы срочной важности, касающиеся боевой оснащенности отдельных военных соединений НАТО. Кассета с непроявленной пленкой направлена вам по каналу «Марк». Сеп».

115

Однажды так получилось, что я по собственной инициативе вышел за рамки основных разведывательных обязанностей и «несколько отвлекся» на некоторое время для участия совсем в ином деле. В клубе коммерсантов, членом которого я стал после приобретения акций торгово-промышленной компании «Вита», мне

довелось оказаться за одним столиком с группой предпринимателей, занимающихся посреднической деятельностью. Шел профессиональный разговор о намечаемых сделках, ценах, конъюнктуре рынка. Прислушавшись к беседе соседей, я узнал, что один из них — тучный господин с бородкой — сетовал на трудности с реализацией какой-то металлургической продукции. Тема мне показалась интересной, и я вклинился в общий разговор. Состоялось знакомство, обмен визитными карточками. Оказалось, что господин Теодор Оливье представлял интересы крупного и очень известного в Европе концерна цветной металлургии «Хандельсметал». Он был озабочен проблемой сбыта некоторых сталепрокатных изделий, в частности особо тонкой прокатной стали высокого качества, обронил такую фразу: «Вы знаете, за «железным занавесом» такую сталь у меня бы с руками оторвали. Там она во как нужна». Собеседники выразили сомнение в возможности подобной сделки, ведь в то время существовали строгие запреты на торговлю с Востоком. На это замечание Оливье с явным пренебрежением к препонам заявил, что знает, как обойти запреты, «лишь бы нашелся подходящий покупатель».

Имеющий уши да услышит. Я тут же отстучал телеграмму в Центр: «ЦЕНТРУ

В клубе коммерсантов познакомился с крупным бизнесменом, желающим вступить в деловой контакт со странами соцлагеря с целью продажи сталепрокатных изделий. Способ доставки предполагается под флагом третьей страны.

Сеп».

Москва живо и заинтересованно откликнулась на это предложение: «Сепу

Ваша информация представила интерес Через окружение коммерсанта соберите на него характеризующие данные, его адрес и телефон офиса. В личный контакт с ним по данному вопросу не вступайте.

ЦЕНТР».

В течение месяца не спеша и осторожно я действовал через своих друзей в клубе коммерсантов, и мои усилия увенчались успехом. Я получил исчерпывающую информацию о Теодоре и его позиции в концерне и передал эти сведения в Москву. Много позже, уже после окончания зарубежной командировки, коллеги сообщили, что наши люди установили тогда контакт с Оливье и наладили обоюдовыгодное конфиденциальное сотрудничество. Не скрою, приятно было сознавать свою причастность к этой «нештатной» операции.

Центр поручил нам очередное задание: восстановить связь с агентом Вэтом. Сообщил его адрес, установочные данные и условия связи. Вэт дипломированный инженер. Ранее он и его жена сотрудничали с нашей службой, являлись держателями почтового ящика в период испанских событий 1936 — 1939 годов. По оперативным соображениям они были на некоторое время законсервированы.

И вот мы снова заняли места в купе экспресса, уносящего нас на юг. Без труда нашли, где жил Вэт. Небольшой двухэтажный домик в итальянском стиле стоял обособленно, укрытый в зелени фруктового сада. К сожалению, первое посещение оказалось неудачным. На звонок в дверь никто не отозвался. Я знал, что в случае длительного отсутствия хозяев должен быть выставлен предупредительный сигнал — газета, свернутая в трубочку, в углу окна при входе в дом. Однако сигнала не оказалось.

Ближе к вечеру я подошел к дому один. Еще издали увидел свет в окнах

нижнего этажа. На продолжительный звонок распахнулось окно, из которого высунулась женщина.

— Кто там? — спросила она низким голосом.

— Добрый вечер, мадам. Извините за беспокойство, могу ли я видеть хозяина дома?

— Его нет, он в отъезде.

— Простите, я говорю с его женой?

— Нет, нет... Жена уехала с ним... Они отдыхают на даче — и назвала ее местонахождение. — Я сестра его жены. Могу ли чем помочь вам?

117

— Мне сказали, что здесь продается дом.

— Этот дом?.. Продается? — удивленно переспросила она, пожав плечами.

— Об этом мне ничего не известно. Зайдите, пожалуйста, недельки через две думаю, что сестра с мужем уже вернутся.

Такой поворот дела нас не устраивал, и мы поспешили на вокзал в надежде успеть на вечерний электропоезд, следующий в небольшое курортное местечко, где находилась дача Вэта. Приобретая билеты, наскоро поужинали в привокзальном ресторане.

Поскольку мы приехали туда без предварительного заказа места в гостинице, то сразу же натолкнулись на определенные трудности с устройством. Время было отпускное, гостиницы переполнены туристами, к тому же наш приезд поздним вечером еще больше усложнил положение. В одной из гостиниц администратор предложил нам переночевать на его частной вилле. «Ну что ж, вилла так вилла!» — подумали мы и согласились. Гостиничный бой, сопровождавший нас, провел в спальню на второй этаж и, пожелав доброй ночи, быстро удалился.

Утомленные дорогой и массой впечатлений от увиденного за день, мы хотели как можно скорее отдохнуть, но, очутившись в вилле, напоминающей собой сказочный теремок, не могли удержаться от восхищения, рассматривая ее богатое убранство. Над широченной кроватью, сверкающей белизной, висела в позолоченной раме картина, изображающая коленапреклоненную молящуюся мадонну. Великолепная люстра, свисающая с лепного потолка, а также лампы на ночных столиках были выдержаны в китайском стиле. На полу лежал мягкий персидский ковер, со вкусом подобранный под светлый цвет обоев. Нас поражала эта изысканная обстановка, в которой мы чувствовали себя непривычно и отчужденно. «Ну и ну! — удивлялись мы, разглядываясь вокруг. — И живут же в такой роскоши люди!»

Утром мы проснулись довольно рано, ибо впереди предстоял трудный день. Но, к нашему удивлению, входная дверь оказалась запертой с внешней стороны. Попробовали поискать черный выход, но и он был закрыт. Посмотрели из окна — вокруг ухоженный участок паркового типа и ни души. В кабинете обнаружили телефон, однако воспользоваться им не могли, так как

118

не знали номера телефона гостиницы, а телефонной книги вблизи не нашлось. Самочувствие было пренеприятное, ибо, оказавшись как в мышеловке, мы впустую теряли время, так необходимое нам для поисков Вэта. «А не рискнуть ли нам выпрыгнуть из окна? Но это несерьезно, выглядело бы как-то по-воровски!» — рассуждали мы. Да, действительно, конфузный случай получился с нашей ночевкой. Пошарив еще по разным ящикам, мы нашли в тумбочке, стоявшей в прихожей, залежавшийся справочник местных гостиниц. «Это уже что-то» — обрадовались мы. Наш звонок администратору гостиницы сильно его удивил:

— Не может быть, — возбужденно воскликнул он и тут же извиняющимся тоном пообещал быстро приехать, заметив, что произошло какое-то

недоразумение. После нашего «освобождения» мы позавтракали в ресторане гостиницы, расплатились за ночлег и, не теряя времени, с планом города и путеводителем в руках, которые приобрели заранее в киоске на вокзале, отправились на поиски дачи Вэта.

Местечко, куда мы прибыли, — известный курорт, который славится не только своим прекрасным климатом, но и красивым месторасположением. Лежит оно как раз там, где горы почти вертикально спускаются к озеру. Отсюда открывается великолепная панорама на Альпы.

Каждый раз, когда мы посещали эту страну, нас всегда охватывало чувство восхищения ее природой. Куда ни поедешь, всюду открывается изумительное зрелище земной красоты, которую эта маленькая страна как бы всю собрала, впитала в себя и разместила на небольшом клочке земли. Каждый уголок ее — будь это в горах или низинах, в ущельях или на равнинах, в городах или деревнях — предлагает что-то свое, неповторимое. Цепи высоких гор со снежными вершинами и склонами, покрытыми хвойными деревьями, пасущиеся у подножья гор коровы с широкими ошейниками, на которых висит большой колокол, бурные речки с каменными мостиками, небольшие, удивительно живописные Деревянные домики с яркими надписями и орнаментами. К сожалению, мы никогда не могли себе позволить долго наслаждаться этой красотой, так как наши поездки носили деловой характер.

Дача Вэта находилась на склоне горы. Оставив Жан-

119

ну в сквере на берегу озера, я направился к дому. Через редкий забор увидел мужчину и женщину, наклонившихся над клумбой с розами. Я открыл калитку, издавшую легкий скрип, и вошел в сад. Женщина первая обратила внимание на меня, приветливо улыбнулась и дружески ответила на мое приветствие. Тут же подошел и сам Вэт, пожилой, худощавый, без пиджака, в грубых башмаках и зеленом фартуке садовника. Его лицо раскраснелось от работы. Он встретил меня радостным возгласом: «Добро пожаловать!» и жестом руки пригласил пройти на террасу, заросшую густым диким виноградом. Здесь было чисто, уютно и царил идеальный порядок. Мы обменялись паролями. В ходе начавшейся беседы Вэт сообщил, что накануне звонила сестра жены и сообщила, что у нее был покупатель дома.

Вэт тепло вспоминал о прежней работе с нашими товарищами. Нарушение условий связи по постановке сигнала в окне своего городского дома он объяснил большим перерывом с момента прекращения сотрудничества с нашей службой. Выяснилось, что за последнее время он перенес два инфаркта и по состоянию здоровья в основном находится здесь, на даче. Мне стало ясно, что восстанавливать работу с нами ему будет трудно. Однако по собственной инициативе Вэт предложил привлечь к работе своего приемного сына, который служил в совместном швейцарско-французском объединении, связанном со строительством самолетов типа «Мираж». В то время страна, куда мы прибыли в командировку, закупила во Франции для военных целей 57 самолетов типа «Мираж», 5 из которых военное ведомство решило переоборудовать в самолеты-разведчики, поручив эту работу концерну «Филипс» в Цюрихе. Кроме того, этот концерн приступил к изготовлению компонентов для системы ПВО под кодовым названием «Флорида». Она представляла собой американскую полуавтоматическую систему дальнего обнаружения противника с применением ЭВМ.

В общих чертах мы затронули вопрос информационных возможностей по месту работы его сына, оговорили дальнейшие условия связи. Я попросил Вэта

ничего не предпринимать и не ставить в известность сына о возможном привлечении к нашей работе до получения на это указания Центра. Вэт был очень тро-

120

нут оказанным ему вниманием и доверием. Расстались мы по-дружески.

В оставшуюся часть дня мы с Жанной знакомимся с городом и его окрестностями. Здесь, на берегу озера, посетили известный замок, относящийся к XII веку, но сохранивший до сегодняшнего дня свой прежний облик. В настоящее время он служит музеем. В свое время Байрон, Руссо, Гюго и другие воспели его в своих произведениях. В 1530 — 1536 годах в подземелье замка находился в заточении политический деятель, который послужил Байрону прототипом для героя его поэмы.

О результатах беседы с Вэтом и разведывательных возможностях его сына мы сообщили в Центр.

Вскоре нам было предложено выехать в Кельн на встречу с курьером из Центра. Прибыли мы туда поездом рано утром. Город встретил нас дождливой погодой. Дул резкий северный ветер. Времени было предостаточно, и мы зашли в ресторан на привокзальной площади, чтобы перекусить. Гостей в зале было мало, и нас быстро обслужили. Согласно условиям, местом встречи являлась конечная трамвайная остановка на небольшой площади. После завтрака, невзирая на непогоду, мы направились к месту встречи пешком. Каково же было наше удивление, когда на площади не оказалось не только конечной остановки трамвая, но и рельсовых путей. «Неужели не та площадь?» — недоумевали мы. Однако название площади точно соответствовало указанному в сообщении, и, согласно плану города, другой с таким названием не было. Мы решили обойти площадь в надежде встретить курьера. Бросилось в глаза, что она была недавно заасфальтирована и от нее отходила в одну из улиц широкая полоса свежего асфальта, указывающая, что здесь проходили трамвайные пути. Осталось только найти место, где раньше находилась трамвайная остановка.

Продолжая движение по периметру площади, увидели рабочих, занятых оборудованием троллейбусной сети. Невдалеке заметили мужчину, по виду ожидавшего кого-то. Но при нашем приближении он стал медленно Удаляться и вскоре свернул в одну из улиц, отходящую от площади. «Может быть он, специально «уводит» нас от рабочих?» — подумали мы. Однако мужчина не обра-

121

тил на нас никакого внимания и стал быстро удаляться. Нет, это не он. Мы сделали еще круг по площади и ушли. Встреча не состоялась. На запасную в тот же день курьер тоже не явился. Ну что ж, бывает и такое. По возвращении о результатах поездки сообщили в Центр. В очередном сеансе нам пояснили, что ввиду накладки, происшедшей с курьером, встреча с ним состоится в ближайшее воскресенье согласно прежним условиям. Таким образом, нам пришлось выезжать в Кельн вторично. На сей раз рандеву состоялось.

— Мне поручено, — сказал курьер после обмена паролями, — передать вам некоторые материалы. — Говорил он тихо, спокойно, изредка бросая на нас внимательный взгляд, как бы спрашивая, все ли нам понятно. Затем достал из бокового кармана пиджака контейнер и передал его нам.

— Это для вас. Если вам стало трудно составлять в Центр сообщения по-русски, Москва не возражает против текста на удобном для вас языке.

— Спасибо за заботу, но объясняться с Центром мы предпочитаем все же на родном языке, — ответила Жанна.

— Хорошо, так и передам. А сейчас отвлечемся на другую тему, — сказал курьер, протягивая пухлую пачку писем от родных. — Вы прочтите их,

пожалуйста, сейчас и верните мне.

Присев на скамейку в сквере, мы с волнением погрузились в чтение писем и мысленно перенеслись в нашу далекую, родную Москву. В одном из писем сообщалось, что моя племянница поступила в медицинский институт, что нас немало удивило. В нашей памяти она осталась маленькой, хрупкой, застенчивой девчушкой, и мы никак не могли ее представить со скальпелем в руках. Письма от родных всегда были для нас большим событием, поводом для разговоров и воспоминаний, ведь мы их получали по понятным причинам не так часто. Тут же на клочке бумаги набросали несколько строк родным и передали товарищу.

Затем он поинтересовался состоянием правого колена Жанны и что это за болезнь «отложение кальция». Московские врачи с такой болезнью не знакомы. А получилось так: Жанна неудачно упала и повредила мениск колена, который пришлось удалять хирургическим путем. Однако после операции произошло ослож-

122

нение, и нога в колене не сгибалась. Сообщая об этом в Центр, мы употребили дословный перевод — «отложение кальция в колене», что было не понято и вызвало обеспокоенность. Только возвратясь домой, мы узнали, что такое заболевание называется у нас «отложение солей». Откуда нам, в то время еще молодым людям и дилетантам в медицине, знать о старческих болезнях!

Занимаемая нами двухкомнатная квартира не являлась, на наш взгляд, надежным местом для обработки и хранения оперативных материалов. Желательно было бы приобрести небольшую виллу. Центр дал согласие, и мы приступили к поиску подходящего особняка. Вновь обратились к многочисленным объявлениям, завязалась переписка, начались телефонные звонки, предварительные переговоры, выезды на места для осмотра. То продававшиеся дома не отвечали нашим требованиям, то нас не устраивала высокая стоимость.

Поиски привели на тупиковую улицу пригорода, находящуюся в двух кварталах от столичного ипподрома. Там продавалась вилла: строение под конусообразной черепичной крышей из пяти комнат — три внизу и две наверху, гараж в подвальном помещении, небольшой огороженный приусадебный участок с коротко подстриженным декоративным кустарником и фруктовыми деревьями. Уютный дом был окружен зеленой лужайкой, которую обрамляли цветы и несколько кустов красной смородины. Тихий, спокойный, ухоженный район.

И вот мы у дверей виллы. Хозяин — полноватый, спокойный, интеллигентный человек с умным лицом и проницательным взглядом — встретил нас приветливо и пригласил войти. Холл, в котором мы оказались, был невысокий и полутемный, неширокая деревянная винтовая лестница вела в комнаты на втором этаже. С нескрываемой гордостью он водил нас по своему дому, где все было устроено удобно, продуманно, с большой любовью и вкусом. Светлая гостиная с огромным угловым окном, богатая мягкая мебель, большой книжный шкаф; на втором этаже — просторная спальня и маленькая детская комната, много комнатных цветов. Мы осмотрели сад, который нам показался чудесным. Затем хозяин пригласил нас на небольшую террасу, утопающую в лозах дикого винограда, вход на которую был из кухни. Внимательно всматриваясь в наши лица, как бы желая

123

прочитать по ним, какое впечатление произвела на нас вилла, он любезно обратился к нам:

— Вот это мой дом, который я построил по своему вкусу. Здесь мы живем с женой вдвоем. — Выдержав небольшую паузу, многозначительно добавил: —

Для нас двоих вполне достаточно. Мы всем довольны.

Уютно устроившись в креслах, мы начали беседу. При первом разговоре с владельцем не сошлись в цене, он запросил слишком дорого. Я стал торговаться:

— Быть может, вы согласитесь на долговое обязательство? Мы обещаем вам аккуратно выплачивать частями.

— Видите ли, — хозяин несколько задумался, — мне очень нужны наличные деньги. Я покупаю пансион в курортном местечке, мне не хотелось бы упустить этот шанс.

— Да-да, я вас понимаю, но, может быть, вам удастся увеличить банковскую ипотеку?

— К сожалению, банк не соглашается, — с досадой махнул он рукой, — я уже говорил об этом с директором — безрезультатно.

На этом расстались. Откликаясь на газетные объявления, в которых продавцы фигурируют под кодовыми номерами, мы, по иронии судьбы, вновь вышли на того владельца виллы. Он явно был в восторге от нашего вторичного визита.

— Рад вас вновь видеть у себя. Как видно, вас серьезно заинтересовал мой дом! — вежливо встретил нас хозяин и предложил сперва выпить кофе.

Мы не рассчитывали на кофе и попросили его сначала пройтись по его владениям. На этот раз он был более покладистым.

— Как я вижу, вы еще не подобрали подходящей виллы, а я, к сожалению, еще не продал свою, — с досадой сказал он и едва заметным жестом пригласил нас в гостиную, где устало и тяжело дыша опустился в кресло. — У меня, правда, был покупатель, но у него оказалась большая семья, а виллу я строил из расчета на двоих, так как детей у нас нет, — и, обратившись к жене, маленькой худенькой женщине, пробасил: — Будь добра, приготовь нам, пожалуйста, по чашечке кофе.

Жена, как бы ожидавшая эту просьбу, проворно скрылась на кухне.

124

— Нас тоже только двое, — заметил я, желая заручиться расположением хозяина, — и мы оба придаем большое значение уюту и тишине.

— Как покупатели вы мне нравитесь, — ответил он, — серьезные и действительно заинтересованные люди. Я подумал и решил, что смогу вам помочь, то есть пойти на некоторые уступки.

Началось обсуждение условий. Я невольно улыбнулся. Тут много не урвать. Он умеет торговаться. Но вот наконец об условиях договорились, и что же дальше?.. А дальше, как и положено, в нотариальной конторе в присутствии обеих сторон оформили сделку, хозяин согласился к тому же дать долговое свидетельство. В общем, мы стали владельцами приличной собственной виллы. Позднее от соседей с изумлением узнали, что бывший владелец прежде служил инспектором в жандармерии, за какие-то махинации его попросили оставить службу, и тогда он занялся коммерцией. Безусловно, в этом случае мы допустили ошибку, не наведя о нем справок, а если бы заблаговременно поинтересовались профессией хозяина то, вероятно, до покупки виллы дело бы не дошло. Но, как говорится, поезд уже ушел, дело сделано. Успокаивало только одно, что раз у бывшего инспектора жандармерии не возникло никаких подозрений в наш адрес, то это само по себе неплохой признак.

С приобретением виллы и ее обустройством наше общественное положение заметно повысилось. До сих пор мы были рядовыми квартиросъемщиками, а теперь стали собственниками недвижимости, поднялись по социальной лестнице. Из нового статуса вытекали ощутимые преимущества. Например, более широкая возможность пользоваться банковским кредитом. Солидности в нашем

положении прибавилось, возросло уважение со стороны сослуживцев и соседей.

Вскоре после того, как мы обжились на вилле, из Москвы пришло сообщение: нам поручалось встретить прибывающего в кашу страну сотрудника Центра, доставить его с соблюдением мер предосторожности в наш дом и обеспечить укрытие на 7 — 10 дней до получения особых указаний. Стали готовиться к операции: создали запас продуктов питания, покупая их в отдаленных от нашего дома магазинах, так как продавцы местных лавочек знали наши обычные потребности.

125

Отменили ранее назначенные визиты и дела, требовавшие отлучек, каждый из нас придумал предлог, оправдывающий наше отсутствие на работе, чтобы находиться на вилле и не оставлять гостя одного.

В обусловленный день и час я выехал на встречу с посланцем Центра, которая должна была состояться за городом в небольшом лесу. Прибыл на место, заглушил мотор выключил фары, оставив только свет правого поворота, и вышел из машины. Паролем служила замысловатая фраза: «Как мне проехать в Мускрон-Кортрейк?» В лесу темень, пахло сыростью, на земле толстым слоем лежали мокрые листья. Через некоторое время по проселочной дороге послышался рокот мотора приближающегося автомобиля, водитель которого, увидев нашу машину, мигнул дальним светом.

Из авто вышел крепыш среднего роста, направился ко мне и обратился с условной фразой: «Вы не подскажете, как мне проехать в Мус... Мус...» — тут он запнулся, в замешательстве резко махнул рукой и сказал крепкое словцо, вспомнив чью-то матушку. Затем с трудом закончил фразу: «Мускрон-Кортрейк». Мы оба рассмеялись, я понял, что это свой человек.

Сотрудник Центра назвался Евгением. Мы ему отвели комнату на втором этаже виллы, договорились об обоюдных действиях и «легенде» его пребывания в доме на непредвиденный случай. Информировав Центр о прибытии Евгения, я перешел на режим ежедневного прослушивания передач из Москвы.

Пребывание у нас Евгения связано с воспоминаниями о небольшом, но тревожном происшествии, которое снова и снова напоминало нам: коли ты выступаешь под видом местного жителя, то обязан знать и уважать все существующие порядки и правила, которые, быть может, нигде не записаны, но всеми выполняются. А это был случай, когда в очередной раз нам пришлось выкручиваться ... перед трубочистом.

Поначалу все шло хорошо и присутствие у нас Жени не вызывало каких-либо волнений, и вдруг днем неожиданно подал голос дверной звонок. Оказалось — пришел трубочист и хотел сделать плановую профилактику дымохода.

Евгений уединился в свою комнату, а я решил дверь не открывать, переговоры вел через кухонное окно, выходящее на крыльцо. Лихорадочно работала мысль:

126

что это — случайный визит или спецслужбы кое-что пронюхали и направили своего человека под видом трубочиста? Подозрение усилилось, когда я ему объяснил, что дымоход прочищен другим мастером, а он продолжал настаивать на личном осмотре. Даже когда Жанна показала ему книжечку, где стояла отметка трубочиста соседнего района о проведенной профилактике, нежданный визитер продолжал шуметь.

К месту сказать, что еще в первые недели проживания на вилле мы решили переоборудовать систему отопления и договорились с соответствующей фирмой об установке новой автоматической колонки, работающей на нефти вместо угля. Владелец фирмы рекомендовал предварительно прочистить дымоход. Мы

позвонили трубочисту, постоянно обслуживающему виллы в нашем районе, однако он тогда отказался, сославшись на график работ, и просил подождать до своего возвращения из отпуска (и это он сейчас возмущался за дверью). Нас его предложение не устраивало, пришлось обратиться к трубочисту соседнего района.

Тот вначале не соглашался, не хотел вступать в конфликт со своим коллегой. Однако после наших объяснений он принял заказ, но с условием, что мы и в дальнейшем останемся его постоянными клиентами. Недовольство неожиданного визитера можно было понять: он потерял клиентов, а с ними и гарантированный доход. Потоптавшись некоторое время за дверью, трубочист наконец удалился.

На восьмой день Центр сообщил, что Евгений может продолжить поездку по намеченному маршруту, нам предписывалось лишь конспиративно выпустить его «на волю». Ближе к вечерним сумеркам покинули виллу. Гостя поместили у заднего сиденья на полу автомашины, прикрыв пледом. На полупустынной улице Евгений сел нормально. Договорились, что в непредвиденных обстоятельствах мы с ним не знакомы, случайно взяли в машину по сигналу автостопа, что широко практикуется в Западной Европе. Проверка показала, что наблюдения за нами нет. В районе аэропорта дружески расстались, чтобы вновь увидеться с Евгением Тимофеевичем... через 23 года на традиционном вечере ветеранов внешней разведки. Это была теплая и радостная встреча.

127

Сеп и Жанна

Чтобы не допустить пожара третьей мировой войны и тем избавить человечество от кошмарных фантазмагорических планов натовских генералов, нас отправили на передний край борьбы, в Европу. Вместе с нами вели тайную войну против милитаризма иностранные граждане, которых не пришло еще время назвать. Наш основной источник Бриг сотрудничал с внешней разведкой как убежденный пацифист и свою задачу видел в оказании содействия политике советского руководства, дабы оно смогло предпринять превентивные меры против горячих голов в НАТО. Работа с ним — главный результат нашего многолетнего пребывания в зарубежной командировке. Мы на профессиональном уровне выполнили поставленную Центром задачу: надежно обеспечивали безопасность нашего источника, своевременно передавали в Москву поступающую от него важную устную и документальную информацию.

Наибольшую ценность представляли обширные материалы, в том числе с высшим грифом секретности «Космик», копии секретных документов о военных приготовлениях Североатлантического союза в отношении СССР и стран народной демократии. Имеется в виду прежде всего ЕКОП 1д — Единый комплексный оперативный план ядерного нападения на нашу страну. От Брига в Центр было передано также значительное количество закрытых сведений об основных направлениях текущей внешней политики главных, ведущих государств Запада, в том числе и США.

Первый послевоенный план ядерного нападения на СССР и другие страны Восточной Европы был разработан в Пентагоне в декабре 1960 года и взят на вооружение в НАТО. Вскоре эту, самую сокровенную, часть плана Запада по ядерному устрашению благодаря нашему источнику читали советские руководители. В последующем этот план видоизменялся, дополнялся, расширялся в отношении используемых средств и масштабов поражения, пройдя

последовательные стадии до нынешнего варианта — ЕКОП 5д, по сути своей оставаясь неизменным: наступательным, агрессивным, жестким и жестоким.

По сценарию стратегов Североатлантического договора, если в Европе разразится ядерный конфликт,

128

то, вероятнее всего, он начнется на территории ФРГ, где сконцентрированы главные силы европейского театра НАТО, отряды передового базирования, хранилища ядерных и химических боеголовок. Силам «сдерживания» в документе предписывается «вступить в бой с противником на политической границе ФРГ и вести боевые действия с тем, чтобы остановить противника как можно дальше на востоке, снизить его боевую способность до такого уровня, чтобы он не мог возобновить свою атаку...»

Какие же способы «сдерживания» предусматривала НАТО для потенциального противника? Ядерные бомбежки, так называемые «селективные удары по театру военных действий», то есть по территории ФРГ! Рекомендовались четыре варианта удара: «тотальный», «выборочный», «ограниченный» и «региональный». «Легкий» удар превратит строения в обломки, «средний» — оставит от них песок, а «тяжелый» — это города, стертые буквально в пыль.

Но ведь Западная Германия — это не пустыня Западная Сахара. Плотность населения в ФРГ настолько велика, что применение ядерного оружия неизбежно привело бы к гибели сотен тысяч женщин, стариков и детей, к разрушению памятников культуры, музеев и церквей. Сознали ли это натовские генералы и их коллеги из бундесвера? Оказывается, сознавали и смирились с неизбежной участью, придумав иезуитский (и оправдывающий их позицию) термин — «уязвимые зоны». То есть именно те, которые может захватить потенциальный противник. Все было скрупулезно подсчитано и перечислено как цели, подлежащие уничтожению собственными ядерными силами НАТО на территории ФРГ. В документе «Northzig/C 75/145/68» такие крупные города, как Гамбург, Бремен, Ганновер, Геттинген, и с десятков других помельче значились в планах НАТО как цели для собственной ядерной бомбежки в случае военного конфликта в Западной Европе. Жителям этих городов явно не повезло; они оказались в «уязвимой зоне» и должны исчезнуть с лица земли, причем даже не узнав, что на их головы падает натовское оружие «устрашения». Поистине такой сценарий мог родиться только в больном воображении.

Кто должен был командовать этим смертоубийством, У кого не дрогнула бы рука? Оказывается, был такой

129

человек. «Ясно, что невозможно противостоять главной атаке противника слишком долгое время без обращения к ядерному оружию, — говорилось на сей счет в ЕКОП 1 д, — и вполне вероятно предположить, что Верховный командующий объединенными силами НАТО в Европе отдаст приказ о применении ядерного оружия вскоре после того, как противник пересечет демаркационную линию». В тексте нет и намек на то, что, прежде чем нажать на ядерную кнопку, западные союзники собирались провести хоть какие-то политические консультации либо получить одобрение своих действий со стороны конгресса, парламента или бундестага. Нет, на то, мол, не будет времени, и единоличное решение будет принимать... американский генерал!

Ну а каковы же боевые действия без расчета на «квислингов», «сочувствующих» или «пятую колонну» в стане предполагаемого противника? В приложении «А» к оперативному плану № 10 — 1 упомянуты задачи, возлагаемые на эту категорию местной «жиронды»:

«(б) Фундаментальная стратегия операций в тылу противника с использованием специальных видов вооружений и тактики... заключается в проведении военных операций путем использования потенциала сопротивления в зонах, находящихся под контролем противника или которые, вероятно, окажутся у противника в тылу. Цели таких средств ведения войны следующие:

(5) Получать разведывательную информацию.

(д) Деятельность, осуществляемая местными элементами... будет вначале характеризоваться ее тайным характером. В эту деятельность входит следующее: саботаж, тайная пропаганда, проникновение в учреждения противника, спланированное гражданское неповиновение или несотрудничество и создание небольших по составу групп для будущих партизанских отрядов.

(е) Когда позволит ситуация, следом за вспышкой враждебности... подразделения специальных способов ведения войны с помощью элементов, поставляемых ЦРУ, будут проникать в зоны, избранные для акций в тылу противника, с тем чтобы инспектировать, создавать и снабжать группы сопротивления, оказывать влияние на направленность их операций».

А в приложении «Л» к тому же плану роль «квислингов» поднимается до содействия наговскому командованию в том, чтобы:

130

«(а) Убедить население стран советского блока в неизбежности военной победы США и союзников.

(б) Воздействовать на население стран советского блока так, чтобы оно поверило в то, что принимать и оказывать поддержку персоналу американских специальных сил является действием, отвечающим их собственным идеалистическим или националистическим чувствам.

(ц) Побудить население стран советского блока предпринять активные меры по усилению оппозиции советскому или доминирующим в советском блоке правительствам. Такая оппозиция должна быть направлена в русло партизанской войны, диверсий, формирования групп...»

В наши дни, когда официально заявлено, что «холодная война» похоронена раз и навсегда, приведенные отрывки из полученных внешней разведкой документов, возможно, особого впечатления не произведут, тем более что военного столкновения в Европе в 50 — 60-х годах не произошло. Однако история не терпит купюр. Военная угроза Советскому Союзу и его союзникам со стороны блока НАТО в тот период являлась суровой реальностью.

Представьте душевное состояние нас, рядовых сотрудников нелегальной службы, когда мы передавали в Центр эту горячую информацию большой политики. Через наши руки прошло значительное количество специфических военных сведений: технические характеристики отдельных видов вооружений, в частности авиации, данные о перемещении личного состава, местах дислокации войск. Смело можно, например, заявить, что в отношении американских военных баз в Греции для нашей разведки никаких секретов в то время практически не существовало.

131

КАРИБСКИЙ ГАМБИТ

Жанна

Ежегодно мы пользовались отпусками. Принятая в Западной Европе система перерыва в работе для отдыха — тема отдельного разговора об укоренившейся и ставшей незыблемой традиции всеевропейского масштаба. Летние отпуска — это

кратковременный ежегодный уход от всех обычных дел, от накопившихся проблем, больших и малых. Традиционный сезон отпусков — июль, иногда частично прихватывается август, а некоторые приплюсовывают еще начало сентября. Наступает «мертвый сезон»: замирает почти вся деловая жизнь от парламентской деятельности до торговли

Получается так, что вся Европа как бы по единому согласованному графику уходит в отпуск. И что примечательно и поучительно, никаких дезорганизующих последствий в политике, производстве или бизнесе не происходит, лишь временно наступает пик интенсивной деятельности для индустрии туризма и служб сервиса.

Таким образом и для нас, особенно когда мы стали совладельцами фирмы «Вита», летний отпуск с поездками стал обязательным. Кое-кто из наших «соотечественников» отправляется в курортные зоны северного побережья страны, но большинство едет за границу (в среднем на две, иногда три недели) в популярные в Западной Европе да и во всем мире туристские страны: Францию, Италию, Испанию, Португалию и Грецию.

Именно так поступали люди нашего общественного и имущественного положения. Вести себя иначе значило бы становиться «белой вороной», объектом недоуменных вопросов. Отступление от общепринятых устоев жизни обязательно привлекло бы внимание, вызвало ненужные

132

пересуды. На нас бы косились. Как же, выскочки! Нам это было, по вполне понятным соображениям, ни к чему. За время зарубежной командировки лишь дважды удавалось съездить домой: в 1957 и 1962 году. И вовсе не потому, что не разрешалось. Каждый раз надо было находить правдоподобное объяснение длительного отсутствия. Ведь не могли же мы у себя в городе просто так взять билеты на рейс Аэрофлота (плюс получить советские въездные визы в консульстве) и вылететь напрямик в Москву, чтобы через три часа приземлиться в Шереметьево.

Первые годы мы выезжали в курортную зону северного побережья и облюбовали очень уютное местечко. Пляж, коттеджи, курортные знакомства — сложилась неплохая компания. Когда случалась непогода, мы с Сепом уезжали на машине в лесную зону, прогуливались в окрестностях небольшого городка. Однажды наше внимание привлекло открытое плато, плотно окаймленное лесным массивом. Заинтересовали нас бурно ведущиеся земляные работы.

— Запомним это место, — сказал Сеп, в котором сразу же заговорил инстинкт военного разведчика. Спустя некоторое время мы снова проехали по этой лесной дороге, чтобы оценить, насколько продвинулось строительство. К нашему удивлению, мы обнаружили, что работы продвигаются в быстром темпе, территория обнесена колючей проволокой, появился сторож в форме и с овчаркой, а на столбах ограждения вывешены дощечки с изображением фотоаппарата, перечеркнутого крест на крест красными полосами: фотографировать запрещается! Ясно, объект военный, надо бы к нему присмотреться.

Пришлось на пару дней вернуться в столицу и проинформировать Центр о своих наблюдениях. Получили санкцию на продолжение визуальной разведки этого объекта. На плато строилась крупная ракетная база НАТО. Нам удалось выявить систему радарных установок, площадки для запуска ракет, а позднее даже и типы самих ракет.

Компания, повторяю, на пляже подобралась дружная, веселая. Купались, загорали, играли в теннис, а вечером засиживались за картами. Один из

игравших, бизнесмен Николь Карре, вынул из кармана несколько фотографий и предложил вниманию честной компании. На снимке

133

была изображена дача с бассейном, которую он купил у одного известного актера. Стал приглашать непременно приехать к нему на дачу и провести там ближайший воскресный день. Фотографии переходили из рук в руки, каждый восхищенно поздравлял Николя с выгодной покупкой, кто-то даже поинтересовался.

— Где же находится это прелестное местечко? В этот момент Сеп держал в руке один из снимков с изображением дачи на фоне местности, которая показалась ему несколько знакомой. Стал внимательно всматриваться, пытаясь припомнить, где же он видел нечто подобное, как слышит — Карре называет местность, вблизи которой строится ракетная база. «Вот совпадение, — подумал Сеп. — Действительно, на фото — западный склон того холма».

— А к тебе можно проехать? — раздался чей-то голос.

— А как же! — живо отозвался бизнесмен. — Сейчас там и дорогу заасфальтировали благодаря строительству военной базы.

— Да к тебе, видимо, опасно ехать, — заметил Сеп. — Документы потребуют...

— Никаких документов не надо. Проезд по дороге свободный. Я там всех охранников знаю. Выгуливаю собаку и познакомился с ними.

Подшло воскресенье, когда по приглашению Николя Карре должно было состояться коллективное посещение его дачи. Мы с Сепом подготовились к поездке и даже захватили с собой купальные костюмы в надежде освежиться в бассейне. С нами в машине вызвались поехать еще трое теннисистов. Все находились в приподнятом настроении, как и подобает в предвкушении веселого времяпрепровождения.

— Кто из вас знает дорогу? — спросил Сеп, открывая дверцу машины. — Прошу садиться ко мне вперед и указывать, как ехать.

Таковых, однако, не нашлось.

— Хорошо, тогда будем руководствоваться путеводителем, — сказал Сеп, плавно трогая машину с места, которая, набирая скорость, легко покатила по шоссе. Ему приходилось много времени проводить за рулем. Он всегда держал свой автомобиль в хорошем состоянии, чувствовал каждое его движение, и машина была послушна в его руках. Пользуясь тем, что попутчики не

134

знали дорогу, Сеп решил проехать по шоссе, проходящему мимо ракетной базы НАТО. Он полагал, что наши пассажиры обязательно обратят на военный объект внимание, а затем на даче непременно заведут разговор на эту тему без наводки с нашей стороны, и не ошибся. Гости действительно проявили к базе живой интерес, мы же сами помалкивали и внимательно прислушивались к словам нашего хлебосольного хозяина.

А он не замедлил похвастаться перед гостями осведомленностью о ракетной базе, сообщив, что пусковые установки оснащены ракетами типа «блоуап», что явилось для нас с Сепом новостью и ценной информацией.

— Однако, мои дорогие друзья, как ни хороша моя дача, — заметил Николь с долей огорчения в голосе, — все же я намерен ее продать.

— Вот тебе и раз! — уставилась непонимающе на хозяина компания. — Разве ты обанкротился? — шутливым тоном допытывался кто-то.

— Нет, не обанкротился. Здесь другая, более веская причина. Эта чертова ракетная база. В случае военного конфликта русские сразу же прилетят сюда, начнут ее бомбить, а с ней прощай и моя дача. А деньги, вложенные в нее, —

коту под хвост, — грустным голосом объявил они свои намерения.

Действительно, спустя некоторое время мы узнали, что Николь Карре продал свою роскошную дачу. Возможно, что и впрямь из-за боязни потерять деньги в случае военных событий, о чем в Западной Европе в то время велась громкая пропагандистская кампания, которая держала население в постоянном страхе перед неизбежностью третьей мировой войны...

Первый раз мы пробыли в Москве только восемь дней, слишком много времени ушло на окружной путь. При подготовке второй поездки домой в 1962 году предусматривался более продолжительный срок отпуска. Выехали мы под предлогом путешествия по Средиземноморью. Прибыли в Москву быстрее, чем в первом случае. На календаре — конец июня, но стояла прохладная пасмурная погода. С первых дней на родной земле с головой погрузились в работу — составление отчета, встречи и беседы с руководством, анализ сделанного, обсуждение предстоящих задач. Свободное время посвя-

135

щалось родным, близким, друзьям и, конечно, театру.

Три недели, казалось бы, немалый срок, но как незаметно они пролетели! Возникло понятное беспокойство по поводу длительного отсутствия в стране, как прореагирует на это наше окружение, а к тому же на международном небосклоне начали сгущаться тучи. И это чувствовалось из разговоров с коллегами и бесед с руководством в Центре. Позднее и впрямь разразилась гроза, вошедшая в историю под названием карибский кризис.

Первое грозное предупреждение прозвучало 19 февраля 1962 года в Заявлении СССР в связи с подготовкой США новых провокаций против Кубы. Однако со стороны Белого дома продолжали раздаваться откровенные угрозы, и правительство Кубы летом 1962 года обратилось к советской стороне с просьбой оказать дополнительную помощь, в том числе и военную. Позднее, 3 сентября, в печати появилось советско-кубинское коммюнике об оказании Кубе помощи вооружением, а также экономической и технической. 12 сентября мир облетело Заявление ТАСС о провокационных действиях США против Кубы. Обстановка до чрезвычайности накалялась, мир оказался на грани войны. И только 27—28 октября человечество вздохнуло с облегчением, когда состоявшийся обмен посланиями по кубинскому вопросу между Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым и президентом США Дж. Ф. Кеннеди положил конец карибскому кризису.

Такова краткая хронология.

Забегая вперед, отмечу, что мы особо остро пережили этот кризис, блокаду Кубы. Оперативная работа была поставлена на «военные рельсы». Местные жители вновь паниковали, запасаясь продуктами. Опасность превращения «холодной войны» в «горячую» была реальной. И только после достижения согласия между СССР и США до предела напряженная атмосфера разрядилась.

Ну а тогда, в июне 1962 года, кое-что витало в воздухе, но еще не так остро ощущалось. В одной из бесед с руководством я обмолвилась, что, мол, пора бы возвращаться домой. При слове «домой» присутствовавшие товарищи не скрыли улыбок, а один из них спросил:

— А вы что, разве не дома?

— Нет... дом наш сейчас там... далеко, — сдержанно ответила я, вопросительно посмотрев на Сепу, — и нам нельзя задерживаться, а то чего доброго соседи и знакомые спохватятся.

136

— Вполне логично. В таком случае вы правы, — согласился тот же товарищ. Вопрос о дате отъезда из Москвы был решен.

Как говорится, встречать — не провожать.

И остающимся всегда тяжелее, чем отъезжающим. Так было и на этот раз. Моя теть Варвара Михайловна трогательно обняла меня, крепко поцеловала и, не в силах сдержать набегавшие слезы, с трудом глотая подступивший к горлу комок, просительным тоном сказала:

— Пожалуйста, родная, очень тебя прошу писать нам по возможности почаще... Хотя бы даже на клочке газетной бумаги или на чем угодно... Черкните только несколько слов, и мы будем рады, что вы здоровы, что все у вас благополучно.

Мне было бесконечно жаль эту худенькую, седовласую, с поблекшими голубыми глазами женщину, и я как можно нежнее прижала ее к себе и обещала впредь писать чаще. При ее упоминании о письме, написанном однажды на полях газеты, я улыбнулась, мысленно вернулась к тому дню, когда действительно такой случай имел место. Но не рассказывать же ей сейчас, почему так получилось!

А тогда сложилась неблагоприятная обстановка на международной арене. По указанию Центра личные контакты и тайниковые операции были временно отменены и связь шла только по эфиру. Спустя некоторое время Центр вызвал нас на встречу с курьером в третью страну. Тогда он передал нам целую пачку писем от родных.

— Прочтите их, пожалуйста, и верните мне. А ваши письма я возьму с собой.

— Как жаль. У нас писем нет. Не решились провозить их через несколько границ, — с огорчением пояснил Сеп.

— Это можно сделать и сейчас. Я подожду, — мягко сказал он.

Вот тогда-то и написали мы письма родным на полях газеты, так как был воскресный день, магазины и киоски не работали. Кроме того, мы даже смогли послать с курьером небольшие посылочки, то есть то, что оказалось при себе: Сеп отдал собственные часы для отца, а я свою дамскую сумочку и шелковую косынку тете Варваре Михайловне.

Обратный наш путь пролегал через ряд стран, в том числе и через Италию. Вышли на берег в порту Мессина

137

на Сицилии и остановились в ближайшем курортном пансионате. Все время проводили на пляже, обильно смазываясь кремом для загара. Надо ведь своим внешним видом подтвердить окружению легенду пребывания на жарком Средиземноморье. В душе посмеивались: приобретать спешный «оперативный» загар приходилось в связи со служебной необходимостью. Такое случается, вероятно, только у нелегальных разведчиков.

В морском порту под конец нашего пребывания появились русские торговые суда — сухогрузы. На берегу зазвучала русская речь. Местные торговцы быстро прознали, что суда направлялись из Одессы на далекую Кубу. Неподалеку от нас расположились два кряжистых, обветренных морскими ветрами молодца, видимо, старпом и капитан, и, полагая, что вокруг никто не понимает по-русски, завели между собой разговор, которому мы в тот момент не придали значения.

— Что-то у меня на сердце беспокойно, Митрич, — жаловался капитан. — Авральная ночная загрузка, по опыту знаю, часто приводит к ЧП.

— Что и говорить, Иван Павлович, в спешке про восьмой док умудрились забыть. Большой «бэмс» намечается. Опростоволосились.

— Ты чего имеешь в виду, Митрич?

— Чего, чего. «Чушки» загрузили, а «изделие» — то в восьмом доке осталось. «Сапоги» их, оказывается, туда завезли.

— Так ты куда смотрел, разбитая посудина?

— Куда и все, «быстрей, не мешкай, майна — вира». Это уж на утро, когда к Греции подходили, «сапог» аж разинул рот: «А восьмой док разгрузили?» Тьфу! Японский бог...

— Тут не «бэмс», Митрич получается. Головы наши полетят... Да и «сапоги» не отвертятся... Разборка будет кругая...

По возвращении в страну нас ожидал «сюрприз». Оказалось, что продолжительное отсутствие не на шутку встревожило проживавшую на соседней вилле семью, с которой мы поддерживали добрые отношения.

— Как хорошо, что вы вернулись! Не представляете себе, как мы волновались, — щебетала не в меру озабоченная соседка. — Хотели уже обратиться в полицию,

так как полагали, что с вами случилось несчастье в дороге. Нам только этого еще не хватало!

138

Беспокойство соседки было не лишено оснований, так как только состоятельные люди могут позволить себе столь длительное путешествие во время отпуска.

— Но ведь мы же говорили, что едем путешествовать по Средиземному морю, — мягко напомнила я.

— Знать-то мы знали. Но жизнь есть жизнь... Да мало ли что могло произойти в пути. От несчастного случая никто не застрахован.

— Все обошлось. Мы отлично провели отпуск и будем вспоминать с удовольствием...

Из дальнейшей беседы с соседкой выяснилось, что и Морис Добриное, обеспокоенный нашим долгим отсутствием, недавно навещал ее и интересовался, что ей известно об «отпускниках».

Вечером мы позвонили Морису, в общих чертах поведали о впечатлениях от своей поездки и договорились в ближайшее воскресенье встретиться.

Остается еще добавить, что наша операция «Загар» не прошла для нас бесследно. Вскоре по возвращении у обоих начала болезненно сходить кожа, напоминая нам об отпуске в Италии. Однако последующие политические события захлестнули нас так, что мы забыли о том, что болезненно меняем кожу.

Сеп

От второй поездки в Москву сохранилось еще довольно пикантное воспоминание. Вскоре по приезде «домой» я пошел в парикмахерскую подстричься. Удобно устроился в кресле, приятно расслабился, предоставив дальнейшее опыту мастера. Тот молча, с легким поклоном протянул мне на выбор несколько журналов. Я машинально взял лежавший сверху и углубился в чтение. Расчесывая волосы, мастер вдруг с изумлением спросил:

— Где это вас так обкорнали?

Вопрос брадоброя возвратил меня к действительности. Внутренне ужаснувшись, я вспомнил, что последний раз стригся в Москве. Желая выиграть время, переспросил:

— Что вы имеете в виду? Что-то не так?

— Подстригли вас сзади неровно, словно лесенка какая-то получилась. Неряшливая работа.

На размышления времени не оставалось. Надо сразу что-то ответить. Сослаться на провинцию я не мог, так как мастер хорошо знал, что и там работают

на совесть,

139

дорожат своей репутацией. Вдруг меня осенило, и я быстро ответил.

— Это меня так в римской бане подстригли.

Говоря это, я исходил из того, что выражение «римская баня» имеет двоякое значение: либо я действительно мылся в Риме, либо в одной из старых бань, выложенных внутри белым мрамором и потому сохранивших название «римские», оставив домысливать самому брадобрею,

— А-а, — вроде бы понимающе протянул мастер, проворно щелкая ножницами. — Хорошо, что волосы отросли, сейчас все моментально исправим.

Больше мастер меня не беспокоил, не утруждал просьбами изменить положение головы, наклонить или повернуть ее в какую-либо сторону. За рубежом это не принято — мастер сам принаравливается к клиенту, «танцует» вокруг, не отрывая его от чтения или размышлений. Только с близкими завсегдатаями допускается непринужденный разговор на политические или бытовые темы.

Я молча отложил журнал, присматриваясь к виртуозной работе мастера, и вспоминал ту московскую парикмахершу, которая своей неважной работой поставила меня в затруднительное положение. Себя же корил за неосмотрительность.

Окончив стрижку и старательно стряхнув обрезки волос щеткой, мастер поднес к моему затылку зеркало, чтобы я убедился в его безупречной работе.

Да, именно осмотрительность, умение предвидеть ход событий, их последствия, внимание к любым мелочам — ключевые моменты для выживания разведчика-нелегала в чуждой среде и для достижения положительных разведывательных результатов.

Оказывается, еще один человек ожидал нашего возвращения — наш верный и надежный источник. Через несколько дней после приезда я, следуя в машине на работу, в обусловленном месте обнаружил сигнал, что он вызывает меня на срочную встречу. Не скажу, что Бриг был взволнован, ибо он умел держать свои эмоции при себе, но что-то в его облике говорило, что спокойствие дается ему нелегко.

Он сразу же приступил к делу. Военное командование НАТО получило от американцев информацию, основанную на данных разведки, о развертывании на

140

Кубе строительства стартовых площадок для запуска советских ракет. Полеты самолетов-разведчиков У-2 над территорией Кубы до последнего времени подтверждали данные о том, что происходит развертывание оборонительных противовоздушных систем типа «земля — воздух». Однако на днях американская администрация получила серьезные сведения о развертывании там при содействии советских военных специалистов и наступательных видов вооружений — ракет среднего радиуса действия. Белый дом намерен решительно воспрепятствовать такому неблагоприятному развитию ситуации и рассматривает две альтернативы: превентивное военное вмешательство или карантин, то есть блокада Кубы. В обоих случаях возможно военное столкновение СССР и США.

Напряженное душевное состояние нашего верного друга передалось и мне. Ведь только сегодня радиостанции передали Заявление ТАСС о провокационных действиях США против Кубы. Поблагодарив его за ценную информацию, я попросил тщательно следить за развитием событий и держать меня в курсе дела, затем поспешил на работу и еле дождался вечера, чтобы отправить в Центр срочное сообщение: «ЦЕНТРУ

По данным военного командования НАТО (источник Бриг), Белый дом

располагает развединформацией о строительстве на Кубе 24 стартовых площадок для ракет малого и 16 — среднего радиуса действия, из числа последнего типа 42 ракеты находятся на острове. По оценке Пентагона и ЦРУ, личный состав советских специалистов насчитывает 5000 человек. Конечное число ракет, намеченных к развертыванию, определяется в 64 единицы.

Сеп».

После того как американская воздушная разведка с самолета У-2 обнаружила на острове советские ракеты среднего радиуса действия, то есть подтвердила агентурные данные, спираль карибского кризиса стала раскручиваться с большой скоростью. Счет времени сначала шел на дни, а затем и на часы.

От Брига поступила информация, подтвержденная другими источниками, что по тревоге подняты 40 тыс. военных моряков и еще 5 тыс. на военной базе Гуантанамо, 82-я сухопутная и 101-я военно-воздушная дивизии

141

приведены в повышенную боевую готовность, мобилизованы 14 тыс. резервистов, общая численность войск, развернутых во Флориде для броска на Кубу, приближается к 100 тыс. человек. Однако в кругах американской администрации преобладает желание разрешить кризис мирным путем. Она будет добиваться вывоза ракет с территории Кубы. В качестве ответного шага рассматривается возможность ликвидации устаревших и уязвимых баз с ракетами «юпитер» в Италии и Турции, на чем настаивали еще в прошлом году комитет конгресса по атомной энергии и министр обороны. В дипломатической сфере рассматриваются предложения о придании Кубе статуса нейтральной страны с международными гарантиями и под наблюдением ООН, а также полная демилитаризация острова включая ликвидацию базы Гуантанамо и, соответственно, всех советских ракет.

Вполне понятно, что переданная источником информация срочно направлялась нами в Центр. Не знаю, как она влияла на советских руководителей, принимавших политические решения, но в одном случае, когда Хрущев заговорил об увязке вывода наших ракет с Кубы с ликвидацией американских баз в Италии и Турции, полагаю, какую-то роль сыграли и наши данные.

На следующей встрече Бриг как-то задумчиво произнес:

— Странные вещи происходят внутри этого кризиса, пока еще трудно объяснимые.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, во-первых, американские разведывательные самолеты со специальными датчиками летают на малой высоте над кубинскими площадками для запуска ракет не могут обнаружить ядерные боеголовки, о которых американцы столько наговорили союзникам. Ведь о чем кричат западные газеты: «Ракеты с ядерными боеголовками в 90 милях от Флориды! Советская ядерная угроза в подбрюшье Америки!» Дело катится к военному конфликту, а директор ЦРУ Джон Маккоун не отказывается провести медовый месяц в Европе и сейчас находится в Англии. Был здесь, но о боеголовках ни слова. Какой мощности заряд? Разделяющиеся или нет? Какова зона поражения? Нет, на уме одни только приемы, коктейли, светская жизнь. Специальный помощник президента США по вопросам разоружения, что побывал у нас проездом из ФРГ, тоже обошел молчанием тему

142

ядерных боеголовок. Когда все вместе сложишь, получается, что нет никаких ядерных боеголовок на Кубе. Может быть, кто-то блефует? — заключил он осторожно. Действительно, я обратил внимание: в англоязычной прессе высказывались сомнения в правдивости сообщений, что на Кубе размещены

советские ядерные ракеты, ведь сам Советский Союз публично не признает этого. Может быть, шум насчет ракет — это происки ЦРУ, старый трюк, чтобы оправдать американское вторжение на Кубу?

Газета «Гардиан» отмечала, что, если Хрущев на самом деле доставил на остров ядерные ракеты, «он сделал это главным образом, чтобы продемонстрировать США и миру подобную опасность американских баз, близких к границам Советского Союза». «Экономист» выступал против «силой навязанного Кубе контроля над поставками советского оружия».

В другом выпуске «Гардиан» указывала, что если США прибегнут к блокаде, то они «в конце концов», возможно, поймут, что сделали мало хорошего и своей политике, и своим друзьям, и своим собственным интересам». А газета «Трибюн» резко писала: «Вполне может быть так, что Кеннеди рискует взорвать этот мир к черту, только чтобы обеспечить победу демократам на президентских выборах». Находились западные пацифисты, которые поднимали голос против блокады Кубы и направляли сочувственные письма в адрес Хрущева.

Все это так, но реальность оставалась таковой, что каждый день приближал мир, возможно, к последнему военному противостоянию. Позиции сторон предельно обозначились: либо — либо. Никто из лидеров двух великих держав, казалось, не собирался разыграть, как говорят шахматисты, гамбит, пожертвовав малым ради сохранения большого, в данном случае мирного будущего. Риторика с обеих сторон была воинственна. «Никто не может предсказать с точностью, какой ход примут эти события или какой ценой и какими жертвами они обернутся... Наша цель заключается не в победе мощи, а в защите прав — не мир за счет жертвования свободой, а в отстаивании и мира, и свободы здесь, в этом полушарии и, мы надеемся, повсюду в мире...», — обратился к согражданам Джон Кеннеди. «Те милитаристы, — вторил ему Н. С. Хрущев, — бахвалятся, что располагают подводными лодками с ракетами «поларис»

143

на борту и другими «сюрпризами», как они их называют, направленными против Советского Союза, сделают благое дело, если вспомнят, что мы тоже живем не в глиняных хижинах...» Нет, здесь политики не блефовали, слишком высоки были ставки.

Заранее предвижу вопросы молодых читателей, как я относился к самой идее Хрущева развернуть боевые наступательные ракеты на Кубе, вдали от наших берегов, не отдавал ли я себе отчет в ее, как бы сейчас некоторые сказали, «сумасбродности» и опасности для дела мира. Задним умом, конечно, все мы сильны. С позиций сегодняшнего дня этот кризис выглядит, конечно, иначе. Но тогда дело виделось совсем не так. Во-первых, международная атмосфера была наэлектризована психологическими акциями «холодной войны» и угрозами мирового пожара, о чем мы рассказали в предыдущих главах. Во-вторых, наша страна находилась в плотном кольце военных баз НАТО, откуда исходила реальная военная угроза. В-третьих, мировое общественное мнение с симпатией относилось к Кубе, отстаивавшей свою свободу, в том числе во время агрессии США в заливе Кочинос. В то время акция Хрущева понималась нами в контексте того времени как вынужденная мера, направленная и на защиту кубинского народа, и, конечно, на уравнивание угрозы, исходящей от опоясывающих нашу страну военных баз НАТО.

С другой стороны, разведка всегда выполняет более скромную функцию, вопреки укоренившемуся представлению у широкой публики. Она является необходимым условием для проведения эффективной политики или стратегии, однако никогда не сможет заменить собой политику и стратегию, политическую

мудрость и военную мощь. Задача разведки — снабжать политическое руководство добываемой информацией, а саму политику или решения по ней принимают государственные лидеры. Когда выдающийся советский разведчик Рихард Зорге сообщил в мае 1941 года точную дату нападения Германии на СССР, информацией не воспользовались. Ему не поверили. А через пять-шесть месяцев он радировал, что Япония не вступит в войну против СССР. И это не вызвало сомнений. История знает немало случаев, когда политическое руководство придает разведке важное значение и, наоборот, бывают моменты, когда ее держат в черном теле...

144

Однако вернемся к драматическим событиям 1962 года. Рассуждения Брига о возможном отсутствии на Кубе советских ядерных боеголовок для ракет среднего радиуса действия никак не выходили у меня из головы. Ведь весь сыр-бор разгорелся именно из-за них как наступательного оружия. Не могут ли оба лидера двух великих держав взаимно заблуждаться (ибо вариант блефа я отверг сразу)? Один из лидеров полагает, что боеголовки на острове, потому что отдан соответствующий приказ, а другой — потому что сами ракеты доставлены на Кубу, да еще подготовлены стартовые площадки. Так рассуждая, я вспомнил случайно услышанный нами разговор двух советских моряков на пляже в Мессине. Все стало на свои места: значит, «чушки», то есть ракеты, в Одессе на суда загрузили, а «изделия», то есть боеголовки, остались на складах в восьмом доке, куда их доставили военные, то бишь «сапоги». Представляю ужас в глазах военпреда, когда у берегов Греции до него вдруг дошло, что случилось. Нет, тут «бэмсом» явно не отделаешься.

Стоп! Что бы это ни было: нестыковка, межведомственная неувязка или просто непростительная халатность, дичайшее разгильдяйство, но факт остается фактом — боеголовки не дошли до адресата. Наверняка нашему командованию об этом известно, наверняка головки уже загрузили во второй эшелон судов, что сейчас направляется к Кубе. Но ситуация донельзя обострилась — там их поджидает морская блокада: ревущие самолеты над головой, сторожевые катера, которым дана команда не пропустить караван наших судов, силой пробиваться на них и устраивать досмотр. Наверняка караван сопровождают наши подводные лодки. То есть первое соприкосновение этих противостоящих мощных сил, первые понесенные жертвы — и эскалацию военных действий ничем уже не остановить. Надо воспользоваться межведомственной неувязкой и попытаться обратить ее во благо. Над этой телеграммой я корпел долго, перебрал множество вариантов. Жанна тоже писала свои. Наконец, остановились на следующем:

«ЦЕНТРУ

По сведениям, полученным из кругов военного командования НАТО (Бриг), среди военных имеется мнение, основанное на косвенных данных, что на Кубу не доставлены советские ядерные боеголовки для

145

ракет среднего радиуса действия. Техническими средствами американских разведсамолетов наличие оружия такого типа также не зафиксировано. В случайно услышанной беседе в Мессине двух членов экипажа первого каравана советских судов удалось установить, что ядерные головки не были погружены из восьмого дока одесского порта в трюмы из-за межведомственных неувязок.

В этой связи, принимая во внимание взрывоопасную обстановку, грозящую вспышкой военных действий, и в целях мирного разрешения карибского кризиса, полагали бы целесообразным довести по официальным каналам до сведения американской администрации факт отсутствия на Кубе боеголовок с ядерным зарядом. По нашему мнению, такой шаг приведет к ослаблению общей

напряженности и предоставит время для поиска взаимоприемлемых решений.

Сеп»

Отдаю себе отчет в том, что наше предложение было одним из многих, может, из тысячи подобных, что ложились на стол советского руководства. Вся внешняя разведка работала интенсивно, с большим напряжением. И цель была одна — не допустить развязывания новой войны. Наконец, 28 октября мир узнал об обмене посланиями между Н. С. Хрущевым и Дж. Ф. Кеннеди. Победил здравый смысл. Человечество наконец-то вздохнуло с облегчением.

Никогда еще, даже во время нахождения «под колпаком» у спецслужб, я не ощущал такого внутреннего напряжения, собранности и ответственности, как в эти горячие дни.

Когда мы вернулись в Москву из командировки, то узнали, что инцидент с ядерными боеголовками в восьмом доке не прошел бесследно. В частности, для начальника Генштаба советских вооруженных сил, который вскоре был смещен со своего поста. Что же касается «блефа», о котором предполагал наш источник, то чутье его не подвело. Сотрудник ГРУ Олег Пеньковский, работавший на американскую и английскую разведки, заранее сообщил американцам о том, что боеголовки не покинули порта, как и о многом другом. Шпион, конечно, понес суровое и заслуженное наказание, но это было уже после Карибского кризиса.

146

«НЕШТАТНЫЕ СИТУАЦИИ»

Жанна

В жизни разведчика, находящегося в зарубежной командировке, как в калейдоскопе, одно событие сменяется другим, успехи чередуются с неудачами, радости с огорчениями. Увы, постоянной остается лишь опасность, подстерегающая его на каждом шагу. Вокруг нас нередко возникали различные, как говорят космонавты, «нештатные ситуации», предусмотреть которые заранее было просто невозможно. Они случались и в ходе проведения разведывательной операции, и во время невинной прогулки, и в связи со случайным совпадением каких-то факторов, да и из-за неосмотрительности и собственной оплошности.

Для себя мы выработали: а) четкие правила: при встрече с неприятной неожиданностью прежде всего не спешить с реакцией на нее, не проявлять эмоции невзирая на то, сколько отпущено времени на размышление — считанные секунды, часы или дни; б) умение хладнокровно взвесить степень реальной угрозы как для себя лично, так и для нашего дела в целом. В зависимости от этого действовать по обстановке. На практике такая линия позволяла нам «выкручиваться» подчас из экстремальных ситуаций.

Объемные разведывательные материалы мы обычно посылали по почте, для чего я выезжала в отдаленные от столицы города, где в присутствии отправителя авиаписьма взвешивались клерком почтового отделения и мною оплачивалась стоимость пересылки. Операция несложная. Но неприятные сюрпризы могла подстергать в виде случайного знакомого, который мог бы стать свидетелем отправки корреспонденции, да и самой поезд-

147

ки. Как-то я выехала в город Б. Закончила дело, и на привокзальной площади лицом к лицу столкнулась с девушкой из группы, где мы вместе совершенствовали иностранный язык. На лице ее читалось радостное удивление. Она мило улыбалась, не открывая рта (а это искусство не каждому дано), чем напоминала мне мою любимую итальянскую кинозвезду Джульетту Мазину.

«Как некстати» — мелькнуло в голове. Но деваться было некуда. Пришлось взять инициативу разговора на себя и разыграть радость встречи.

— Жозефина! Какая неожиданность, так давно тебя не видела. Сколько раз вспоминала о тебе. Ты как-то внезапно исчезла. Как дела? Как складывается жизнь? — засыпала я ее вопросами, чтобы избежать встречных.

Выслушав ее внимательно, я извинилась.

— К сожалению, у меня мало времени, спешу на поезд.

— Простите меня за болтовню, но я так рада встрече с вами. Пожалуйста, вот мой адрес, навестите меня, как только у вас будет время, — с этими словами она вырвала листочек из записной книжки и, написав адрес и номер домашнего телефона, передала его мне.

Я с благодарностью взяла, и мы, пожав друг другу руку, дружески расстались. Пикантность ситуации состояла в том, что в рабочее время я оказалась одна и далеко от своего города. Тогда я и подумать не могла, что ее адрес сыграет в моей жизни определенную роль.

А произошло это при следующих обстоятельствах. Для отправки срочной корреспонденции в Центр я утренним поездом вновь выехала в город Б. Устроившись поудобнее, погрузилась в просмотр журналов и газет. Некоторое время спустя, оторвавшись от чтения, посмотрела на часы. Стрелки показывали восемь. «Ну что ж, пора и позавтракать», — подумала я и направилась в вагон-ресторан. В ресторане было многолюдно. Я присмотрелась и увидела только что освободившийся столик в углу. Едва заняла место, как появился с белоснежной салфеткой на левой руке услужливый официант:

— Доброе утро, мадам. Чем могу служить? Заказала легкий завтрак и стала присматриваться

к посетителям. Вскоре к столику подошел мужчина с репортерской сумкой через плечо и с моего позволения сел напротив меня. Заказал кофе. Мне он как-то сразу

148

не понравился. Держался напряженно, рыская большими черными глазами то налево, то направо, как бы кого-то выискивая.

Он походил скорее всего на иранца, говорил быстро, с легким акцентом. Окинув меня наглым взглядом, он бесцеремонно начал ничего не значащий разговор. Я старалась меньше говорить и больше слушала, изучала его, изредка отвечала на его замечания, но мнения своего не высказывала. Расплатившись с официантом, я извинилась и покинула ресторан. Точно по расписанию поезд прибыл в город Б. Как и многие пассажиры, поспешила по своим делам.

На привокзальной площади в нерешительности остановилась, решая, сразу ли идти по маршруту проверки. В этот момент сзади кто-то тихо подошел и негромко сказал:

— Извините, мадам, криминальная полиция. Прошу ваши документы.

Я резко обернулась и увидела перед собой мужчину средних лет, со впалыми щеками на строгом лице, и пронизывающим взглядом светло-голубых глаз.

— Вот как!? — только и смогла промолвить я.

— Пожалуйста, мадам, ваш документ, — сердито нахмурившись, повторил он свое требование, показывая мне какую-то книжечку, вынутую из бокового кармана пиджака.

Что-нибудь случилось? — спросила я, пытаюсь выиграть время, чтобы обдумать ситуацию. Естественно, я заволновалась, руки слегка дрожали, никак не могла найти в сумочке удостоверение личности. Особенно тревожило меня письмо, приготовленное для отправки. Наконец передала ему удостоверение,

которое он очень внимательно осмотрел.

— Мадам, вам необходимо пройти со мной в полицейский участок. Пожалуйста, здесь направо, совсем недалеко.

По дороге мы молчали. Мозг лихорадочно работал, я старалась понять, что произошло. Пробовала себя успокоить. Наверняка какая-нибудь ошибка или явное недоразумение.

В приемной полицейского участка криминалист попросил подождать, естественно, под присмотром дежурного. Вскоре он вернулся и пригласил меня войти. Комната, в которую вошли, была небольшая, квадратная.

149

У единственного окна стоял стол, за которым сидел мужчина в штатском. У правой стены от входной двери был другой стол поменьше, за который мне и предложили сесть. Вероятно, это был начальник, он как раз тщательно изучал мое удостоверение личности, сморщив при этом лоб и сдвинув густые пушистые брови так, что глаз совсем не было видно. Затем он откинулся на спинку стула, внимательно взглянул на меня и глухим голосом сказал:

— Извините, мадам, мы вынуждены были вас задержать для выяснения некоторых вопросов. Скажите, пожалуйста, откуда вы и что вас привело сюда?

— Где я проживаю, вам известно из удостоверения, которое находится у вас. Приехала сюда навестить подругу, с которой одно время занималась на курсах иностранных языков — придав голосу спокойный и уверенный тон, ответила я, стараясь вести себя как можно естественнее.

— Мадам, назовите, пожалуйста, фамилию и имя вашей подруги, ее адрес и чем она занимается.

Я ответила на все вопросы строго по выработанной «легенде».

— Мадам, скажите, пожалуйста, что связывает вас с соседом по столику в вагоне-ресторане?

— О, с этим репортером? — естественно удивившись, сказала я. — Ничего меня с ним не связывает. Я его даже не знаю.

— Но вы сказали, что он репортер? — заметно оживившись заметил он.

— Это я так решила, так как у него была с собой репортерская сумка.

— И все же постарайтесь вспомнить, кто он? Где вы с ним познакомились? Как давно его знаете? О чем беседовали за столиком? — ставил мне вопрос за вопросом, следя за моей реакцией.

Теперь я поняла, в чем причина моего задержания, и как-то сразу успокоилась. Отвечая на вопросы, я рассказала все, как было, что это случайно подсевший к столику человек, с которым я не знакома, и что видела его впервые. Затем добавила:

— По тому, как он крутил головой вправо и влево, у меня сложилось впечатление, что он кого-то высматривал. Очень сожалею, что не могу вам помочь, просто ничего не знаю.

150

— Хорошо, мадам... Пожалуйста, ваше удостоверение. Извините за беспокойство. Это долг службы выяснить обстоятельства... Работа полицейского не так романтична и интересна, как многие думают. По большей части это упорный и тяжелый труд... До свидания, мадам, — С этими словами он встал из-за стола.

— Вам лучше знать, — ответила я понимающе. — До свидания и простите, что не сумела вам помочь.

Оказавшись на улице, я решила сразу же навестить мадемуазель Жозефину и тем самым подтвердить свои объяснения, почему я здесь, если бы криминалисты захотели проследить за моими действиями.

С букетом алых роз в руке предстала перед дверью квартиры Жозефины. На звонок долго никто не отзывался, но вот послышалось старческое шарканье ног и передо мной появилась пожилая женщина в пестром халате. Я взглянула на нее, и ее вид вызвал у меня чувство жалости. Болезненно бледное лицо, полуприкрытые глаза, сутулая фигура.

— Извините, мадам, мне бы хотелось видеть мадемуазель Жозефину, — начала я как можно мягче.

— Моей дочери сейчас нет дома. Она находится в отъезде и будет только через два дня, — хриплым голосом ответила женщина, придерживая халат рукой. — Извините, пожалуйста, мне очень нездоровится.

— О, это я прошу прощения за беспокойство. Может, вам нужна какая-нибудь помощь?.. Лекарство купить, например? — спросила я участливо.

— Нет, нет, благодарю вас, у меня все имеется.

— Не откажите в любезности принять эти цветы для Жозефины и передать ей привет от подруги. — Я назвала свою фамилию. — Очень сожалею, что не удалось с ней повидаться. До свидания, мадам. Желая вам скорого выздоровления. Еще раз прошу меня извинить.

Женщина молча кивнула головой в знак благодарности и бесшумно закрыла дверь.

Выйдя на улицу, я осторожно осмотрелась и направилась по проверочному маршруту. Проанализировала случившееся и пришла к выводу, что все в порядке: наблюдения за мной пока нет. Только после этого я зашла на почту, отправила корреспонденцию и вернулась домой.

151

Нас нередко спрашивают, неужели мы во всех случаях жизни использовали только иностранные языки, на каком языке мы, русские люди, там думали? Отвечаем твердо — на иностранном, местном языке. Большинство нам верят на слово, но иногда сомневаются. И действительно, не так просто доказать правоту подобного утверждения. Как его достоверно проверить? Подтверждение для нас самих состоялось при довольно волнующих обстоятельствах.

Однажды у меня неожиданно появилась боль в правом боку. Врач поставил диагноз — воспаление аппендикса и настаивал на операции, которая проходила под общим наркозом. Как быть? Проблема не в хирургическом вмешательстве — врачи здесь опытные, сколько в моем возможном поведении при выходе из наркоза: не заговорю ли я в полузабытии на русском языке? Всеми силами внушала, убеждала себя, что мой мозг уже полностью перестроился, мыслю я на местном языке. Объективно проверить себя не было никакой возможности, или, может быть, мы просто не знали, как это сделать. Помнится, югославский разведчик Дуско Попов, работавший в годы войны на англичан в стане нацистов, дважды испытал на себе воздействие ЛСД, вещества, отключающего волю к сопротивлению, прежде чем отправиться на рискованную работу в Германию. Наркоз в домашних условиях, конечно, исключался.

Хирург, католик по вероисповеданию, направил меня в больницу, находящуюся под покровительством католической церкви, где он, собственно, практиковал. Мне как «истой» католичке, приходилось соблюдать полагающиеся обряды и ритуалы: посещать в часовне при больнице утреннюю и вечернюю молитвы, вносить денежные пожертвования, а перед операцией исповедоваться. Наступил назначенный день, меня повезли в операционную... Просыпаться я стала от легких хлопков медсестры по щекам, и первое, что произнесла, находясь еще в полубессознательном состоянии именно на местном языке «Где мои очки? Без них я плохо вижу». Медсестра подала мне очки и тепло

улыбнулась. Значит, я действительно говорила как положено. И соседка по палате ничего необычного в моем поведении не заметила.

После операции в ближайшее воскресенье сестры-монашенки подготовили меня к приходу священника. Предстоял благодарственный молебен Всевышнему за

152

успешный исход хирургической операции. Меня накрыли белой простыней, на грудь положили молитвенник, а на тумбочку близ кровати поставили зажженную свечку. Священник степенно вошел в палату и, шелестя длинной сутаной, плавными шагами направился ко мне. Поинтересовался самочувствием и тихо приступил к чтению молитвы. Выдохнув последние строфы, осенил меня крестным знаменем: Во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь!» и поднес крест к губам для целования. Традиционно спросил, нет ли у меня каких-либо просьб или пожеланий, и удалился. Я облегченно вздохнула и по-настоящему стала выздоравливать.

Поскольку Сеп нес основную нагрузку, всю техническую работу приходилось выполнять мне: составляла шифровки, готовила тайнописные сообщения, проводила тайниковые операции, подбирала места встреч с источниками и новые тайники. Однажды так получилось, что в один и тот же день нужно было обработать два тайника: в первый произвести закладку материала, а из второго изъять сообщение. Причем первый тайник подбирался нами, а описание второго пришло из Центра. Эта работа, далеко нелегкая физически, требует еще и максимума внимания, осторожности и выдержки.

Закладка прошла без осложнений, а вот изъятие... Место для второго тайника подобрано неплохо, в «мертвой зоне», однако сам тайник располагался высокомерно для моего роста. Контейнер помещался внутри железного столба в ограде городского сквера. Столб представлял собой высокую трубу, сверху она прикрывалась металлическим колпачком, который прикреплялся к трубе боковым винтом. В трубу был вложен деревянный стержень соответствующей длины, чтобы контейнер при закладке не проваливался.

Мне предстояло для изъятия сообщения сначала дотянуться до винта, открутить его монеткой, снять колпачок и, вынув контейнер, проделать обратную процедуру. Сам по себе процесс изъятия контейнера не так сложен, но время от времени появлялись прохожие. Задача! Надо что-то придумать. Невдалеке заметила груды камней, оставшихся, видимо, после каких-то строительных работ. Не желая обращать на себя внимания, ушла прогуляться.

Вернулась к тайнику, не без усилий подкатила к столбу достаточно крупный камень и уселась на него, благо

153

летняя солнечная теплая погода вполне располагала к этому. Делая вид, что отдыхаю, ела фрукты (специально купила в ларьке), а в подходящий момент, когда поблизости никого не было, произвела изъятие сообщения. Но особенно трудным оказалось вновь, встав на камень, наложить колпачок на трубу. От напряжения дрожали руки, отверстия на колпачке и трубе никак не совпадали. Лишь только со второй попытки удалось справиться с винтом и быстро его закрутить. Откатила камень на прежнее место и удалилась, ощущая и волнение, и усталость. Видимо, коллеги, подбирая тайник, не могли предположить, что обрабатывать его придется женщине, да еще невысокого роста. Мелочь? Как сказать...

Иногда возникали переживания, вызванные, как потом оказывалось, несущественными причинами, и теперь они вспоминаются с улыбкой. Как-то я проводила очередную тайниковую операцию. На этот раз тайник находился на

окраине города, в укромном уголке парка, у небольшого пруда овальной формы, в котором плавали золотые рыбки. Место тихое, пруд окаймляли с трех сторон заросли камыша и высокого густого кустарника. Через пруд проходил горбатый мостик с каменным парапетом, верх которого был выложен широкой цементной плитой. Тайником являлось естественное отверстие, образовавшееся в стыке двух камней парапета со стороны воды. В это отверстие мне следовало вложить контейнер для Центра. День выдался солнечный, безветренный, располагающий к прогулке и отдыху в тени деревьев. Не спеша подошла к пруду, поставила сумочку на парапет и залюбовалась с мостика плавающими рыбками. Тишина действовала успокаивающе. Вокруг — ни души, приступила к обработке тайника. В этот напряженный момент с правой стороны в близлежащих кустах раздался шорох, как будто кто-то раздвигал камыш. От неожиданности моя рука повисла над водой. Я замерла, мелькнула мысль — засада! К счастью, контейнер я успела заложить в тайник. «Может быть, мне все это почудилось?» — подумала я и решила убедиться. Вынула из сумочки носовой платочек и, вытирая руки, стала медленно оглядываться по сторонам. Никого и ничего подозрительного. Сделала несколько шагов по тропинке — снова Шорох в том же месте, только на этот раз более отчетливый. Подошла ближе к кустам и увидела... гнездо.

154

А в нем взъерошенная испуганная птичка, готовая вот-вот вспорхнуть. Все вдруг разом прояснилось. Перевела дыхание, но еще долго не могла успокоиться после пережитого.

Однако на этом забавные приключения с этим тайником не кончились.

Случилось так, что связной при выемке контейнера из тайника так неосторожно манипулировал пальцами, что в результате затолкнул его в глубь отверстия настолько далеко, что рукой достать контейнер стало невозможно. Что делать? Пришлось связному погулять по окрестностям с целью подыскать какой-нибудь подходящий предмет, лучше всего проволоку, и использовать его как крючок, чтобы достать этот злополучный контейнер. К счастью, проволока нашлась. С наступлением сумерек связной вернулся к тайнику и приступил к делу. Трудность состояла в том, чтобы зацепив контейнер крючком, вытянуть его из отверстия и вовремя подхватить другой рукой с тем, чтобы он не упал в воду. После многократных попыток эта деликатная операция, требующая большой ловкости, завершилась успешно. Промокнув носовым платком капельки пота на лице, связной разогнул проволоку и, придав ей первоначальный вид, отбросил в сторону и быстро удалился.

С течением времени мы обзавелись кругом знакомых: одни так называемые «шапочные», другие — на уровне приятельских, а отдельные стали даже «друзьями дома», как, например, Морис и его семья, питавшие к нам прямо-таки родственные чувства. Окружавшие нас местные жители принимали нас за своих, охотно общались, делились радостями, заботами и горестями. Казалось бы, все хорошо, но даже в этом общении таилась, оказывается, «нештатная ситуация».

Однажды после окончания занятий по изучению английского языка ко мне подошла слушательница курсов и, смущенно улыбаясь, обратилась с просьбой: не смогла бы я совместно с ней готовиться к урокам, ибо она испытывает некоторые трудности. Джина, как она представилась, была примерно моего возраста, темная брюнетка с пышными, распущенными по плечам волосами, среднего роста, изящная. Ее большие, как спелые вишни, глаза смотрели на меня испытывающе. «Ну пря-

155

мо итальянка», — подумала я, недоумеваю по поводу того, что она для этой цели предпочла меня, репатриантку, а не одну из своих коренных соотечественниц А

потом так же спокойно, но уже без всякого смущения она предложила свой план: заниматься будем у нее дома. Я, в принципе, не возражала, но от окончательного ответа воздержалась, пообещала подумать.

В нашей работе было так заведено, что всегда и во всех случаях согласовывала с Сепом каждое свое действие. Не то чтобы он мне не доверял, совсем нет. Это и не являлось его прихотью. Все диктовалось суровой необходимостью. Порядок и дисциплина — прежде всего.

Как правило, каждое новое знакомство, каждый разговор с кем-либо подвергались самому скрупулезному и всестороннему анализу, чтобы понять, можно ли извлечь из него какую-нибудь пользу для нашего дела, не повлечет ли это за собой какую-то опасность, не осложнит ли нашу работу.

Новое обстоятельство нас насторожило: не является ли моя знакомая Джина подставой местной спецслужбы? Тем более что это произошло как раз в период, когда мы находились в разработке «под колпаком» контрразведки. Однако, проанализировав все «за» и «против», пришли к выводу, что веских оснований для отказа нет и я могу начать с ней заниматься, соблюдая, естественно, предельную осторожность.

В процессе общения с новой знакомой я выяснила, что она итальянского происхождения. Родилась в Италии, но, будучи еще подростком, выехала с родителями во Францию, где проживала и закончила коммерческую школу в Париже. Выйдя замуж, переехала с мужем на его родину. В настоящее время нигде не работает, занимается воспитанием трехлетней дочери.

Со временем Джина познакомилась с мужем Марселем, позднее ввела в круг своих близких. Муж ее — служащий транспортной компании — был невысокий, темноголовый, с черными маленькими, как бусинки, глазами. По характеру живой, веселый, общительный человек. Следил за своей внешностью и являл собой образец респектабельности. Настроен был проамерикански.

Постепенно я сдружилась с этой семьей, однако из предосторожности Сеп к знакомству с ней не под-

156

ключался. Так продолжалось около двух лет. За это время наши подозрения в отношении Джинны полностью рассеялись.

Когда у Джинны родился второй ребенок, она и ее муж попросили меня стать крестной матерью. От такого почетного предложения не отказываются, а считают его за высокую честь.

Обряд состоялся в католической церкви. До этого мне никогда не приходилось крестить детей. Для изучения процедуры я заблаговременно несколько раз посетила отдаленные от места нашего жительства церкви, присматривалась и запоминала подробности этого ритуала. И все же предстоящая церемония беспокоила. Я понимала, что на меня будут устремлены внимательные взоры всех присутствующих. Во время крестин волнение первых минут прошло быстро, и я выполнила свои обязанности вполне уверенно.

После католического обряда для гостей был устроен в ресторане торжественный обед, на который пригласили и меня с мужем. Здесь Сеп впервые познакомился лично с этой семьей, и до конца нашего пребывания в стране мы находились с ней в дружеских отношениях. Тот факт, что я стала крестной матерью, еще больше укрепил наше положение. Сегодня, как и в 1957 году, я снова от всей души желаю моей крестнице Вильме большого счастья.

На память приходит еще одна «нештатная ситуация». Как-то в воскресный полдень соседка по площадке мадам Бланк, с которой у нас были хорошие добрососедские отношения, пригласила меня, как случилось и раньше, погулять в

сквере, находящемся недалеко от нашей улицы. Она взяла с собой малыша в коляске. Этот сквер был удобным для отдыха и представлял возможность укрыться от городского шума и суеты. Пожилые люди и мамы с детьми спокойно проводили здесь несколько часов в тени пышных крон деревьев. Дети могли вволю набегаться, не опасаясь городского транспорта. Досыта надышавшись свежим воздухом и обсудив последние новости, мы медленно направились к выходу. Я везла коляску с ребенком и периодически его забавляла. Неожиданно мое ухо уловило оживленную русскую речь. Я невольно оторвала взгляд от ребенка и увидела троих мужчин, идущих нам навстречу. От внезапности сердце дрогнуло, в висках сильно застучало.

157

Как быть? В этой тройке я узнала сотрудников, с которыми в свое время работала в управлении.

«Повернуть обратно, — мелькнуло в голове, — Но как объяснить свой поступок мадам Бланк?.. Свернуть с дорожки — некуда...»

А мои бывшие сослуживцы двигались прямо на нас устремив на меня удивленно-вопросительные взоры. Сделав вид, что их не знаю, я обратила все внимание на малыша, наклонившись к коляске, стала поправлять одеяльце и разговаривать с ним. В груди клокотало: только бы не обратились ко мне по имени. Тогда... не признаваться и утверждать, что они ошиблись. Дорожка была довольно узкая, и обходить друг друга пришлось в тесноте. Мужчины оказались джентльменами и, выстроившись в ряд как солдатики, друг за другом, в полном молчании всматриваясь в меня, уступили нам дорогу. От напряжения стекали по спине струйки пота. Выпрямившись, облегченно вздохнула. «Молодцы, ребята, не подвели...»

Опасная ситуация миновала. К счастью, милая мадам Бланк ничего не заметила. По дороге я все время ловила себя на мысли, что мне хочется оглянуться, чтобы убедиться, не следуют ли они за мной, но удержалась от этого порыва.

Много лет спустя, уже вернувшись из командировки, я случайно встретила одного из них в Москве, в Политехническом музее на филателистической выставке, которую я посетила вместе с Сепом. В первый момент он не признал меня, а когда я представилась, тут же с радостью заключил в объятия, напомнил о встрече в городском сквере. Признался, что тогда был очень удивлен моим присутствием там, да еще с ребенком, порывался подойти ко мне, но вовремя вспомнил о конспирации.

В другом случае поволноваться пришлось основательнее: я находилась на приеме в кабинете хирурга. Неожиданно у врача зазвонил телефон.

— Алло, доктор Тардые слушает... Да, да, мадам... как раз у меня... Что-нибудь случилось? А-а, ее муж у вас в полицейском участке? — при этом он удивленно посмотрел на меня. — Да, да, хорошо... Я уже заканчиваю осмотр... Спасибо, до свидания.

158

— Что произошло с моим мужем? — взволнованно спросила я, чувствуя, как у меня сильно забило сердце.

— Успокойтесь мадам, там произошел, видимо, какой-то пустяк, — мягким голосом пояснил доктор.

Я покинула врача и не чуя ног, стремительно помчалась в полицейский участок вокзала, внутренне готовая ко всему и призывая себя к спокойствию.

При входе в вокзал столкнулась с Сепом, на лице которого отражались смешанные чувства: напряжение, а с другой стороны — удовлетворение, что все окончилось благополучно.

Что же произошло за время, пока я была у врача? В тот день Сеп завез меня к хирургу. Запарковал машину в небольшом переулке, выходящем на привокзальную площадь. Ожидая меня, он решил скоротать время покупкой сигарет на вокзале. Проходящему мимо газетного киоска Сепу бросилось в глаза написанное крупными буквами сенсационное сообщение о том, что 1 мая 1960 года над Советским Союзом был сбит американский самолет-шпион У-2, управляемый пилотом Френсисом Гарри Пауэрсом. Тут же купил английскую газету «Дейли мейл» и углубился в чтение. Возвращаясь к машине, издали заметил мужчину, который как раз что-то вложил между «дворником» и лобовым стеклом. В возбужденном состоянии от только что прочитанного сообщения Сеп резко обратился к нему с вопросом, что все это значит.

— Вы просрочили время, так как здесь разрешается стоянка только 30 минут, о чем говорит щит, находящийся впереди.

Сеп посмотрел в указанном направлении и, извиняясь, объяснил, что эту надпись не заметил, но тут же вступил в пререкания, утверждая, что отсутствовал не более 30 минут.

Со своей стороны мужчина, а им оказался бывший полицейский, подрабатывающий пенсионер, не уступал:

— Ан нет, молодой человек, я уже здесь второй раз прохожу. Вот видите — на колесе вашей машины штрих мелом, который я поставил при первом обходе полчаса назад. Так что придется вам платить штраф, мсье.

— Никакого штрафа я платить не буду, ибо отсутствовал не более 30 минут, — горячился Сеп.

159

В это время мимо проходил полицейский и вмешался в разговор. После короткой пикировки он, чтобы проучить упряма, настоятельно пригласил Сепу пройти в полицейский участок при вокзале.

Дежурный начал составлять протокол. Только теперь Сеп понял, что с полицией спорить не следует, тем более ему. Он принял спокойный вид и объяснил, что жена задерживается у врача.

— Это меняет дело, — уже мягче произнес дежурный. — У какого врача она находится?

Узнав фамилию, он набрал номер телефона врача и, убедившись в правильности слов Сепу, вернул ему водительские права, пояснив, что штраф определит судья.

Сеп вызвался оплатить штраф тут же на месте, так как на днях мы должны были выехать в отпуск, а извещение может прийти в наше отсутствие.

Несколько подумав, дежурный добродушно сказал:

— Учитывая, что вы не совершили до сих пор ни одного нарушения правил уличного движения, а также то, что вы являетесь автолюбителем с небольшим стажем, будем считать этот инцидент исчерпанным, — и тут же на глазах Сепу порвал недописанный протокол.

— Спасибо, мсье, — с легким поклоном сказал Сеп и довольный покинул участок.

Когда мне приходилось на фирме участвовать в составлении квартального или годового отчетов, то я обедала обычно в ближайшем ресторане. Однажды, поглощенная мыслями о статистических выкладках, механически расправилась с первым блюдом и принялась за второе, как услышала странный вопрос:

— Извините, вы англичанка? — спросила дама, сидящая слева от меня.

Вопрос удивил. Действительно, меня иногда принимали за иностранку, но из какой-либо восточной страны, а тут — англичанка.

— Почему вы так решили?

— Видите ли, кушая суп, вы наклоняете тарелку о себя, а это свойственно только англичанам.

— О, нет... Я местная.

Дама, видимо, хотела проверить свою прозорливость, а я ее «подвела». Впрочем, до сих пор точно не знаю, справедливо ли высказанное ею предположение.

160

А вот два совсем курьезных случая. Поздней осенью я шла по аллее к скамейке, где предстояло изъять контейнер из тайника. День пасмурный, небо затянуто плотными облаками, все предвещало дождь. Смотрю, в районе тайника служащий парка подрезает сухие ветви деревьев, которые с треском падают на землю, покрытую мокрыми желтыми листьями. Делая вид, что прогуливаюсь, прошла мимо. Служащий парка азартно щелкал секатором, видимо, спешил закончить работу до наступления темноты. К тому времени опустились густые сумерки, не самая лучшая пора прогулки для одинокой женщины.

Наконец достигла центральной аллеи, как вдруг уловила звуки приближающихся сзади торопливых шагов. Первая мысль: «Захват!» Мозг лихорадочно работал, подбирая варианты: «Бросить контейнер в кусты, бежать? Нет, рано. Возможно, это просто прохожий». По тяжелой поступи поняла, что это мужчина. Обгоняя, он слегка задел меня локтем и назвал какую-то цифру. С удивлением подумала: «Какой невежа! Толкнул и даже не извинился», а на цифру внимания не обратила. Перед выходом из парка, тускло освещенном редкими фонарями, мужчина остановился, подождал меня и вкрадчивым голосом произнес:

— В таком месте и в столь поздний час одной здесь небезопасно. Вы позволите вас проводить?

— Нет, нет, спасибо... мне тут недалеко...

— А вы не спешите... цена ведь неплохая, — пожав плечами, продолжал он, идя в ногу со мной.

Тут только до меня дошло, к чему он клонит, резко остановилась и, смотря ему прямо в лицо, в гневе выпалила:

— Вы ошиблись в выборе, месье.

— Так ли?.. В таком случае назовите сами цену, — оскалив зубы, усмехнулся незнакомец.

— Прошу оставить меня в покое! — и, рассерженная и оскорбленная, направилась к выходу на площадь, к автобусной остановке...

В другой раз и тоже осенним вечером муж подвез меня на автомашине к дому врача. Доктор закончил осмотр, когда на улице уже стемнело и моросил дождь. Вышла из подъезда, открыла дверцу автомобиля, бросила зонтик на заднее сиденье, удобно уселась, как обычно впереди, устремила взгляд перед собой и сказала:

161

— Теперь можно ехать.

— Куда пожелаете вас доставить? — послышался незнакомый мужской голос.

От неожиданности резко обернулась в сторону водителя и увидела рядом незнакомца, уже протянувшего руку к ключу зажигания, чтобы завести мотор.

— Не смущайтесь, только скажите куда, и я отвезу вас...

— Нет, нет, я села не в ту машину, извините, — пролепетала я в смятении, взяла зонтик и выскочила из автомобиля. Почти рядом увидела мужа, покуривавшего около нашего авто.

— Что же ты не окликнул меня? Спокойно наблюдал, как я направилась к чужой машине? — с досадой упрекнула его.

— Дорогая, хотел понаблюдать, что будет дальше. То есть пошутил, дескать. Оказывается, случилось непредвиденное. Высадив меня у подъезда, Сеп припарковался чуть в стороне, а в это время к подъезду подкатила другая, как две капли воды похожая на нашу машина. В шутовском тоне объяснились с незнакомым водителем, вместе посмеялись над курьезом и в хорошем настроении разъехались...

Кстати, о шутке, юморе, умении быстро и легко разрядить обстановку острым словом, вовремя включиться в общий смех, в способности самому рассказать смешную историю, не обижаться на «розыгрыш» или мелкие, но меткие дружеские подкалывания — все это облегчает жизнь разведчика, способствует его нелегкому труду. Удачливее в делах тот, о ком можно сказать — оптимист, жизнелюб. И наоборот, замкнутый в себе, неулыбчивый, хмурый человек, как правило, симпатий не вызывает.

Конечно, в каждой стране имеются свои особенности. В Великобритании возникло даже понятие «английский юмор», предполагающее нечто тонкое, настолько предельно утонченное, изысканное, что не всегда доходит. Но это не совсем так. Свидетельством тому — Конон Трофимович Молодой, легендарный Лонсдейл, разведчик-нелегал, который долгие годы жил и работал среди англичан. Он был всегда душой общества. На редкость общительный, он выгодно отличался широкой эрудицией, даром располагать, притягивать к себе людей и, конечно, находчивостью, остроумием, что действовало

162

даже на англичан, до занудности чопорных. Во время следствия, находясь уже в тюрьме, он держался бодро, не упускал случая бросить шутку, поиронизировать над собственной судьбой. Даже тюремный персонал и заключенные высоко ценили эти его качества и относились к разведчику с подчеркнутым уважением.

В нашей практике немало случаев, когда мимоходом брошенная шутка, меткая реплика, даже полущутливая пикировка острую ситуацию превращали в несерьезную, забавную и комическую.

Мне предстояло получить водительские права. На одном из практических занятий полагалось сделать левый поворот на оживленном, но нерегулируемом перекрестке. Однако я замешкалась, выжидая подходящий момент.

— Вы что, здесь отпуск намерены провести? — рассердился сидевший рядом инструктор автошколы.

— Нет, нет... Отпуск отпуском. А вот чашечку кофе я бы сейчас с удовольствием выпила. Внутренние часы подали сигнал, — миролюбиво заметила я, удачно завершив поворот.

— Хм, ну тогда едем в кафе, — прежней суровости его как не бывало. — Ну, раз внутренние часы подали сигнал...

От инструктора автошколы многое зависит: он может привередничать и сколь угодно продлевать время занятий, сроки курса, а может и либерально отнестись. Эта мимолетная пикировка произвела на инструктора вполне благоприятное впечатление, и водительские права я получила точно в срок... Нет, что ни говорите, а к месту сказанная меткая шутка без промаха бьет в цель в среде людей остроумных, жизнелюбов.

Уже приходилось говорить, что в повседневной жизни и работе, вообще на людях мы старались ничем особенным не выделяться и таким образом не привлекать к себе излишнего внимания и любопытства. Но однажды, совершенно невольно и весьма своеобразно, это правило оказалось нарушено.

Я приняла участие в коллективном загородном выезде на уик-энд вместе с сослуживцами. Многие владельцы фирм поощряют такие мероприятия, чтобы дать возможность служащим пообщаться в нерабочей обстановке, получше узнать друг друга, вроде бы сплотиться. В программе поездки — совместный обед (за счет

163

фирмы), танцы, игры, другие развлечения, включая самодеятельность. На этот раз проводилась и викторина. Ведущий задавал вопросы по событиям из истории, из области искусства, музыки, литературы и культуры стран Западной Европы. Шумная компания ломала голову над очевидными истинами. На меня вдруг нашло вдохновение. Я была в ударе.

— Великий художник и искусный дипломат первой половины XVII века?

— Питер Пауль Рубенс — отвечаю первой.

— Хорошо. Записываем очко. А теперь, в каком городе сохранился единственный шедевр кафедрального зодчества с пятью колокольными башнями?

— В городе Турне, — кричим хором.

— Прекрасно. Зададим вопрос потруднее. Кто назовет имя и фамилию выдающегося композитора, который с молодых лет страдал глухотой и, несмотря на полную потерю слуха к концу жизни, продолжал творить музыкальные произведения?

— Людвиг ван Бетховен, — не унимаюсь я.

— Отлично! Вам третье очко, мадам. Чтобы сбить ваше везение, зададим более каверзный вопрос: о каком императоре идет речь, который пожертвовал своей любимой женой ради укрепления монархии?

— Император Франции Наполеон Бонапарт, — послышалось несколько голосов, в том числе и мой.

— Ладно, ладно, знаете. А кто назовет один из богатейших музеев Западной Европы, вобравший в себя все, что человечеству удалось изобрести в области мелодии, ритма и гармонии?

— Музей музыкальных инструментов в Брюсселе, — вновь я скромно, нарушила тишину.

— Превосходно! Мадам — вам пятое очко. Вы лидируете. А кто мне назовет, господа, фамилию теолога, философа, врача и музыканта, который в начале двадцатого века построил на собственные средства больницу в Ламбарене (Экваториальная Африка) и посвятил всю свою жизнь лечению негров? В 1952 году он получил Нобелевскую премию мира.

— Это Альберт Швейцер, — отвечаю неуверенно.

— Не сомневайтесь, мадам, ответ точен. Мужчины, не слышу ваших голосов. Давайте теперь что-либо полегче. Итак, город именуемый в народе Северной Венецией?

164

— Это город Брюгге в Бельгии, — отвечаем дружно.

— Правильно. Назовите, пожалуйста, местность на острове Мальорка, в которой французская писательница Жорж Санд и польский композитор и пианист Фридерик Шопен провели незначительную часть своей совместной жизни.

— Эта местность называется Вальдемоза, — поспешила я с ответом.

— Удивительно! Восемь очков — это уже неплохо. Извините, мадам, вам, вероятно, приходилось там бывать?

— Да. Отдыхая на острове Мальорка, мы с мужем совершили экскурсию в эту местность, где и познакомились с домом, в котором провели время Санд и Шопен.

— Итак, господа, кто назовет город, в котором находится всемирно известный Океанографический музей, в аквариумах которого собраны живые коллекции самых экзотических представителей подводного мира?

— Монако. Музей стоит на скалистом обрыве у самого берега моря, — вдохновение у меня не проходит.

— Великолепно! Мадам — девятое очко! Викторина продолжается...

В итоге я ответила почти на все двенадцать вопросов под приветственные возгласы сослуживцев. В глубине души, конечно, выиграло чувство гордости, мол, «знай наших», но применительно к обстановке со смущением приняла первый приз — кожаный саквояж — и скромно влилась в общее веселье.

Однажды поступил сигнал вызова на внеочередную встречу. Мы терялись в догадках: что бы это могло значить? С работой обстояло как будто все нормально: ответы на все вопросы Центра были отправлены, отчеты составлялись своевременно, так что каких-либо претензий к нам быть не должно. Поэтому вызов на встречу мы восприняли довольно спокойно. Кстати сказать, за период нахождения в разработке контрразведки у нас выработалась устойчивая привычка проявлять сдержанность, терпеливость и сохранять выдержку. Предположили, что речь, очевидно, пойдет о каком-то новом задании. Но мы ошиблись.

165

У разведчиков ожидание всегда полно неопределенности и неизвестности, сопровождается томительным волнением и озабоченностью. Но оказывается, случаются «нештатные ситуации» и позитивного свойства, как бы «подарочные». Именно так получилось на этот раз, ибо произошла встреча в Александром Михайловичем Коротковым, начальником нелегальной разведки, совершавшим в то время поездку по ряду европейских стран.

Эта встреча была приятным и радостным сюрпризом. Она проводилась в малолюдной аллее городского лесопарка. Сеп явился точно в обусловленное время. Огляделся. Кругом было тихо, ничто не нарушало спокойствия того укромного уголка природы, которая, несмотря на раннюю осень, выглядела еще в своем полном величии.

Из-за поворота аллеи появились двое мужчин. Один из них, среднего роста, был временно исполняющий обязанности легального резидента. Другой же — высокий, статный шатен в сером нараспашку плаще покроя реглан. Сеп охватило приятное удивление, ибо в нем он признал Короткова.

После обмена крепкими рукопожатиями Александр Михайлович, окинув Сеп пронизательным взглядом, недоуменно спросил:

— Почему пришел один? А где же Галя?

— Я не предполагал, что на встрече будете вы. Для меня это так неожиданно... Естественно, она была бы очень рада повидаться с вами.

— Как она себя здесь чувствует? Удалось ли ей вжиться в местную среду или еще скучает по дому?

— Как вам сказать, — подбирая русские слова, начал Сеп, — ностальгия иногда дает о себе знать. Но Галя держится стойко, виду не показывает. Без сложностей, естественно, не обойтись, но она их терпеливо преодолевает.

— А в работе как она помогает?

— Здесь надо признать, хотя и неудобно мне хвалить свою жену, в работе она упорная, трудолюбивая, всегда готова помочь. Большинство операций мы проводим вместе, иногда она подстраховывает. Более «женские» мероприятия проводит самостоятельно.

— Вот и славно, — заметил Александр Михайлович, и по его лицу

скользнула довольная улыбка. А затем

166

уже серьезным тоном добавил: — Нам необходимо поговорить, а времени отпущено мне не так много, — при этом он взял Сепу под локоть и увлек в сторону. В разговоре он коротко поинтересовался нашей жизнью, работой, настроением. Сообщил о делах дома, о родителях и близких. В заключение непродолжительной беседы Александр Михайлович предложил Сепу прийти на следующий день сюда же, но уже вместе со мной.

Итак, на повторную встречу с Александром Михайловичем мы пришли оба. Сеп был предельно серьезен и спокоен. Я чувствовала внутреннее радостное волнение, хотя старалась не дать ему дозвонить над собой. Да и как не волноваться?! Ведь встречаюсь с человеком, которого знала с 1942 года, и так давно не виделись — последний раз это было в 1949 году. Как он сейчас выглядит? Изменился ли внешне? Как нас примет? Последуют ли перемены в нашей дальнейшей судьбе? Такие мысли роились в голове.

В минуты ожидания часто набегают воспоминания, особенно когда этому способствует окружающая обстановка. Вокруг умиротворяющая тишина. Деревья не шелхнутся, кажется, лес о чем-то задумался. Вот уже который день стояла ясная, теплая погода, предвещающая бабье лето.

— А вот и они, — тихо произнес Сеп, возвращая меня к действительности, взял под руку, и мы медленно пошли навстречу товарищам. Последовали теплые рукопожатия. Мы по-дружески обнялись. Я взволнованно лепетала: «Подумать только, сколько лет не виделись и вдруг встреча... и где, в каких условиях... Прямо как в сказке... Если бы мне раньше предсказали такую встречу, я бы ни за что не поверила...»

Всегда внимательный, Александр Михайлович терпеливо слушал, не перебивал, только смотрел мне в лицо своими умными глазами и едва заметно улыбался. Затем положил нам на плечи свои сильные руки и отвел в сторону, где и состоялся откровенный, деловой разговор.

Цель его встречи с нами — ознакомиться лично на месте, как идут у нас дела. Мы подробно рассказали об обстановке вокруг нас, поделились соображениями в решении некоторых возникших проблем. Он вникал во все детали, особое внимание уделил периоду, когда мы

167

находились «под колпаком» у спецслужб. Предостерегал от благодушия, призывал к соблюдению большей осмотрительности, дал указание немедленно покинуть страну, если вдруг обнаружится серьезная опасность нашей расшифровки. Такая забота взволновала нас до глубины души.

В тот самый момент, когда мы уже заканчивали беседу, на перекрестке аллеи вторично появился человек, которого Сеп заметил несколько раньше, и снова посмотрел в нашу сторону.

— Странно, какой-то подозрительный субъект с русской физиономией прогуливается там, на перекрестке, — настороженно произнес Сеп.

Александр Михайлович добродушно усмехнулся.

— Не обращай внимания. Это наш шофер. Он обеспечивает безопасность.

В нарушение всех принятых правил встреча длилась более часа. Расстались в приподнятом настроении, получив новый заряд бодрости. К сожалению, это была последняя и памятная встреча с дорогим для нас человеком.

Под впечатлением от общения с этим удивительным, редкой души человеком мы не сразу пошли домой, а остались побродить в лесу. Встреча навеяла воспоминания о незабываемой беседе с Александром Михайловичем, состоявшейся поздним вечером в его кабинете за чашкой чая, незадолго до

нашего отъезда в страну назначения. Тогда он был в хорошем настроении, что располагало к взаимному откровенному разговору. В доверительной форме он рассказал о себе, как в двадцатилетнем возрасте, имея семиклассное образование, пришел в органы госбезопасности. Сначала был... лифтером, затем его перевели на оперативную работу в разведывательное подразделение.

Действительно, Александр Михайлович имел хорошие природные способности, острый ум, прекрасную память, быстро освоился с новым делом, основательно изучил немецкий язык. В 1936 году его направляют на нелегальную работу за границей, где в течение нескольких лет он успешно выполнял разведывательные задания.

Накануне войны именно он направлял из Берлина наиболее ценную и точную информацию о предстоящем нападении гитлеровцев. А в годы войны руководил отде-

168

лом по заброске на территорию Германии и других воевавших с нами стран разведгрупп, которые добывали и передавали в Центр важную военную и политическую информацию.

Александр Михайлович Короткое принимал участие в организации процедуры подписания в Карлсхорсте 9 мая 1945 года акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Ветеранам хорошо запомнились кадры кинохроники, где полковник Короткое в военной форме указывает немецкой делегации, где ставить подпись.

Нам приятно, что такой незаурядный человек, как А. М. Коротков, сыграл большую роль в нашей судьбе. Он первый принял Сема, когда его перевели из военной разведки в Первое Главное Управление МГБ СССР. Он предложил нам интересный вариант совместной заграничной командировки в Австралию, и только предательство резидента Петрова заставило нас выехать в Западную Европу; лично участвовал в организации нашей подготовки, давал ценнейшие советы и ориентировки, так что мы по праву считаем его нашим «крестным отцом».

Что в нем мы да и многие другие сотрудники ценили превыше всего? Какие черты его характера нам запомнились? Безусловно, высокий профессионализм, компетентность, ясность мысли, принципиальность, поразительная работоспособность и активность. Как бывший разведчик-нелегал, он единственный из известных нам руководителей такого ранга в практической работе мог опираться на богатый личный опыт. Поэтому его распоряжения, установки, советы всегда являлись убедительными, реальными, точными. Однако А. М. Короткое никогда не «давил» своим авторитетом. Он обладал поразительным чутьем угадывать способности людей и поощрять их, умением внимательно выслушать иную, не совпадающую с его собственной, точку зрения. Больше всего Александр Михайлович боялся подавить в сотруднике инициативу и творческую активность.

Одиннадцать послевоенных лет он успешно и результативно руководил во внешней разведке нелегальной службой. Личный опыт работы с нелегальных позиций, полученная в годы войны закалка, незаурядные организаторские способности позволили ему на основе твор-

169

ческого подхода начать перестройку нелегального управления применительно к условиям послевоенного времени. Руководимый им аппарат добился определенных успехов.

Требовательный к себе, А. М. Коротков ценил в людях преданность порученному делу, абсолютную честность, прямоту, не терпел фальши во взаимоотношениях, не мог выносить подхалимов. При внешней суровости был

внимателен и чуток, прост и доброжелателен к работникам, не чурался встреч с рядовыми сотрудниками как в служебной, так и в домашней обстановке. Полный сил, он скоропостижно скончался в возрасте 51 года от сердечного приступа.

Сеп

Позволю себе небольшой экскурс к истокам моей разведывательной деятельности.

Как читателю уже известно, службу я начал в военной разведке, а в августе 1945 года отправился с нелегальной миссией в Англию. Там работал в дипломатическом представительстве одной зарубежной страны. От этой первой служебной командировки я и веду отсчет различным «нештатным ситуациям», которые нередко встречаются в оперативной биографии каждого разведчика-нелегала.

Перед отъездом из Москвы надлежало соответствующим образом экипироваться под иностранца, то есть одеться с головы до ног во все «не наше». Шел 1945 год, и служебный гардероб, естественно, был не богат, поэтому наряду с другими предметами «с иголки» пальто мне досталось не новое, а уже кем-то ношенное. Словом, минимально необходимым меня все же обеспечили. Находясь в Лондоне, получил условный сигнал о предстоящей встрече с работником Центра. То было первое «боевое крещение» в незнакомой для меня стране, и потому я готовился к нему особенно тщательно, прекрасно понимая, что от моих действий зависит не только успех самого мероприятия, но и безопасность участвовавших в нем оперативных работников. Встреча должна была состояться в конце октября на автобусной остановке у местного стадиона. По карте нашел стадион, пути подхода к нему и возможные направления отхода.

170

После тщательной проверки отправился по намеченному маршруту на место будущей встречи для его визуального изучения. Вблизи от автобусной остановки стояла небольшая лютеранская церковь, которую наметил в качестве «точки отсчета». Прикинул расстояние до места контакта: требовалось три минуты ходьбы неторопливым, размеренным шагом. Здесь же неподалеку раскинулся городской сквер без ограждения с густым кустарником и тенистыми аллеями — прекрасный путь для отступления в случае опасности. В назначенный день я заблаговременно вышел в город. Посещал книжные магазины в поисках словарей и учебников иностранных языков и одновременно проверялся, прежде чем выйти к месту встречи. За три минуты до обусловленного времени подошел к церквушке и от нее двинулся к автобусной остановке. На ходу закурил сигарету, держа ее в левой руке, достал белый носовой платок, вытер нос и небрежно положил его в правый карман пальто так, чтобы уголок торчал наружу. Сигарета в левой руке и выглядывающий из правого кармана пальто белый носовой платок служили опознавательными знаками.

Предложенный вариант с платком был мне явно не по душе, так как англичане очень внимательны к своей внешности и малейшая неряшливость им никак не свойственна.

Приближаясь к остановке, поймал себя на том, что делаю частые затяжки. «Кажется, сильно волнуюсь? Спокойнее, спокойнее, все идет нормально, — настраивал я себя. — Так и сигареты до остановки не хватит. Придется закуривать новую, что по условиям связи не предусматривалось».

Истекала последняя минута. На автобусной остановке, как я заметил, стояли двое мужчин. «Который из них?» — подумал я, внимательно присматриваясь к

обоим. Одного, довольно пожилого, сразу же отбросил, сосредоточив внимание на другом, который покачивал коляску, успокаивая ребенка. «Вот здорово наши работают! — подумал с восторгом. — Кому придет в голову, что молодой папаша с ребенком и есть сотрудник Центра? А под подушкой у дяди лежит пакет, предназначенный для меня. Здорово придумано!»

Каково же было мое разочарование, когда молодой папаша, не видя меня в упор, продолжал увлеченно

171

развлекать ребенка. Поняв свое заблуждение, миновал обоих мужчин, остановился неподалеку, осторожно осматриваясь. На улице тихо и безлюдно. Стало закрадываться беспокойство, сигарета истлела, и пришлось закурить новую. В это время на другой стороне улицы из-за угла появился молодой человек, который, бросив быстрый взгляд на остановку, пошел дальше. Тоже не мой.

Не глядя на часы, чувствовал, что жду уже около двух минут. Неожиданно сзади послышался голос:

— Простите меня, сэр.

Я обернулся. Передо мной стоял молодой человек, тот, с противоположной стороны улицы.

— Скажите, пожалуйста, бывают ли футбольные матчи на этом стадионе? — спросил он по-русски.

— Последний матч здесь играли в сентябре, — ответил я фразой пароля.

Обменявшись рукопожатием, мы неторопливо направились к скверу. Встреча длилась всего несколько минут.

Представитель Центра поинтересовался положением моих дел, затронул вопрос о конфиденциальности возложенной на меня миссии, напомнил о необходимости соблюдения осторожности и в конце вручил небольшой пакет. Он также передал привет от родственников, сообщил, что у них все благополучно. Мне очень хотелось побыть еще немного вместе, расспросить о Москве, подробнее о родных и близких, узнать, как там, на Родине. Каждый разведчик, находясь на чужбине, в той или иной мере подвержен ностальгии. Но конспирация есть конспирация. Коротко попрощавшись, мы разошлись в разные стороны.

В метро я сидел, положив руки на колени, и мысленно воспроизводил ход только что состоявшейся, встречи. Напряжение спало, все тревожения остались позади, на душе было спокойно и радостно. Вагон старого лондонского метро сильно трясло, но привыкшие к этому люди мерно покачивались, спокойно разговаривая между собой либо просматривая газеты. Я обвел взглядом сидящих напротив пассажиров, затем медленно опустил глаза на руки и застыл в недоумении. Из-под левого обшлага пальто выглядывала узкая бумажка... наш родной московский трамвайный билет.

Мысль внезапно возникшей опасности как удар

172

электрического тока, пронзила меня. Оцепенение длилось считанные секунды. Мгновенно овладел собой, не спеша, как будто ничего особенного не произошло, закинул билет обратно за обшлаг. Добравшись домой, подверг «строгой инспекции» злополучное пальто: за обшлагами оказалось с десяток московских трамвайных билетов да еще два билета в кинотеатр «Ударник». Нужны ли еще комментарии? Предавая билеты огню, я мысленно дал волю своим чувствам.

В другом случае пришлось поволноваться довольно основательно. В хорошем настроении я шел по длинному коридору посольства, где размещались служебные помещения. Вдали появилась женщина, лицо которой мне показалось

знакомым. Она шла навстречу и мы с любопытством всматривались друг в друга. Взгляд ее выражал нескрываемое удивление. Мозг лихорадочно работал: «Где-то наши пути пересекались. Откуда я ее знаю? Ах, да ведь это Ирена Мазовецкая из Белостока, моя бывшая учительница иностранного языка... В последний раз мы виделись на второй день Великой Отечественной войны».

Встреча с ней была крайне нежелательна. Я был очень близок к провалу... Ирена Мазовецкая знала меня как советского гражданина по фамилии Семенов. Лихорадочно в мозгу созревало решение. «Как поступить? Повернуть обратно — подозрительно, пройти мимо — опасно, сама может вступить в разговор». И вдруг в этот напряженный момент вспомнил, что рядом находится комната шифровальщиков, на двери которой традиционная надпись: «Посторонним вход воспрещен». Осененный этой мыслью, не колеблясь, без стука вошел к шифровальщикам. Из двух зол всегда выбирают наименьшее. Стараясь скрыть свое состояние, с жизнерадостной улыбкой спросил:

— Что это у вас, ребята, дверь не закрыта? Где обедаем сегодня? Опять в китайском ресторане? Там у нас будет приятная возможность посмотреть на «мисс красоты» — дочь владельца ресторана.

На самом деле мне было вовсе не до шуток. Тревожило опасение, что и Ирена Мазовецкая может войти сюда, выразить недоумение или радость по поводу неожиданной встречи. Решил, что в таком случае буду начисто отрицать наше знакомство. К счастью, и на этот раз все обошлось благополучно, она не вошла в

173

комнату остановила запретительная табличка. Однако осталась реальная угроза, что заинтересуется моей личностью, станет наводить справки, а там недалеко и до провала.

Конечно, о случившемся доложил в Центр. Попутно стал выяснять осторожно цель ее появления в посольстве «моей» страны. Вскоре узнал, что как сотрудник Министерства культуры она приехала в Англию в связи с организацией в Лондоне выставки национального прикладного искусства. А в «моем» посольстве появилась для вручения пригласительных билетов. Отрицательных последствий эта встреча не имела.

Вообще же случайные встречи — крайне неприятная и довольно опасная вещь для разведчика. Не один раз нам приходилось с сожалением отмечать, что мир наш действительно тесен...

Как-то вечером вместе с сослуживцем посетил танцплощадку при кафе «Одеон». Здесь я познакомился с двумя сестрами Кларк, и со временем мои встречи с младшей сестрой Этель переросли в дружбу. Сознательно идя на развитие этого знакомства, я предусматривал прежде всего возможность получения доступа в лондонское общество, совершенствования языка, изучения психологии англичан, их реакции на происходящие события как внутри страны, так и за рубежом, точнее, на Европейском континенте.

Действительно, Этель Кларк, как я и хотел, ввела меня в круг своих знакомых. Представила родителям и членам семьи замужней сестры. Знакомые Этель, зная мое положение в дипломатическом представительстве, охотно и заинтересованно вели беседы на различные политические, экономические и даже военные темы, высказывали свои мысли и суждения, что, конечно, позднее находило отражение в телеграммах, направляемых в Центр. Национальная галерея искусств, модные театральные постановки и новинки кино, бестселлеры — весь мир культуры и истории Англии я познавал благодаря активной помощи Этель. Кроме того, девушка не упускала случая сделать мне в дружеской форме

замечание стремясь воспитать из меня великосветского джентльмена, за что я ей по сей день благодарен.

Маленький пример. Завершаем обед в ресторане, я уже собираюсь встать, как Этель с улыбкой сделала в благожелательной форме дружеское замечание:

174

— Зачем ты считаешь деньги, кладя их на стол так, что все окружающие видят сумму нашего счета?

— А что в этом плохого?

— Как же! Этим ты как бы демонстрируешь стоимость потраченного тобой на угощение. Извини, но это неприлично. Деньги нужно считать незаметно и для меня, и для окружающих. Положить их на тарелочку официанта, прикрыв счетом, сложенным вдвое...

Деликатности и чуткости Этель было не занимать. Она тактично и ненавязчиво преподавала мне уроки хорошего тона. Конечно, я был ей весьма благодарен. Еще в начале знакомства Этель и я были приглашены на коктейль в одну семью. После обеда в комнате отдыха во время беседы подали коньяк. Все присутствующие, подняв бокалы, пожелали друг другу традиционное «Cheerio!»¹ и отпили по глотку. Я по русскому обычаю чуть не опорожнил бокал залпом, но, заметив уголком глаза, что гости после глотка ставят бокалы на передвижной столик, мгновенно сориентировался и последовал их примеру...

А вот еще один незначительный, но весьма поучительный для меня эпизод. Этель пригласила меня в кино. К кинотеатру пришла в сопровождении сестры. В зрительном зале, ожидая начала сеанса, сестра Этель вынула из сумочки небольшой пакетик с конфетами, открыла его и поднесла младшей сестре, а затем предложила мне:

— Угощайтесь, пожалуйста.

Стоп-кадр! Так сказал бы здесь кинорежиссер. А как поступить мне в данной ситуации? Вопрос далеко не праздный. Человек в моем положении обязан знать правила вежливого обхождения, принятые в обществе. Итак, протянутая рука с пакетиком конфет повисла в воздухе. В этот момент в памяти моей всплыла картина, что я наблюдал однажды в ресторане. За соседним столиком, увлекшись разговором, сидела пара средних лет. Мужчина угостил женщину сигаретой. Когда он доставал из пачки сигарету для себя, его собеседница почему-то поспешила взять из лежавшей на столе коробки спичку, зажгла ее и поднесла ему прикурить. Но мужчина ловким движением, чтобы не обжечь даме пальцы, перехватил горящую спичку и изящно подал огонь ей,

¹ «Ваше здоровье!» — *Прим. ред.*

175

а затем уже воспользовался сам. Я заметил, как женщина в знак благодарности одарила галантного кавалера взглядом, полным уважения и признательности. «Вот это да! — восхищенно подумал я, не имевший ни малейшего понятия о таких тонкостях. — Надо бы этот прием взять на вооружение».

Вернемся к «стоп-кадру». Ловко, как мне казалось, я перехватил пакетик с конфетами из рук сестры Этель, любезно предложил его ей со словами:

— Прошу вас, угощайтесь, — и только после того, как она взяла конфету, взял сам и с благодарностью вернул ей пакетик.

Позднее Этель сказала:

— Ты произвел на мою сестру приятное впечатление. Она отозвалась о тебе как о воспитанном молодом человеке. Ей особенно понравилась твоя манера поведения во время угощения конфетами...

Вот так на практике я запоздало учился этикету. Кому-то может показаться довольно странным, что разведчик-нелегал не знал тонких премудростей. Да, это

так. Следует только обязательно учитывать, что мое поколение в 20-е и 30-е годы, бурные и подчас голодные, не уделяло должного внимания внешним нормам поведения, просто было не до того, да и больше ценились внутренние качества. Пользоваться косметикой, носить золотые украшения или проявлять изысканность в общении считалось проявлением мешанства, пережитком прошлого и осуждалось. Да и в моей оперативной подготовке не предусматривалось обучение правилам хорошего тона.

Оперативный работник, готовивший меня на задание, просто и прямолинейно поучал: «Я не знаю всех тонкостей поведения за столом, меня этому в разведшколе не учили. Так что надейся сам на себя. Когда будешь в Англии, присматривайся и делай так, как они. Помни, что главными врагами разведчика являются водка и женщины. Ты хороший спортсмен и водку не употребляешь, а вот насчет женщин знай, что тебе могут подставить еще каких красавиц! Не увлекайся».

Знакомясь с женщинами, я всегда помнил об этом строгом наставлении. Со временем убедился, что бояться прекрасных созданий не следует, необходимо только сохранять здравый рассудок, уметь владеть своими чувствами, не терять головы, не поддаваться сиюми-

176

нутному увлечению, всегда и при всех обстоятельствах помнить, кто ты...

Не успели еще утихнуть треволнения, связанные со встречей с бывшей учительницей, как вновь произошел случай, заставивший меня крепко задуматься.

Как-то первый секретарь посольства вызвал меня к себе и поручил срочно снять фотокопии с пачки документов, выполненных машинописью. Я немедленно приступил к делу. В разгар работы неожиданно раздался телефонный звонок, и первый секретарь попросил вернуть документы.

— Извините, господин секретарь, работа далеко еще не закончена.

— Тем не менее прошу вас принести документы. Они нужны мне сейчас, — послышалась в трубке настоятельная просьба секретаря.

В кабинете первого секретаря находилась женщина, член государственной делегации экспертов и руководителей промышленности и сельского хозяйства, прибывших в страну на предстоящие переговоры. Секретарь быстро взял из моих рук документы и в явном замешательстве, заискивающе улыбаясь, передал их женщине со словами:

— Я дал их моему сотруднику ознакомиться.

Мне стало понятно, что первый секретарь по каким-то причинам не желает посвящать женщину в свои намерения иметь копии с этих документов. И хотя поведение секретаря показалось мне очень странным, особого значения этому я тогда не придал.

Спустя полчаса секретарь пришел в мою рабочую комнату, бегло осмотрел еще влажные копии и под предлогом срочности взял их с собой.

Через два дня поздно вечером в дверь комнаты, где я проживал, тихо постучали. У меня в это время слушали джазовую музыку, передаваемую по приемнику, оба шифровальщика.

— Входите, пожалуйста! — громко произнес я, приглушив звук.

Однако за дверью никто не отозвался. Тогда я вскочил и резко распахнул дверь. Там никого не оказалось. Бросив взгляд на лестницу, я увидел поспешно сбегавшего первого секретаря. На мой оклик он обер-

177

нулся, через плечо с явным смущением сказал, что зайдет в другой раз, и скрылся за поворотом лестницы. «Что-то здесь явно не так! — подумал я, возвращаясь в

комнату. — Что его могло напугать? Хотел зайти, видимо, по делу и вдруг... Вероятно, не пожелал говорить при шифровальщиках».

На следующий день около десяти часов вечера в дверь вновь постучал секретарь.

— Прошу извинить меня, коллега, за поздний визит, — подчеркнуто дружески начал он, осматривая комнату. — Никак не мог зайти раньше, задержался на работе. Надеюсь, не помешал?

— Нисколько, господин секретарь! Проходите, пожалуйста, — пригласил я, указав на стул, про себя же подумал: «Его поведение весьма трудно объяснить. Необычное,стораживающее. Заковыристый тип. Все у него не как у всех. Никто в посольстве так поздно не работает».

Секретарь снял шляпу, расстегнул пальто, поставил на стул объемистый портфель, осторожно извлек из него пистолет и протянул мне.

— Вот это лежало в пустом сейфе, который занесли в мой кабинет. Я пробовал перезарядить его, но в нем что-то заедает, — настороженно сказал он, устремив на меня сквозь массивные роговые очки холодные, немигающие глаза.

— Как он мог оказаться в сейфе? Весь инвентарь посольства давно просмотрен и взят на учет, — удивился я.

— Сейф стоял в подвале, и им до сих пор никто не интересовался. Только сейчас нашли к нему ключи.

— Смотрите, у пистолета нет одной щеки на рукоятке. Возможно, он даже заряжен, — произнес я, пытаюсь разрядить его, но заряжающая часть пистолета не поддавалась.

— Мне это тоже не удалось. Вот я и решил обратиться к вам. Вы бывший военный, наверняка оружие знаете лучше меня.

— Хорошо, я займусь им, господин секретарь. Прежде всего надо будет проверить, не заряжен ли он.

Я осторожно положил пистолет на стол открытой частью рукоятки кверху, достал из ящика тоненькую отвертку и кусок проволоки.

178

— Хочу измерить длину ствола. Нужно убедиться, нет ли там патрона.

— Ну, я пойду, время позднее, а мне еще надо добраться домой, — заспешил секретарь, протягивая мне руку.

Оставшись один, я вновь внимательно осмотрел пистолет, пробовал отвести заряжающее устройство, но тщетно. Система пистолета оказалась незнакомой. С помощью куска проволоки я осторожно измерил глубину ствола и убедился, что пистолет заряжен. «Вот те на! — подумал я, подразумевая подвох. — Лучше всего разрядить его, нажав на курок, и делу конец».

Решено — сделано. Я открыл окно, направил пистолет в ночное небо и нажал на курок, но он не поддался. Стал осматривать механизм пружины в рукоятке пистолета, где отсутствовала щека, при этом слегка коснулся пальцем пружины — и раздался выстрел. Некоторое время я сидел молча, размышляя над случившимся и прислушиваясь, не откликнется ли кто из проживающих в посольстве на выстрел. Кругом стояла тишина. Мне стало не по себе при мысли, что мог так глупо погибнуть. Пуля не задела меня. Она пробила дверцу стенового шкафа, продырявила висевший там пиджак и застряла в штукатурке стены.

Отложив пистолет, я крепко задумался. Выстрел вернул меня на грешную землю и послужил толчком для анализа событий последних дней. «Во-первых, — думал я, — зачем первому секретарю скрывать перед членами делегации попытку снять фотокопии с документов, если они необходимы для нужд посольства? Во-вторых, почему он так поспешно, явившись даже самолично, забрал у меня еще

влажные копии с документов? В-третьих, почему он не захотел передать" пистолет мне в присутствии шифровальщиков, кстати, военных? В-четвертых, почему он не обратился насчет пистолета к кому-нибудь из офицеров аппарата военного атташе? В-пятых, почему он не вызвал меня к себе в кабинет для передачи пистолета? Наконец, почему он вдруг заспешил домой, когда я собрался заняться проверкой пистолета?»

Повод для того, чтобы крепко задуматься, был основательный. Опираясь на эти многочисленные «почему», я сделал вывод о преднамеренном желании вывести меня из строя. «Для этого должна быть веская причи-

179

на, — рассуждал я. — А она, пожалуй, может быть только одна — устранить меня как единственного свидетеля и исполнителя фотокопий с важных документов. Кто в таком случае первый секретарь на самом деле?» Сопоставление фактов все больше склоняло чашу весов явно не в пользу этого человека. «Скорее всего он разведчик, — решил я, — но на кого он тогда работает?» Невольно напрашивалась мысль, что здесь, в посольстве, произошло столкновение двух разведок. О своих подозрениях я сообщил в Центр.

На следующий день я зашел в кабинет секретаря с целью вернуть пистолет. В веселом тоне свел весь разговор к продырявленному пиджаку, укоряя себя в небрежности при обращении с пистолетом.

Вскоре после встречи с моей бывшей учительницей и истории с пистолетом меня отозвали в Центр. Этот вызов оказался как нельзя кстати, ибо у меня накопились вопросы, требующие консультации у руководства. Я быстро собрал необходимые в дорогу вещи, уложил подарки родителям и близким, подготовленные задолго до отъезда, захватил несколько книг по истории этой страны и языку. Кроме того, я, шутки ради, положил в чемодан коробку специальных спичек с красными головками, которые имели свойство воспламеняться от соприкосновения с твердым предметом. Многие мужчины, особенно молодые, с удовольствием и большим шиком чиркали их о подошву ботинок, что так нравилось мне. Я не подозревал, что эти спички явятся для меня еще одним поводом для тревожений.

На аэродроме перед посадкой ко мне подошел взволнованный пограничник.

— Извините, это ваш чемодан с двумя розовыми полосками?

— Да, а в чем дело?

— В нем что-то загорелось, — строго сказал он и жестом руки пригласил следовать за ним.

Вот тебе на! Обеспокоенный, я на ходу вынул из кармана ключи, с тревогой подумал: «Неужели могли воспламениться спички?» Открыв чемодан, я обнаружил обгоревший с одной стороны коробок спичек. Стоявший рядом пограничник незамедлительно взял из моих рук коробок и поинтересовался, нет ли еще чего-либо огнеопасного. Этот же вопрос задал мне при посадке и командир самолета. В результате я оказался в центре

180

внимания немногочисленных попутчиков, отчего мне было явно не по себе. В душе я остался очень недоволен собой.

В полупустом самолете я перебрал в голове все варианты ситуации, требовавших моего срочного возвращения. Пришел к выводу, что вероятнее всего причиной этому послужила встреча в посольстве с учительницей. Через несколько дней после прибытия в Москву меня принял генерал для устного отчета. Когда я закончил, он задал несколько вопросов, а потом заметно оживился и с улыбкой произнес:

— По внешнему виду не скажешь, что вы русский. Ваш костюм, сорочка и

галстук подобраны со вкусом. — Затем встал и, протягивая мне руку, сказал: — От имени службы благодарю вас за проделанную работу. Часть вашей информации представила интерес и использована по назначению. И еще одно, — продолжил генерал, — в посольство вы больше не поедете. Вам подготовлено новое задание, с подробностями которого вас ознакомит ваш непосредственный начальник подполковник Виталий Александрович Никольский. Желаю дальнейших успехов. А теперь отдыхайте.

Приближались майские дни 1947 года. Впервые в жизни я встречал Первомай в Москве. Мне очень хотелось в этот день пройти в колонне демонстрантов по Красной площади, но пристроиться к какой-либо организации было не совсем удобно. «Ничего, — рассуждал я, — постараюсь пробиться на улицу Горького, а там постою на тротуаре как можно ближе к метро «Охотный ряд». Хорошо было бы одеть награды, да, к сожалению, они сданы на хранение. Хотя...»

И я направился в Военторг за планками. По моей просьбе молодая продавщица подала планки с ленточками орденов Отечественной войны I степени, Красной Звезды и медалей «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» и «За оборону Москвы». Направляясь к выходу, я вдруг вспомнил, что забыл планку для медали «Партизану Отечественной войны». Быстро вернулся к девушке и, извинившись, попросил дать мне еще планку для этой медали. По ее лицу пробежала ироническая усмешка. — Вы что, решили орденские планки собирать? — с насмешкой спросила продавщица.

Меня как бы обдало ледяным душем. Несколько

181

мгновений я растерянно смотрел на миловидную девушку, не находя слов на ее колкое замечание. Планку она мне все-таки продала. Я молча взял ее и ушел.

«Неужели я стал больше похож на какого-то мошенника, чем на участника войны? — с огорчением думал я по дороге домой. — Ведь девушка явно заподозрила меня в том, что я покупаю планки для не принадлежащих мне наград. И я тоже хорош, смутился, как красная девица! В более сложных ситуациях не терялся, а тут... — продолжал я размышлять. — Живя и работая в особых условиях, я постоянно находился в состоянии готовности к любым неожиданностям, а здесь, под родным солнцем, вдруг полностью расслабился. Вот и поделом оконфузился».

Сейчас, находясь в отставке, я часто с душевным волнением и теплотой вспоминаю наших боевых помощников — агентов, которые, как говорится, не за страх, а за совесть добывали секретную информацию. Замечу мимоходом, я сохранил к ним чувства товарищества, признательности и благодарности.

Расскажу об одном из бескорыстных и преданных наших друзей.

Вернемся в страну нашего пребывания, где судьба преподнесла нам немало «нештатных ситуаций». Для оказания на месте консультативной помощи Центр решил передать мне на связь давнего друга нашей страны Лимба. В юношеские годы Лимб — участник прогрессивного молодежного движения — подвергался аресту. В предвоенный период, установив связь с внешней разведкой, добывал ценную информацию об экономическом потенциале гитлеровской Германии, используя деловые связи своего отца — состоятельного промышленника.

В первые послевоенные годы Лимб в качестве туриста побывал в Москве, где с ним договорились, что, если в последующем нам снова потребуется его помощь, мы проявим инициативу и восстановим контакт. На такой случай разработали условия, как найти друг друга. И вот такая настоятельная потребность возникла.

В назначенный по условиям явки день Лимб на встречу не явился. Мы пришли к выводу, что за давностью времени он прекратил выходить на место по-

182
стоянной встречи. Поэтому пришлось прибегнуть к запасному варианту связи, которым можно было пользоваться только в крайнем случае: позвонить Лимбу домой и произнести условную фразу.

Выяснив по справочнику домашний телефон Лимба, я позвонил ему и представился условным именем. Наш друг сразу понял смысл звонка. На следующий день в обусловленное время я пришел в городской парк, нашел надлежащую аллею и тотчас увидел мужчину, сидящего на скамейке с развернутой спортивной газетой, служившей опознавательным знаком. Услышав шаги, он взглянул вверх газеты и улыбнулся. Я произнес условную фразу, полагая услышать обусловленный отзыв. Однако он, не обращая никакого внимания на мою фразу, радостно тряс мне руки:

— Как я рад встрече! Думал, что меня совсем забыли. Очень ждал, надеялся... И вот даже не поверил, что сбылось...

— Все это хорошо, — состорожничал я, — но вы не ответили на мое обращение к вам.

— Откровенно говоря, я забыл от волнения, как нужно ответить, — развел он руками в оправдание.

Решил помочь ему и произнес первую часть обусловленной ответной фразы. Тотчас лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Ах, да! Вспомнил! — взволнованно пробасил он и, с опаской оглядываясь по сторонам, приглушенным шепотом дал концовку ответа.

Сомнений не осталось: я встретился именно с Лимбом. Сразу же завязалась дружеская беседа, которая, однако, прервалась в связи с непредвиденным обстоятельством. При выходе из парка Лимб мимоходом поздоровался со встречным господином, который, ответив на приветствие, как-то особо внимательно посмотрел на меня. Заметив мою настороженность, Лимб простоудушно пояснил:

— Это мой старый знакомый, он служит в полиции. Обо мне тревожиться не надо, полиция давно списала меня в архив, а цепляться за каждого человека, с которым они меня встретят, у них силенок не хватит, — продолжал он меня успокаивать.

— И много у вас таких знакомых?

— Как сказать... Впрочем, вы не придавайте этому большого значения, прошли годы, когда я их беспокоил.

183

— Ну, не скажите, не так уж они наивны... Вы полагаете, что с годами удалось усыпить их бдительность?

— Во всяком случае, они не станут цепляться за каждого человека, с которым меня увидят, — уверенным тоном повторил Лимб.

Рассуждения Лимба несколько насторожили меня. Я понял, что он недооценивал вопросы конспирации и что в этом направлении с ним еще придется работать.

Но я все-таки решил прервать встречу, попросил Лимба соблюдать осторожность в контактах со знакомыми из полиции, и мы расстались. Пришлось дать круг, чтобы провериться нет ли за мной «хвоста». Ничего подозрительного не обнаружил.

В дальнейшем Лимб стал нашим надежным советчиком по самым разнообразным вопросам, с которыми мы сталкивались за время командировки, так как он знал финансовое и коммерческое законодательство и был незаменим,

когда я приблизился к оформлению собственного бизнеса в качестве компаньона фирмы мадам Бланкоф. Он периодически выезжал в другие европейские страны, решая проблемы собственного предприятия — филиала компании «Дисконта», доставшегося по наследству, где от деловых связей иногда получал экономическую информацию, заслужившую высокую оценку в Центре.

Встречи наши проходили не очень часто, обычно в окрестностях города. Неторопливо гуляли по лесу либо устраивались в каком-нибудь укромном местечке, обсуждали вопросы международной и внутренней политики, не опасаясь, что нас кто-либо услышит.

Лимб очень любил такие беседы. Во мне он видел друга по убеждениям, с которым можно говорить откровенно, чего, естественно, он не мог себе позволить в собственном окружении. Его отличало неутомимое желание разобраться в самых сложных вопросах. В беседах на политические, экономические и социальные темы мы нередко крепко спорили. Лимб не всегда одобрял мероприятия, проводившиеся в Советском Союзе и странах народной демократии. Иногда спорил о роли частной собственности при социализме, о правах человека, о положении дел у нас со свободой слова и печати, критиковал низкий уровень жизни наших людей, возмущался «железным занавесом». Особо остро реагировал на разоблачение культа личности Сталина.

184

В бескорыстном желании помочь нашей службе он чем-то отдаленно напоминал Савву Морозова. Конечно, только не был так богат, как тот.

Естественно, к работе со всей агентурой, находящейся у меня на связи, Жанна подключена не была. Например, Лимба она знала только в лицо. Однако при одном необычном стечении обстоятельств создалась «нештатная ситуация», когда Лимб увидел ее в моем обществе. Случилось это на маскарадном балу во время проводов зимы, на который мы были приглашены друзьями по теннисному клубу — супружеской парой Олафом и Винетой Стивенсонами. О билетах и заказном столике они позаботились заранее.

В день праздника зал ресторана был красочно убран, настроение у всех приподнятое, музыканты в ударе. Повсюду мелькали смешные и подчас оригинальные маски, смех и возбужденные голоса снующих туда и сюда гостей тонули в мелодичных звуках музыки. Но вот умолк оркестр. Развеселившиеся и одновременно утомленные танцами пары расходились по своим столикам с желанием утолить жажду освежающим напитком или хорошим вином, побеседовать с партнером или соседями, отдохнуть и подготовиться к следующему туру. Мы старались полностью отключиться от житейских забот и предавались праздничному настроению. Однако как раз в такие минуты, когда чуть расслабишься, жизнь нередко преподносит свои сюрпризы.

Неожиданно я заметил, что человек в маске, сидящий за столиком напротив нас через танцплощадку, усиленно присматривается к нам. Хотя неизвестный господин был укутан в зеленую накидку «Лешего», я признал в нем Лимба. Рядом с ним сидела дама в костюме испанки, видимо, его жена. Я был наряжен под турка — с черными усами, в красной феске с черной кисточкой, Жанна оделась в японское кимоно.

Как видно, Лимб узнал меня и направился к нашему столику, кланяясь направо и налево.

— А вот и Леший к нам пожаловал, — сказал я, обращаясь к сидящим за столиком и давая тем самым понять Лимбу, что встреча с ним нежелательна.

— Милые маски! Леший осмелился побеспокоить вас, чтобы поздравить всех с веселым карнавалом.

— Благодарим тебя, Леший, за добрые поздравления. Мы также желаем тебе хорошо провести вечер в

185

непривычной для тебя обстановке, — ответил дружно весь столик, весело смеясь.

— Я, Леший, и все мои родичи болотно-лесные желаем вам веселого настроения, много смеха, улыбок и танцев до упаду, — естественно и непринужденно сыпал он любезными словами. А если встретитесь с Лешим в лесу, не бойтесь его, как видите, не такой он уж и страшный, — закончил он шуточное обращение.

Компания за столиком горячо заплодировала ему. А он пошел дальше, развлекая подобным образом гостей за соседними столиками. Меня озадачило происшедшее. По существующей между нами договоренности, при случайной встрече где-либо друг к другу не подходим, делаем вид, что незнакомы. Только я мог по своему усмотрению при необходимости подойти в таком случае к Лимбу. Позднее, коснувшись карнавального бала, он пояснил:

— Когда ты на меня так дружески посмотрел, я подумал, что могу к тебе подойти и поприветствовать, ведь мы оба в масках и костюмах. Однако, пересекая танцплощадку, заметил, что ты повернулся к гостям и отрекомендовал меня как Лешего. Стало вдруг как-то не по себе от мысли, что я совершаю ошибку. Но возвращаться было уже поздно, решил разыграть шутку. Вроде бы получилось как экспромт?

Надо отдать Лимбу должное — выход из пикантной ситуации он нашел быстро и вполне удачно, артистично сыграл карнавальную сценку. Наши друзья Стивенсоны так ее и восприняли.

Однажды мы встретились с Лимбом в пригородном ресторане. Вошли в зал, заняли свободный столик. Я обвел взглядом присутствующих и неожиданно заметил хорошо знакомого мне по делам бизнеса Эрнеста Оуэна, который дружил к тому же с Морисом. Увидев нас, точнее меня, он встал из-за стола и направился к нашему столику. Я тоже встал и пошел навстречу, дружески улыбаясь, чтобы избежать необходимости представлять ему Лимба.

— Господи, вот так встреча, — Оуэн радушно пожал мне руку. — А я здесь с друзьями, — показал в сторону столика, за которым сидели дамы и мужчины. — Приехали сюда поужинать и провести вечер за игрой в скат. Здесь тихо, уютно и никто не мешает.

Закончив монолог, Эрнест, однако, пошел не обрат-

186

но к друзьям, а... прямо к Лимбу. Они по-приятельски обменялись общими, ничего не значащими фразами, что, мол, давно не видели друг друга, и Оуэн ушел к ожидавшей его компании. Мелькнула мысль, что если Эрнест расскажет о встрече в ресторане Морису, тот без внимания данный, факт не оставит. К счастью, такого не случилось. Вероятно, Эрнест Оуэн никому об этой встрече не рассказал по соображениям «личной безопасности», так как развлекался в ресторане без жены и наверняка со своей подругой.

Я бросил взгляд на Лимба, как бы ища ответа на роившиеся в голове вопросы. Тот сидел нахохлившись, слегка склонив голову, его белесые брови казались еще более выцветшими на фоне красновато-загорелого лица. По всему было видно, что ему сейчас не до излюбленного блюда — фондю. Покидая ресторан, мы на ходу попрощались с Эрнестом. Лимб потом объяснил, что Оуэн — его бывший сокурсник по университету, вместе вступили в соцпартию, посещали один и тот же спортивный клуб. Позже их пути разошлись.

Представьте себе, «нештатную» ситуацию может создать даже филологический казус. Был такой случай. Шумная немецкоговорящая компания,

сосиски и пиво, шутки и смех, я несколько увлекся разговором и, когда к месту надо было сказать нечто, по смыслу похожее на русское выражение «масло масляное», так и произнес — «бутер-буттерлих». В немецком языке такого словосочетания не найти. Я сделал кальку, то есть буквально перевел наше русское выражение на немецкий язык. Спыхватился, но поезд уже ушел — не поправить. Реплика, правда, вызвала общий смех и была воспринята как подходящая случаю острова. Я мысленно поблагодарил судьбу, что в этой компании никто не знал русского языка и потому не уловил примитивного перевода.

Вообще, нам нередко приходилось случайно встречаться — в магазинах, в поездках — с проживающими в стране русскими, представителями так называемых первой и второй волны эмиграции из России. Иногда «натыкались» на командированных из Советского Союза или сотрудников наших загранучреждений, которых легко узнавали по русской речи. В таких случаях что-то внутри автоматически срабатывало и мы немедленно удалялись от них, не вступая в разговор.

187

Неожиданная ситуация сложилась сразу же по приезду, когда мы впервые сняли комнату у местной жительницы мадам Кассон. Оказалось, что этажом выше проживала пожилая русская эмигрантка Ирина Брагина, которая дружила с хозяйкой и часто ее навещала. Из уважения к нам доброжелательная мадам Кассон иногда приглашала нас и эмигрантку к себе на чашку кофе, а в воскресные дни устраивала совместные поездки на лоно природы. Для нас общение с соотечественницей было тягостным и напряженным. Приходилось постоянно быть начеку, тщательно следить за речью и поведением. Ирина Брагина часто переводила разговор на русскую тему: «Ох, как было хорошо когда-то жить в России при царе!» и тому подобное, иногда вставляла русские слова.

Со временем я убедился, что наши агенты не любят встречаться «на сухую». Учитывая это, я выбирал малопосещаемые, находящиеся в немногочисленных местах загородные рестораны. Как правило, садился за свободный столик в углу лицом к двери, чтобы видеть всех входящих, и в зависимости от количества посетителей и их месторасположения в зале на протяжении всей беседы вел разговор нормальным или слегка приглушенным голосом.

В одну из суббот я, как обычно, встретился с Лимбом в так называемом «Аргентинском поместье» в окрестностях столицы. Стоял ясный и жаркий день, в самом разгаре сенокосная пора, и в воздухе пахло свежескошенной травой. Блуждая в лесном массиве, обсуждали текущие оперативные дела, вопросы международной обстановки, не опасаясь, что нас кто-либо услышит. Свернули на тропинку, что вела к придорожному ресторану с широкой верандой, где мы уютно расположились за столиком. Народу было мало, лишь отдельные посетители. Прекрасная обстановка для конспиративной беседы.

Неожиданно рядом с нашим столиком расположилось общество милых дам среднего, как говорят, «бальзаковского» возраста, разговаривавших между собой на русском языке. Из беседы я уловил, что женщины принадлежали к обществу русских граждан в этой стране, они увлеченно обсуждали тематику очередного номера журнала «Патриот».

Лимб к тому времени завел речь о приехавшей в

188

страну труппе Государственного Большого академического театра, вспоминал свой визит в Москву вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Я нажал под столом ему на ногу. Он взглянул на меня, покрутил головой вправо-

влево, не найдя ничего настораживающего, невозмутимо продолжил:

— Наш театр отличается и широким репертуаром, и составом труппы, однако с русским Большим, конечно, не сравним...

Пришлось более решительно и резко повторить сигнал, что его удивило и смутило. Умолкнув, он сосредоточился на закуске, а я перевел разговор на другую тему. Только после обеда по дороге смог объяснить ему свою резкую реакцию и еще раз попросил не вести в общественных местах разговоры на темы, касающиеся России.

— Я же ничего особенного не сказал, — оправдывался Лимб, — просто тепло отозвался о Большом театре. Многие говорят об этом.

— Но ведь ты говорил так, как если бы мы оба хорошо знакомы с Большим театром и являемся знатоками русского балета, — пытался объяснить ему ситуацию, — а рядом сидят русские женщины, они могли услышать и обратить на нас внимание.

— Люди говорят между собой и о России, и о советском искусстве. Многие отзываются весьма позитивно, — не унимался Лимб.

Его настойчивость мне не понравилась, и я сдержанно, но необычно сухо сказал:

— Да, но нам этого делать не следует, чтобы не поставить под удар дело, которому мы с тобой служим.

— Я понимаю, — вздохнул он, — таков наш нелегкий крест... Пытливый ум Лимба и его обширные связи среди

различных по социальному положению людей приводили к получению полезной, подчас неожиданной информации. Однажды он с многозначительным видом спросил меня:

— Не заинтересует ли вас некто Конради? Он постоянно живет, кажется, в Швейцарии, а сейчас по каким-то делам прибыл на полгода к нам.

— Не тот ли это Конради, который убил в Лозанне советского полпреда Вацлава Воровского?

189

— Да, именно тот, — кивнул Лимб, внимательно следя за выражением моего лица.

Мы незамедлительно отправили в Центр телеграмму. Ответ из Москвы был краток: «Никаких шагов в отношении Конради принимать не будем. Держите его в поле зрения».

В другом случае пришлось «поправлять» Лимба, воспитывать, благо, что он воспринимал это с пониманием и без обид.

В середине августа 1956 года Лимб отправился на своей машине в ФРГ, в краткосрочный отпуск. По дороге решил навестить своего старого друга, члена Германской компартии. На рассвете, подъезжая к дому товарища, Лимб заметил необычно усиленное движение полицейских машин в городе. «Что бы это могло означать?» — подумал он, не придав особого значения ажиотажу блюстителей порядка. Зашел к товарищу — в квартире встревоженная жена друга.

— Что-нибудь случилось? — спросил Лимб, предчувствуя недоброе.

— Сегодня ночью муж получил условный звонок по телефону. Правительство Аденауэра приняло решение о запрете компартии Германии. В городе идут обыски и облавы на членов партии.

— И где сейчас твой муж?

— Он еще ночью спешно покинул дом, даже ничего с собой не захватил. Тебе тоже здесь не следует задерживаться. Вот-вот полиция нагрянет сюда.

— Может быть, ему надо чем-то помочь?

— Не мог бы ты ему завезти пару рубашек. Я мигом соберу. Находится он в надежном месте.

И она назвала адрес, по которому скрывался муж.

Когда Лимб сел в машину, то в зеркале заднего вида заметил, как к дому подъехала полицейская машина. Они разминулись буквально минутами. К счастью Лимба, полицейских не заинтересовала его машина с иностранным номером, и ему удалось без помех доставить сумку с бельем товарищу, ушедшему в подполье.

Вернувшись из отпуска, Лимб подробно рассказал мне о своих приключениях во время поездки.

— Конечно, мужская дружба и взаимовыручка — дело хорошее и нужное, — начал я издали, — однако тебе необходимо всегда помнить о том, кто ты, понимаешь?

190

— А что, разве я поступил неправильно?

— В обычных условиях я наверняка и сам бы так поступил, но в данном случае ты допустил ошибку.

— Я только помог другу в беде, что в этом плохого?

— Ты помог в беде нашему единомышленнику, и за это тебе большое спасибо. Видишь ли, твой поступок не увязывается с железными правилами конспирации нашего сотрудничества. Посуди сам, ты помог товарищу, а себя поставил под надзор полиции. Твой друг наверняка обошелся бы и без запасной пары рубашек. Сравни сам, что важнее: пара белья или та работа, которую ты выполняешь с нами вместе? Пойми меня правильно. Твои действия в данном случае нельзя одобрить. Это неоправданный риск, последствием которого вполне мог бы быть провал.

— Не надо сердиться... Ведь полиция вообще не обратила на меня внимания. Я уже отъезжал, когда они подъехали, — упорно настаивал Лимб.

— Согласен, однако номер твоей машины могли заметить соседи, прохожие и сообщить полиции. А «Интерпол», как ты знаешь, работает четко.

— Да-а, о таком варианте развития ситуации я не подумал, — с сокрушенным видом протянул Лимб.

— Давай договоримся: больше такой самостоятельности не проявлять. Наша безопасность заключается в неукоснительном и строгом соблюдении конспирации и разумной осторожности, что является основой успеха нашего важного и ответственного дела. И к этому надо относиться очень серьезно.

Лимб молча и сосредоточенно внимал моим словам.

— Сейчас самое главное — убедиться в том, что ты не находишься на примете у местной полиции, — продолжил я как можно строже. — От выполнения оперативных заданий придется временно нам с тобой воздержаться. Так надо. Следи внимательно за обстановкой вокруг себя, не будет ли попыток со стороны завязать с тобой знакомство, случаев навязчивого общения или слежки. Со своими информаторами пока не встречайся. Следующую встречу проведем через месяц. Так надо, повторяю, в интересах твоей безопасности и нашего общего дела.

Я видел по напряженному выражению лица, как Лимб тяжело переживал «отлучение» на месяц. Но вняв, как говорится, голосу разума, он согласно кивнул головой.

191

Случались и другие «рабочие моменты», но в целом мы сохраняли атмосферу крепкой дружбы, взаимного доверия и симпатии.

Бывают иногда «нештатные ситуации» и в Центре, хотя, быть может, не

такие острые и не с такими возможными драматичными последствиями, как у нелегалов. Сама разведка с нелегальных позиций, где, казалось бы, каждому расписано, что и как делать в Центре или здесь, за рубежом, в рамках очерченных штатных ситуаций, всегда оставляет поле для импровизации в случае возникновения непредвиденных обстоятельств: ведь всех сочетаний случайных, нелепых, непредвидимых фактов и факторов не предусмотреть, как ни стараться. И конечно, каждый сбой, неувязка, когда что-то не так вдруг происходит за рубежом, вызывает в Центре малые или большие «нештатные ситуации», добавляет седин, особенно если причина кроется в нечетком срабатывании технологической цепочки.

К сожалению, порой случается, что разведчик, находясь за рубежом, сталкивается с просчетами, допускаемыми его коллегами в Центре. Причем в такие острые, критические моменты, когда их меньше всего ожидаешь. Что делать нелегалу в таких поистине «нештатных ситуациях»? Можно, конечно, возмущаться, переполняться справедливым негодованием и... оставаться без радиосвязи, документов или валюты, то есть усугублять просчет, допущенный в одном из звеньев разведывательной цепи, своими собственными ошибками. А можно, относясь к неувязкам в столь сложном разведывательном организме трезво, философски, как к чему-то возможному и неизбежному, искать выход из подобных ситуаций, стремясь ослабить негативные последствия сбоя и вновь восстановить четкость в действиях.

Разведчик-нелегал не вправе растрчивать душевные силы и время на бесплодные поиски причин «сбоя» или виновного в нем. Высокая ответственность за безопасность Отечества понуждает разведчика с пониманием относиться к превратностям судьбы.

В конце каждого года мы получали из Центра новую программу односторонней радиосвязи на первое полугодие. Однако на этот раз нам ошибочно прислали

192

программу радиосвязи не на первое полугодие 1964 года, а на второе, то есть практически мы остались без связи на целое полугодие, так как не знали новых частот, позывных, дней и часов работы Москвы для нас. Сообщив об этом неприятном недоразумении в Центр, я решил самостоятельно поискать выход из создавшегося положения, благо опыт, приобретенный в годы войны в тылу врага, когда приходилось работать на радиостанциях и на прием, и на передачу в особо тяжелых условиях, меня кое-чему научил.

Начиная с 1 января я терпеливо стал искать московский передатчик в обычные для связи вечерние часы и в предполагаемом по наитию диапазоне частот. Надеялся разыскать передатчик по «радиопочерку» оператора, что является своеобразной визитной карточкой. Один вечер, второй, третий. Обычная разноголосица в эфире. Наконец-то слышу знакомые всхлипывания морзянки. Еще не веря в удачу, записываю передаваемый цифровой текст. Рядом стоит Жанна и с нетерпением и любопытством заглядывает мне через плечо, тут же определяет, что передача адресована именно нам. Это был запрос в отношении полученной от Брига информации о Едином комплексном оперативном плане по Европе (ЕКОП 1), разработанном в НАТО. Поскольку информацией мы уже владели, то на следующий день подготовили и направили в Центр двумя сеансами соответствующее сообщение. Позднее стало известно, что там немало удивились: программы связи, мол, у них нет, а ответ на запрос поступил. В последующем, уже в Москве, специалист радиоцентра говорил мне, что подобного случая нахождения своего корреспондента в эфире в его

многолетней практике он не припомнит.

В зарубежной командировке возникало немало поучительных и любопытных ситуаций, которые никакого отношения к разведке не имели, но постоянно дополняли наши знания о местных порядках, нравах и обычаях, о поведении людей в различной обстановке. Пришлось как-то по почте отправлять небольшую посылку местным знакомым. Передал сверток почтовому служащему, заплатил положенную сумму почтовых сборов. Чиновник, получив деньги и произведя регистрационные записи, потерял ко мне интерес и стал зани-

193

маться другим клиентом. Тогда я попросил квитанцию, что мне казалось вполне естественным. Далее я пережил, наверное, один из самых неприятных моментов за первые годы пребывания в стране.

— Вы что, не доверяете почте, ставите под сомнение мою репутацию? — возмутился почтовый служащий.

Чувствовал я себя довольно препротивно, когда недовольный почтовик напомнил мне, что квитанция выдается лишь на заказные отправления. Что поделывать, такие вещи следовало бы хорошенько знать, да и заранее. После извинений я покинул почту, как пришибленный.

Однажды близкая подруга Жанны по работе пригласила нас на свадьбу ее дочери. Вместе с красочно оформленным приглашительным билетом мы получили длинный список-перечень различных бытовых предметов: от мебели, постельного белья до хозяйственных мелочей. Некоторые предметы в этом списке были зачеркнуты. Возник тот же сакраментальный вопрос: что бы это значило? Спрашивать у Катерины, подруги Жанны, или у других знакомых не решились, интуитивно почувствовав, что можем попасть в неловкое положение. Поразмыслив, пришли к выводу, что это, вероятно, список предметов для свадебного подарка.

Как во многих подобных случаях, выручил наш старый добрый друг Лимб, встречу с которым как раз в это время я проводил. Ситуация прояснилась. Оказалось, что приглашенные на свадьбу действительно должны по своему усмотрению выбрать в перечне из оставшихся невычеркнутых предметов подарок молодоженам, а список вернуть устроителю свадьбы. Таким путем родители молодоженов регулируют поступление традиционных свадебных подарков, чтобы не случился «перебор» одних и тех же вещей. Что ж, весьма практично! Очень симпатичный обычай, о котором мы, к сожалению, ничего не ведали. В дальнейшем мы еще дважды принимали участие в церемониях бракосочетания и уже чувствовали себя более уверенно: и в церквах на отведенных нам местах, и за свадебным столом.

Одно время я «увлекся» коллекционированием почтовых марок, что служило оправданием наличию в доме сильной увеличительной лупы и других приспособлений, необходимых для оформления разведывательных сообщений. Как известно, филателией увлечены миллионы

194

коллекционеров во всех странах мира, люди самого различного возраста, социального и материального положения. Например, страстным коллекционером был президент США Франклин Делано Рузвельт. Существуют многочисленные клубы и союзы филателистов, объединенные в официальные национальные организации, которые, в свою очередь, являются членами международной федерации — ФИП. Постоянно проводятся филателистические выставки, издается обширная специальная литература: газеты, журналы, каталоги и буклеты.

Хотя я и не состоял членом клуба филателистов, но нередко приходил на их

встречи, посещал выставки, приобретал специфические для этого дела познания: ведь если долгое время оставаться дилетантом — значит потерять уважение к себе. Не мудрствуя лукаво, начал собирать марки по распространенной и, очевидно, самой популярной тематике — флора и фауна. Ограничил себя и свои интересы группой европейских стран. Среди коллекционеров встречались люди самых различных профессий, интересные и солидные. С одним из них на почве филателистических интересов мы провели взаимовыгодную коммерческую операцию, когда я стал совладельцем фирмы Бланкоф. Ранее это «хобби» помогло мне увереннее себя чувствовать на работе в фирме «Контакт» в то время, когда мы находились «под колпаком» у спецслужб.

Общий интерес к маркам сблизил меня с техником Рене, серьезным филателистом, обладателем солидной коллекции. Я обращался к нему за консультациями, оказывал Рене большее внимание, чем он получал от других коллег. В силу ряда причин семейного характера Рене попал в затруднительное финансовое положение и обратился ко мне с просьбой одолжить ему некоторую не очень крупную сумму. Поскольку «под честное слово» в долг давать не принято, техник сам предложил мне в залог часть марок из своей коллекции, стоимость которых, по его словам (и она соответствовала действительности, я проверял), превосходила сумму долга. Я пошел ему навстречу. Через обусловленный срок Рене возвратил долг, а я — марки. Так у меня на работе появился надежный друг, через которого дополнительно я контролировал складывающуюся вокруг нас обстановку. В общем, в части обычных человеческих увлечений

195

мы с Жанной не отличались от окружавших нас местных граждан — каждый имел свое «хобби»: Жанна — фотосъемку флоры и фауны, а я — филателию.

А случай, который со мной однажды произошел, я всегда вспоминаю с чувством глубокой досады: впервые столкнулся с миром проституции. Властями этот вид занятий не поощряется, но и не запрещается, дома с красным фонарем над входом можно встретить и на центральных улицах столицы, однако встречаются ловцы мужских душ и на тротуарах переулков. Как-то вечером Жанна попросила меня заехать за ней в кафе «Континенталь», где группа изучавших иностранный язык условилась поужинать. Я прибыл к заведению немного раньше и заглушил мотор. И тут заметил девушку, которая, приветливо улыбаясь, делала мне знак рукой, чтобы я открыл дверь. Полагая, что она хочет что-то спросить, я поднял кнопку двери. В следующий миг она бесцеремонно впорхнула в машину, скрестила руки на коленях и ласково сказала:

— Добрый вечер, дорогой. Можно ехать.

— Куда ехать? — удивленно спросил я, не понимая, что, собственно, происходит. — Вы, наверное, ошиблись?

— То есть как ошиблась?

— Я не понимаю, куда вы хотите держать путь?

— Как куда? — глаза ее посмотрели на меня изумленно. — Куда хочешь. Можно ко мне, а можно и к тебе.

Тут только до меня дошло, что это девица легкого поведения.

— Извините, мадемуазель, вы ошиблись адресом. Я приехал за женой, она сейчас находится в этом кафе.

— Ах, вот оно что! А я думала, мы знакомы... Ну-ну, смотрите, как знаете... — «дама» не закончила фразы, кисло улыбнулась и вышла из машины.

Потом я выяснил, что это место в столице является «злачным» уголком в вечернее время, а мое поведение (приехал один и не выходит из машины) как раз

походило на образ действий тех, кто ищет развлечений. Снова наука: город, где ты живешь в стране пребывания, надо бы знать получше. Не только исторические достопримечательности, расположение государственных, военных и полицейских учреждений, но и... «злачные» места.

196

Рассказ Жанны о викторине напомнил мне аналогичный случай, что произошел со мной, когда я работал в фирме «Контакт». Предстоял такой же выезд сослуживцев на уик-энд. За несколько дней до поездки каждому из нас поставили задание, конечно шуточное: предлагалось определить наиболее оптимальный маршрут к загородному ресторану, где состоится совместный обед. Конечный пункт следования не сообщался (это был секрет организаторов поездки), но давались ориентиры по маршруту от центра столицы до места назначения: старая ветряная мельница, замок, известный своим глубоким колодезем, мукомольное предприятие, мост с односторонним движением, канал, лагуна и, наконец, ресторан, главный зал которого украшен оленьими рогами. Предлагаемые кратчайшие маршруты передавались организаторам в закрытом конверте накануне поездки. Выигравшего ожидал приз — новый атлас автомобильных дорог Европы.

Во время шумного и веселого обеда пришел черед открывать конверты. Все устремили взоры на ведущего. Я несколько смутился, узнав, что из сорока человек я оказался единственным, правильно указавшим маршрут и название ресторана. Мои топографические познания местности некоторых удивили. Пришлось оправдываться любознательностью, частыми выездами для отдыха на природу. На самом деле это было полуправдой. Мы с Жанной действительно хорошо знали окрестности, так как немало поколесили по округе не с туристическими или развлекательными целями, а в интересах успешного проведения разведывательных операций. Так что мой приз — новый атлас — тоже оказался нелишним в нашем оперативном хозяйстве.

ПО ЗОВУ ДОЛГА

Жанна

Мы пережили немало шумных антисоветских кампаний, связанных с конфликтными ситуациями в международной политике и различными происшествиями в разведывательной работе.

«Венгерские события», вспыхнувшие в конце октября 1956 года, нанесли большой урон международному авторитету нашей Родины. Антисоветская пропаганда поднялась до наивысшего уровня, накаля эфир и ускоряя бег ротационных машин. На улицах собирали деньги в помощь беженцам из Венгрии.

Пережили и суэцкий кризис, когда Великобритания и Франция при участии Израиля в конце октября 1956 года прибегли к прямой военной интервенции против Египта. Суэцкий канал был поврежден, местами заминирован. Твердая позиция советского правительства, принявшего сторону Египта, намерение направить советских добровольцев в зону военных действий охладил агрессоров и привели к мирному разрешению кризиса. 24 апреля 1957 года, после завершения работ по очистке и разминированию, судоходное движение по каналу возобновилось. Однако через десять лет вспышка израильской агрессии 1967 года против Египта и некоторых других арабских стран вновь привела к прекращению движения судов по каналу.

Во время суэцкого кризиса в европейских странах да и во всем мире

международная обстановка опять накалилась. Население страны начало запасаться продуктами, вследствие чего магазины на какое-то время

198

опустели, случались задержки в доставке товаров. Мы не спешили с накоплением продуктов питания, не тратили время на очереди, а главное внимание сосредоточили на оперативной работе, так как в условиях кризисов развединформация, представленная вовремя, приобретает первостепенное значение.

Международное сообщество потрясло убийство в Далласе 22 ноября 1963 года президента США Джона Ф. Кеннеди, случившееся во время его поездки по стране. В средствах массовой информации сразу возникли различные инсинуации вплоть до якобы причастности «руки Москвы» к событиям в Далласе, так как обвиняемый Освальд до этого некоторое время находился в нашей стране, жил в Минске, работал на радиозаводе и был женат на гражданке СССР. Мы пережили эти моменты относительно спокойно, и на нашей оперативной работе данное трагическое событие практически не отразилось.

Происшествия в разведывательной деятельности, конечно, тоже сказывались на проводимых операциях. Под «происшествиями» я имею в виду печальные события, например провал в США крупного советского разведчика полковника Абея, арест нескольких сотрудников разведок стран Восточной Европы на Западе, объявление персонами нон грата ряда наших разведчиков, работавших в «легальных» резидентурах под прикрытием посольств и других организаций, а также радостные случаи, такие как знаменитый побег ценного советского агента Джорджа Блейка из английской тюрьмы, ставший сенсацией и принесший заслуженные лавры внешней разведке.

К сожалению, печальные события в то время преобладали. Средства массовой информации, смакуя детали проводившихся расследований и широко их комментируя, нагнетали атмосферу истерии. Пресловутое клише «рука Москвы» в сознании весьма широкой обывательской среды воспринималось уже не только как звонкая метафора, но принимало некие зримые, пугающие очертания. Кампания шпиономании нервировала западноевропейцев, давила на людей, тревожила и беспокоила.

Вот характерная картинка. В разгар пропагандистской шумихи в связи с арестом одного разведчика из

199

восточноевропейской страны, придя на работу, я застала сослуживцев, живо обсуждавших это происшествие. Главный бухгалтер, высокий мужчина с мрачным одутловатым лицом, кивнув в мою сторону, хмуро бросил:

— Вот, хотя бы она... Откуда мы знаем, чем она занимается в свободное время?

Я задержалась, удивленно переводя взгляд с одного сослуживца на другого. Наконец, догадалась, о чем разговор, и мне как-то сразу стало не по себе. Но я старалась сохранить спокойствие.

Другой собеседник, у которого мать была иностранкой, с возмущением ответил:

— Что ты на нее киваешь? Чтобы заниматься шпионажем, не обязательно приезжать к нам из-за границы. Мы тоже не знаем, как ты проводишь свое свободное время.

— Вы совершенно правы, господин Левен, — спокойно заметила я и направилась к своему столу, стараясь подавить волнение.

Дальнейший ожесточенный спор мужчин (про меня, видимо, забыли) прекратился лишь с приходом начальника.

Но что примечательно (мы неоднократно в том убеждались): не всех в Западной Европе и не полностью убеждала работавшая на полные обороты пропагандистская машина, далеко не на всех действовала шпиономания. Приходилось слышать от простых граждан резкие высказывания по поводу трубадуров шумных кампаний: их называли «гангстерами от журналистики», «политическими мошенниками», «подпевалами американцев» и т. п.

Беспредельное культивирование шпиономании раздражало людей, получили распространение «шпионские» анекдоты, карикатуры и фельетоны в газетах и журналах, где преобладала самоирония. Даже когда пропагандистская тема являлась вроде бы «беспроигрышной», например, арест «шпиона» из-за «железного занавеса», она также не всегда достигала намеченных целей. Так, после суда над полковником Абелем нам в нескольких случаях приходилось слышать слова восхищения его выдержкой, мужеством, высоким интеллектом. Причем исходили эти слова отнюдь не от лиц, симпатизировавших нашей стране.

200

Припоминается, как во время одной бурной антикоммунистической кампании Центр отменил до особого распоряжения все встречи и тайниковые операции. Это указание поступило как раз накануне предполагавшейся передачи нам через тайник денег на оперативные расходы. Таким образом мы остались без финансовых средств. Надо было искать другой способ передачи валюты, что требовало тщательной проверки, согласования с Центром. На все это необходимо было время — и немалое. Шли дни, и мы сидели без денег. Центр, конечно, представлял наше сложное положение, но предпринять что-либо в данной ситуации просто не имел возможности.

Однако разведка есть разведка. Она должна идти своим чередом, непрерывно, не прекращаясь ни на минуту. Именно тогда, когда международная обстановка резко осложняется, разведчик должен быть особенно активен, целеустремлен и находчив. Понимая все это, мы по-прежнему продолжали вести оперативную работу, регулярно выплачивали из своего личного бюджета ежемесячное вознаграждение некоторым нашим помощникам, а также покрывали другие оперативные расходы. И только год спустя представилась возможность Центру организовать для нас передачу финансовых средств.

Но одно дело, когда политические кризисы или казусы в разведывательной деятельности не имеют прямого отношения к непосредственной работе нелегалов, и совсем другое — когда опасность возникает, хотя и опосредованная для нас, в результате проводимых операций.

Так, собственно, случилось, когда наша страна бросила вызов английской разведке, направив на британские острова с секретной миссией русского патриота Ваню. В течение нескольких лет, несмотря на свой преклонный возраст, он успешно выполнял задания, находясь между Сциллой и Харибдой — между английской разведкой МИ-6 и контрразведкой МИ-5, пока последняя не расшифровала его.

Однако беда лишь косвенно коснулась нас благодаря стойкости Ваню, его верности долгу и слову русского офицера, преданности России. Западная пресса немногим поживилась на этом деле и вскоре переключилась

201

на более громкие шпионские скандальные истории. Но не будем опережать события.

В разведке, как, видимо, и в любой сфере человеческой деятельности, бывают операции, которые идут тяжело, с большой затратой душевных и физических сил и времени, чтобы создать подходящие условия, осуществить выход на интересующее нас ведомство или конкретного человека. Что-то

срывается, приходится начинать сначала или искать обходные пути, прежде чем, наконец, в Центр не потечет бурный поток или мелкий ручеек секретной информации.

А случаются разработки, где все сразу идет как по нотам, события и обстоятельства как бы сами между собой стыкуются, одно следует за другим, нигде ничего не срывается, возникшие возможности подкрепляются адекватными действиями партнеров, открывая доступ к более широким разведывательным возможностям, и так стежок за стежком выстраивается вся комбинация. Последний случай как раз характерен для нашей работы с Ваном.

Представьте себе ситуацию, когда в самом центре страны живет надежный русский человек, участник движения Сопротивления в годы войны, удостоенный британского ордена «За отвагу», поддерживавший переписку с Томасом Доннатом, бывшим заместителем начальника отдела «Сикрет интеллидженс сервис» по Западной Европе. И вот этот человек готов сотрудничать с нашей разведкой «во имя безопасности родного народа». Сам Томас Доннат к тому времени, как сообщил Центр, ушел на пенсию и работал на секретной военно-морской базе в Плимуте, что также представляло интерес для нашей разведки. Здесь до ареста располагал источниками информации наш разведчик Гордон Лонсдейл — Конон Трофимович Молодой.

Вано еще перед войной закончил курсы автомехаников, а в мирное время создал собственную авторемонтную мастерскую, которая разрослась в солидное предприятие, обслуживавшее нужды иностранных посольств в столице. Различные иномарки автомашин, поступавшие на профилактический, серьезный или косметический ремонт, требовали наличия запаса широкого ассортимента деталей, и Вано поддерживал переписку и личные контакты с представителями ведущих автомобильных концернов во Франции, Англии и ФРГ, имел возмож-

202
ность выезжать в эти страны. Да к тому же он, естественно, располагал обширными связями среди сотрудников посольств, обращавшихся к нему за помощью, в частности английского, которые регулярно присылали ему приглашения на приемы по случаю национальных праздников.

Видимо, на этой почве состоялось его знакомство с сотрудниками нашей легальной резидентуры, что позднее привело к известному письму-исповеди, последующей проверке и изучению объекта и, наконец, к решению о передаче его на связь нам. Действительно, как не использовать в интересах нелегальной разведки хорошо осведомленную, с многочисленными полезными связями колоритную личность, имеющую прекрасные разведывательные возможности.

Когда Центр дал «зеленый свет» на встречу с Ваном и сообщил условия связи, ключевые слова пароля, мы стали прикидывать, как лучше и естественнее выйти на него. Тут я вспомнила, что моя хорошая знакомая на курсах усовершенствования иностранного языка Дороти Мэллоу, жена английского дипломата, неоднократно тепло отзывалась о фирме Ваном и ее службе сервиса. Решили, что на первый контакт с директором фирмы пойду я, попрошу Дороти посодействовать косметическому ремонту нашей машины у Ваном и по ходу обстановки найду момент, чтобы произнести слова пароля. Дороти Мэллоу живо откликнулась на мою просьбу, но предупредила, что договориться о ремонте будет не просто: «Это милый старик, но уж очень строгий, какой-то неприступный. Заказов у него невпроворот».

И вот мы с Дороти поднимаемся в конторку Ваном, я слегка волнуясь, но вида не подаю. За письменным столом сидит высокий статный мужчина, с открытым волевым русским лицом. Годы, кажется, не коснулись его, лишь только седина на

голове да в коротких «юнкерских» усах выдает возраст. Одет просто, но безукоризненно: костюм, галстук и рубашка подобраны в тон, во всем облике ощущается порода. Встает навстречу, приветливая улыбка, блеск в глазах, приглашение присесть. Дороти щебечет насчет погоды, здоровья, детей, готова почву для объяснения цели визита. Ваню внимательно слушает, а я пока остаюсь «за кадром».

203

— Понимаете, какое дело, — начинает Дороти подходить к сути, — у моей приятельницы — взгляд в мою сторону — небольшая проблема с машиной, сущая безделица — не откажете помочь?

— Дороти, вы же знаете, — хмурится Ваню, — это против наших правил: местных жителей, мы не обслуживаем, только иностранцев.

— Понимаю, понимаю. Но только ваша фирма может сделать это качественно и элегантно. Ведь вы все можете, вы такой добрый, красивый и так нравитесь женщинам. Неужели вы откажете даме?

— Ну если за такую даму — взгляд Ваню в мою сторону — просит краса Великобритании Дороти Мэллоу, как можно отказать? Что случилось с вашим автомобилем?

Так, пора и мне действовать. Вплетаю в разговор ключевые слова:

— Так получилось, в воскресенье выезжали с мужем в лес, на пикник. Прекрасно отдохнули. А на обратном пути неудачно разворачивались и на заднем крыле остался след.

Ваню невозмутимо слушает, как врач обычно выслушивает больного, не проявляя эмоций. Думаю: уловил ли он смысл произнесенной фразы? Жду.

— После пикника всегда случаются маленькие или большие неприятности. Понятно, понятно... — отвечает он так, как условлено.

— У меня цвет автомашины голубой с отливом, я слышала, что только у вас имеется такой оттенок краски фирмы «Пежо».

— Не обязательно фирмы «Пежо», подходят некоторые красители и «Крайслера», и «БМВ», — Ваню просматривает бумаги на столе. — Однако мы сейчас загружены до предела, так что свой автомобиль вы сможете получить обратно только через пять дней. Устраивает?

Итак, все необходимые слова произнесены, контакт состоялся.

— О да, — отвечаю с неподдельной радостью. — Премного вам благодарна. Вы очень любезный, воспитанный человек.

— Благодарите вашу подружку Дороти, — вторил мне Ваню и затем: — Милая и дорогая Дороти, я оформлю это заказ на ваше имя, не возражаете? Чтoб

204

все было по нашим правилам. Договорились? Благодарю вас, дамы, за приятную беседу, но меня ждут неотложные дела.

— Спасибо, милый старикан, — Дороти послала воздушный поцелуй и уже на улице подытожила: — Я же тебе говорила, какой он строгий, но действительно очень любезный, милый, приятный человек.

Через пять дней, когда я появилась в конторке Ваню, чтобы забрать автомашину, мы обговорили условия проведения его следующей встречи с Сепом и он вышел проводить меня. На пути к машине одобрительно заметил:

— Аккуратно работаем.

— Как учили, — в тон ему ответила я.

— Хорошая школа, — улыбнулся Ваню.

— А мои ключи?

— Они в машине.

— Ну, тогда до встречи.

— До свидания и до встречи, — ответил Ваню и повернул обратно.

Открываю дверцу машины, ключи — в замке зажигания, а у ветрового стекла лежит букет алых роз. Ваню! Оборачиваюсь — далеко видна его удаляющаяся высокая, статная фигура. Сразу видать — военная косточка. «Спасибо» — мысленно говорю ему и включаю зажигание.

Сеп

Действительно тяжелые времена наступали для нас, когда в поле зрения спецслужб попадали представители стран Восточной Европы. Словно по взмаху дирижерской палочки включались все средства массовой информации Запада и, не стесняясь в выражениях, захлебываясь от восторга, преподносили общественности далекие от реальности подробности. Печать, смакуя детали расследования, широко комментировала подобные случаи, помещая фотографии обнаруженной специальной техники и радиоаппаратуры. Каждый такой случай использовался для разжигания злобной пропаганды против нашей страны. Как разведчик, работающий за рубежом в условиях «холодной войны», я, естественно, не мог открыто защищать честь и достоинство Родины от очернительства в средствах массовой информации,

205

от порочащих слухов, распространяемых среди населения, хотя внутри все кипело. Приходилось себя сдерживать, не вступать в полемику, но однажды не сдержался.

Помню такой эпизод. Как-то я оказался в сауне в обществе неизвестных мне мужчин. Один из них поднял тему о русских банях. Расписал прелести русской парилки и тут же добавил «клубнички», что, мол, в России женщины и мужчины до сих пор моются совместно.

— Хорошо бы попариться в баньке вместе с русской девочкой, — хихикая, продолжал он, — которая потеряла бы мне спинку, а я бы...

Здесь я, сидевший на верхней полке, не выдержал, нагнулся и посмотрел на брехуна, критическим взором оценил его внешние достоинства и вмешался в разговор:

— Мне кажется, с вашими-то весьма скромными данными вы бы там только наш мужской пол...

Надо было видеть гневный взгляд этого мужчины, брошенный в мою сторону под гомерический хохот присутствовавших.

Но в основном, повторяю, приходилось себя сдерживать и не вступать в полемику. Да и мысли мои в последнее время были заняты подготовкой выезда Ваню в Англию. Говорят: не учи ученого, ибо учить ученого — только портить. Но в данном случае он сам снял возможную неловкость, заявив, что я для него представитель Москвы и он готов выслушивать мои советы и полностью подчиняться моим указаниям.

Вместе разработали «легенду» появления Ваню в Лондоне. Предприятие его настолько солидное и пользуется доброй репутацией, что, мол, возникла идея создания международной организации по ремонту и обслуживанию автотранспорта и бытовой техники для иностранных посольств, то есть распространить свое влияние для начала на подобные службы сервиса в Англии, Франции, ФРГ, а если дело пойдет, то и на Австрию, Швейцарию и Скандинавские страны.

Столь смелый проект захватил воображение Ваню, но он не раз сокрушался: «Ну где же вы были лет десять назад, когда я был помоложе? Почему эта идея не

пришла мне в голову раньше? Я бы действительно провернул такое дело в интересах нашей службы. Ничего, вы найдете кого-нибудь помоложе, и он доведет

206

проект до конца. Мне, главное, проложить первую борозду».

С нашей подачи Ваню стал рассказывать окружению о своих деловых планах, беседовал со знакомыми дипломатами в посольствах, написал соответствующие письма своим контрагентам в Англии, Франции и ФРГ, то есть исподволь готовил почву. Я отработывал с ним условия радиосвязи, освежил его знания морзянки, навыки одностороннего приема, наметил адреса для почтовых сообщений, познакомил с приемами работы службы наблюдения.

Тем временем идея Ваню получила позитивный отклик контрагентов, в том числе в Англии, что нам было крайне важно. Доложили в Центр о готовности Ваню к выполнению задания, и, получив добро, в марте 1963 года он улетел в Лондон.

У меня остались приятные воспоминания от общения с этим обаятельным и серьезным человеком, «последним из могикан» дореволюционной русской разведывательной службы. Оказывается, возможен широкий спектр привлекательных черт в одном человеке. Лично мы больше не встречались, но результативность его работы я постоянно ощущал до последнего рокового дня, когда сотрудники контрразведки МИ-5 ворвались рано утром к нему в дом, застав Ваню за приемом кодированного сообщения. Четыре года этот человек нес нелегкую и опасную службу.

Я задержу ваше внимание только на двух примерах из серии информационных материалов, поступивших от Ваню, причем не технического плана, как, например, о защитном покрытии подводных лодок, размещенных на западе Англии и в Шотландии, или о системе гидроакустических постов на морском дне у побережья Норвегии, которая ведет слежение за передвижением советских подводных лодок. Нет, я коснусь политической информации, документальных данных, которые проливали свет на долгосрочные цели политики Великобритании и способы ее реализации по отношению к СССР и его союзникам по Варшавскому Договору. В частности, был получен полный многостраничный текст секретного документа английской разведки — «Операция «Лиотэ». На заре века маршал Лиотэ — командующий французскими колониальными войсками в Марокко и Алжире — направлялся со свитой во дво-

207

рец. Стоял полдень, нещадно палило африканское солнце. Изнывавший от жары маршал распорядился по обе стороны дороги посадить деревья, которые давали бы тень. «Деревья вырастут ведь только через 50 лет», — заметил один из приближенных. «Именно поэтому, — прервал командующий, — работу начните сегодня же». Тут я не кичусь своими познаниями в истории, данный эпизод приведен в преамбуле к документу. То есть заложенные МИ-6 в операции «Лиотэ» мероприятия, взятые в отдельности, вроде бы малозаметны и несущественны. Но в сумме они должны принести разрушительные плоды через 20 — 50 лет. А развалить предполагалось пакт восточноевропейских государств и, по возможности, дезинтегрировать Советский Союз.

Британская разведка, пожалуй, первой из спецслужб Запада пришла к выводу, что прочность режима каждой в отдельности страны и всего социалистического лагеря в целом держится на общности идеологии, на руководящей роли коммунистических и рабочих партий и на братстве и взаимодействии этих сил. Следовательно, если лишить общества цельной идеологии, заменив красивым суррогатом, если скомпрометировать стоящие у власти коммунистические или

рабочие партии, чтобы они добровольно или вынужденно отказались от руководящей роли, и если перессорить между собой эти партии, чтоб не стало единства, то весь монолит рассыплется. Заметьте, что эти калькуляции, эти прогнозы были составлены в 1953 году! Над тем, какие силы заполнят образовавшийся вакуум власти, англичане не задумывались.

«"Лиотэ" — говорится в документе, — это непрерывно действующая операция, главной задачей которой является выявление и использование трудностей и уязвимых мест... внутри стран советского блока. В ходе операции должны использоваться все возможности, которыми располагает английское правительство, для сбора разведывательных данных и организации мероприятий. Планирование и организация операции поручены специальной группе, возглавляемой представителем министерства иностранных дел, которая создана на основе решения комитета кабинета министров по вопросам коммунистической деятельности за границей, принятого 29 июля 1953 года. Организация работы по

208

сбору и анализу разведывательных данных и их дальнейшему использованию в свете поставленных задач возлагается на "Интеллидженс сервис"».

Эта «непрерывно действующая операция» состояла из трех постоянно повторяющихся циклов: «всасывания», то есть получения данных, «дистилляция» — обработки и искажения добытых материалов до «высшей степени ядовитости», и «излияния» — доведения до нужных адресатов. Прежде всего ценилась информация, которая могла бы служить подрыву престижа правящих партий, парализации деятельности правоохранительных органов, армии и органов государственной безопасности.

И еще одна цитата из проекта «Лиотэ»: «Даже самая незначительная информация, не представляющая при отдельном рассмотрении какого-либо интереса, может, как камешек мозаики, внести значительный вклад в воссоздание общей картины». Далее говорится, что в ход идут слухи и сплетни, искажение исторической правды, сосредоточение внимания только на негативных этапах истории государств восточного блока, постоянное смакование этого негатива. Все это позволит избавить жителей Восточной Европы от патриотических настроений, возбудить недовольство одной группы населения против другой, если возможно, натравливать большинство против меньшинства, поддержать тех, кто находится в оппозиции к законным органам власти, помочь оппозиционерам стать у государственного руля, пока полностью не расстроится способность управлять страной...

Видимо, позднее к плану присовокупили приложение к секретному документу 2279/НВ от 17 февраля 1959 г., в котором конкретизированы основные оперативные цели в отношении государств советского блока. Одна из главных — создать в этом блоке внутреннюю оппозицию против СССР по той же схеме: «всасывание» — «дистилляция» — «излияние», поддержка инакомыслия, затем постинакомыслия и так, видимо, до исчезновения способности мыслить вообще. Читал я этот документ со смешанным чувством недоумения, гнева и возмущения. Неужели подобные идеи рассматриваются на правительственном уровне?

Другой документ — «Меморандум № 5736/G», подготовленный сотрудником МИД Великобритании Фиц-

209

роем Маклиным, был датирован 28 октября 1939 года, и я вначале удивился: зачем Вану прислал архивный материал? Но когда вчитался в документ, то понял, почему на первой странице кто-то от руки сделал пометки: «№ 5736/G закрыт для публики до 2015 года». Меморандум тоже из числа «долгоиграющих», как и операция «Лиотэ», и содержит долговременную программу действий британского

правительства, направленную на дестабилизацию положения в ряде советских республик, расположенных у границ бывших британских владений.

«В Советской Средней Азии и Закавказье», — писал Фицрой Маклин, — следует использовать религиозные чувства, по-прежнему существующие у населения, а также националистические и антирусские чувства, которые могли возникнуть, и ту ожесточенную ненависть, которую должен вызывать к себе нынешний режим во многих слоях населения».

И далее: «Программа, сочетающая в себе такие требования, как независимость от Москвы, либеральная система управления, свобода предпринимательства, собственность на землю для крестьян, свобода вероисповедания, политическая амнистия и в первую очередь возможность обратить ненависть против угнетателей, обязательно будет пользоваться определенной поддержкой населения при условии, что ее шансы на успех будут достаточно убедительными».

Характерно, что Фицрой Маклин служил вторым секретарем посольства Великобритании в Москве в 1938 — 1939 годах, прежде чем был переведен в министерство иностранных дел, где и составил документ № 5736/G. Уволился он с дипломатической службы в 1941 году, добровольцем пошел в армию и в том же году стал членом палаты общин от консервативной партии. Позднее служил в первом особом военно-воздушном подразделении. В 1943 году был сброшен на парашюте на территорию Югославии, находившуюся под контролем Иосипа Броз Тито, где возглавил представительство английской военной разведки. Занимал пост государственного министра в послевоенных правительствах Идена и Макмиллана.

В меморандуме для достижения поставленных целей рекомендуется использовать жителей пограничных районов Афганистана и Ирана, которых практически

210

невозможно отличить от соплеменников, проживающих на советской стороне границы, и которые могли бы «установить контакты с недовольными в Советском Союзе и вызвать волнения на возможно большей территории».

Далее, рассуждая, как Великобритания может противодействовать потенциальной «советской агрессии», английский дипломат высказывает более трезвые оценки: «До тех пор пока ситуация на Ближнем Востоке остается стабильной, а нынешние границы сохраняются в неприкосновенности, подрывные действия против советского правления в Средней Азии и на Кавказе будут нежелательны и почти наверняка непрактичны... Из этого, однако, не вытекает, что ситуация не может в свое время измениться».

В меморандуме утверждается, что повсюду в этом регионе «власть мусульманской религии настолько сильна, что уничтожить ее можно только постепенно», а не проводимой кампанией по искоренению религии. Упомянув о репрессиях и терроре ОГПУ, замечает: «Летом и осенью 1937 года Председатели Президиумов Верховных Советов среднеазиатских республик были устранены по фантастическим обвинениям в «буржуазном национализме», который представляет собой крайнюю форму сепаратизма, и почти во всех случаях их судьбу разделили большинство членов совнаркомов и партийных секретарей», а в этих условиях «препятствия чисто практического характера тому, чтобы нарушить стабильность Советского Союза, представляются настолько значительными, что они почти непреодолимы». Поэтому, считал Маклин, надо готовиться к лучшим временам, которые, мол, придут.

На чем базируется такая уверенность? Во-первых: «Не следует, однако,

исключать возможность того, что мусульмане Средней Азии, Закавказья, а также армяне по-прежнему поддерживают тайные связи со своими братьями по религии за пределами Советского Союза»; во-вторых: «Считается, что еще 10 лет назад таджики в Советском Туркестане имели контакты со своими соплеменниками под руководством Ага Хана на территории Афганистана, а католикос армянской церкви до своей смерти два года назад из своей резиденции в Эчмиадзине руководил армянской церковью всего мира».

Надо использовать эти тайные связи, но для этого

211

нужны базы для проведения операций. Отвергнув в качестве возможной базы Афганистан, Турцию и Иран, Маклин называет китайскую провинцию Синьцзян «самой многообещающей из всех потенциальных баз» но и этот вариант отвергается из-за практической невозможности доставки агентов в саму провинцию». Однако готовиться к лучшим временам надо, поэтому он рекомендует создать структуру, цель которой состояла бы в организации волнений на советских территориях Средней Азии и Закавказья: «Среди лиц, ответственных за осуществление этой операции, должны быть специалисты не только по Персии и Афганистану, но и военные, и государственные служащие, непосредственно знакомые с Советским Союзом... Безусловно, следует активно использовать услуги мусульман Индии, имеющих широкие связи с мусульманским миром, например Ага Хана. Предлагается также использовать английских предпринимателей, проживающих в Иране». Да, по всему сдается, что это меморандум весьма взрывоопасного свойства, раз его засекретили аж до 2015 года. Оба документа ушли в Центр, и, мне думается, их с немалым интересом изучили наши аналитические службы.

Сейчас я думаю о том, что эти два документа в свое время, к сожалению, не были оценены по достоинству политическим руководством Советского Союза, которому они, несомненно, докладывались. Ведь то, что случилось во второй половине 80-х годов — развал СССР и возглавлявшегося им блока государств, и то, что происходит сейчас, — превращение России во второстепенное государство, дальнейшее усиление Соединенных Штатов, ставших единственной в мире супердержавой, и установление мирового порядка по американскому образцу, — было главной целью подрывных операций, разработанных много лет назад в штаб-квартирах разведок Вашингтона и Лондона.

Конечно, мы не настолько наивны, чтобы считать деятельность спецслужб США и Великобритании единственной и главной причиной гибели советского блока и распада СССР. В том, что случилось, в первую очередь виноват сам коммунистический режим, сами кремлевские руководители, которые потеряли доверие общества из-за антинародной политики, длительное время проводившейся ими.

212

Но было бы неправильным совершенно сбрасывать со счетов подрывные операции западных спецслужб, прежде всего ЦРУ и СИС, по расшатыванию устоев Советского Союза и союзных с ним государств, которые проводились настойчиво и целеустремленно в течение длительного времени. План «Лиотэ» и другие ему подобные проекты, несомненно, способствовали поражению Москвы в сорокалетней «холодной войне», в результате чего с политической карты мира исчез коммунистический гигант и его союзники.

Можно только сожалеть, что усилия наших агентов, с риском для жизни добывавших такие важные документы, пропали даром.

Что касается Ваню, то он умел находить «жемчужины» в потоке сведений, отсеивал информационный щебень. Он подобрал ключи даже к государственному

архиву в местечке Кью. Диапазон его интересов был весьма широк. Временами казалось, что он спешит, чтобы многое успеть сделать, чтобы выложиться, пока позволяют годы, здоровье и, конечно, благоприятные обстоятельства. Так продолжалось до середины февраля 1967 года, пока агенты МИ-5 не появились на пороге его дома.

Пресса сразу же, конечно, подняла шум, началась очередная кампания шпиономании, но как-то быстро выдохлась. Из газет мы узнали, что на допросах, когда следователи касались выполняемых разведывательных заданий и старались узнать, кто его направил в Англию и кто снабжал информацией, Ваню неизменно отвечал: «Это, господа, некорректный вопрос».

Сеп и Жанна

Сообщение об аресте Ваню больно отозвалось в сердце, словно речь шла о тяжелой болезни самого близкого родственника. Мы следили по западной прессе за перипетиями этого дела, и — думаем, с нами согласятся — приятно было читать даже в злобной статье такие признания: «Удовлетворение от того, что квалифицированный и профессиональный агент, действовавший под отличным прикрытием и имевший почти неограниченные возможности для того, чтобы причинить ущерб безопасности страны, оказался за решеткой,

213

было омрачено тем, что подлинные его хозяева так и остались неизвестными следствию».

И далее: «Несмотря на то что МИ-5 на протяжении полутора лет вела за ним слежку, разведывательная служба до сих пор не знает содержания шифровок, адресованных, видимо, в Москву, и масштабов ущерба, причиненного им безопасности Великобритании. Контрразведка не смогла схватить его при выполнении актов шпионажа во время поездок по стране и раскрыть шифр, которым он пользовался для передачи и получения важнейшей информации. Русский шпион унес тайну своей, видимо обильной, шпионской деятельности в тюремную камеру после того, как вчера в суде «Олд Бейли»¹ он был признан виновным.»

Другие источники, в частности наша «легальная» резидентура в Лондоне, сообщили, что если бы сотрудники службы безопасности не застали Ваню при приеме кодированного текста, когда ворвались в его квартиру, то он вообще мог и не предстать перед судом, настолько тонко вел работу. Единственно, что еще обнаружила МИ-5 во время обыска в квартире, так это список четырех мест, пригодных для проведения тайниковых операций, составленный, видимо, Ваню. Одним из таких мест оказался бар в Плимуте, получивший кодовое наименование «Грета».

В ходе судебного процесса в «Олд Бейли» инспектор специальной службы Уилмор Хамсли заявил: «Этот человек русского происхождения находился под наблюдением от года до полутора лет, и мы пришли к выводу, что он занимается не только бизнесом». В виду отсутствия серьезных улик контрразведка смогла предъявить Ваню только обвинение в совершении действия, «представляющих собой подготовку к нарушению закона о государственной тайне», и не инкриминировала саму передачу и сбор материалов, которые могли бы нанести ущерб безопасности Великобритании. Срок тюремного заключения был определен в 18 лет. Местонахождение Ваню после суда тщательно скрывалось.

Что еще установила контрразведка? Довольно мало. То, что Ваню по делам бизнеса выезжал во Францию и ФРГ и в 1965 году побывал в Москве и Киеве,

высту-

¹Центральный уголовный суд Великобритании, где обычно слушаются особо важные дела. —

Прим. ред.

214

пая в качестве переводчика делегации лондонских организаций, ведущих борьбу за права советских евреев. Это выглядело вполне логично, так как по прибытии в Англию он занял солидное положение в одной из таких наиболее активно действовавших организаций — в объединении «Совесть».

Здесь мы должны подтвердить, что Ваню в составе делегации действительно приезжал в Москву и эта поездка явилась волнующим возвращением на родную землю после почти полувекового пребывания на чужбине. Добавим также, что он съездил в Ленинград — хотел увидеть город, где прошла его молодость, и в Краснодар — там обошел места былых сражений времен гражданской войны.

Оперативный сотрудник в Москве, встретивший Ваню, сразу узнал его по красочному описанию, сделанному Жанной: высокий, кряжистый российский мужик. Слово «старик» как-то не вязалось с его внешним видом. В облике — достоинство, благожелательность. На первой встрече Ваню минут десять не мог произнести ни слова, настолько сильное волнение охватило его. Он только тряс сотруднику руку, влажными глазами смотрел на него, пока, наконец, не выдохнул:

— Премного благодарен, что поверили в меня. А потом, когда чуть успокоился, тихо сказал:

— Не обращайтесь внимания, это сейчас пройдет. Минутная слабость. Я безмерно счастлив снова побывать в России. — Глубоко вздохнул и перешел на деловой тон: — Давайте работать. Хочу многое успеть.

Поработать предстояло немало. Позиции Ваню в Англии были прочными, и предполагалось передать ему на связь еще одного источника в Плимуте, приобретенного в свое время Гордоном Лонсдейлом. К тому же руководство решило снабдить Ваню портативной радиоаппаратурой, чтобы передавать в Москву срочную и наиболее важную информацию, обучить его пользоваться ею и шифровальному делу.

Отправляясь в Англию, Ваню сказал на прощанье, что сил у него еще много, обстановку в Англии постоянно изучает, заводит новые полезные связи, приглядывается к некоторым возможным источникам информации. Он заверил: «Словом, сиднем не сижу. Обрел, как говорится, второе дыхание. Есть еще порох в пороховницах. Есть огромное желание быть полезным сво-

215

ему народу. Это неправду говорят, что, мол, старый конь глубоко не пашет. При поддержке России и ради нее я еще поборюсь. Ну а если что случится непоправимое, буду держаться до конца».

Порядочность и заботливость в отношениях с источниками информации, с добровольными помощниками и рядовыми бойцами незримого фронта — это, пожалуй, неизменное кредо нашей внешней разведки. Когда человека посылают на трудное задание, откровенно предупреждают и о грозящих опасностях.

И вот арест Ваню, суд и тюремная камера. На чужой земле, вдали от Родины и от своих. Да, Москва помнила о нем и неустанно предпринимала меры, чтобы вызволить его из неволи. Прежде всего пытались выяснить место содержания Ваню, которое англичане держали в строгой тайне. Подключили несколько источников, но приходилось вести поиск чрезвычайно осторожно, чтобы не привлечь внимание контрразведки. Время шло. А пробиться сквозь завесу секретности никак не удавалось. Наконец от одного из источников поступила весть: на следующий день после состоявшегося процесса в суде «Олд Бейли»

сердце Ваню не выдержало пережитых волнений. Он скончался в тюремной камере. К сожалению, место захоронения неизвестно.

Как бывалые «морские волки» находят свой последний приют в морской пучине, так порой и безвестные разведчики-нелегалы за рубежом обретают погребение в море неизвестности: ни венка возложить, ни букета цветов. Памятником остаются разведывательные операции и добытая с риском для жизни секретная информация.

Центру стало известно, что даже после осуждения Ваню МИ-5 не прекратила вести расследование масштабов его работы и поиск людей, которые снабжали разведчика секретной информацией. География следственных мероприятий, проводившихся ранее в пространстве между Лондоном и Плимутом, расширилась и была перенесена во Францию, Бельгию и ФРГ. Но английская контрразведка так ничего и не узнала.

216

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Жанна

Находясь долгие годы за рубежом, мы испытывали все те чувства, что присущи, очевидно, каждому человеку, проживающему на чужбине. И нас, конечно, не миновала ностальгия. Оторванность от дома, родных и друзей особенно остро давала о себе знать в дни наших национальных праздников или семейных юбилеев. Вспоминается телевизионное выступление Сергея Владимировича Образцова, народного артиста СССР, который также говорил о ностальгии, возникавшей у него во время зарубежных поездок, не столь уж продолжительных.

А представьте себе, каким терпением, выдержкой нужно обладать разведчику-нелегалу, годами безвыездно работающему вдали от Родины в личине иностранца. Это, пожалуй, самое тяжкое испытание — испытание обстановкой, где все вокруг чуждо: язык, обычаи, нравы, порядки, даже сама природа, хотя и очень красивая. Естественно, мы не давали этим чувствам разгуляться, да и времени на эмоции оставалось маловато. Мы не замыкались в четырех стенах, внешне жили «как все». Наше солидное положение обеспечивало условия для выполнения разведывательных задач в течение длительного времени. И все же подошел срок возвращения на родную землю. Этот вопрос предварительно обсуждался в Москве в 1962 году, и тогда договорились, что мы поработаем в стране пребывания еще несколько лет. Минуло пять лет, и мы получили указание готовиться к отъезду: «Сепу

... Считаем, что задачи, возлагаемые на региональный узел связи в Западной Европе в лице

217

разведгруппы Сепы и Жанны, успешно выполнены. С учетом этого предлагается завершить оставшиеся необходимые текущие дела по прикрытию и выехать на Родину по согласованному маршруту.

ЦЕНТР»

Скажем откровенно, телеграмма нас радостно взволновала. Наконец-то! Теперь сбросим с себя личину иностранцев и вновь станем самими собою, снимем груз ответственности, вернемся в круг родственников, знакомых и друзей, сможем душевно раскрепоститься, не контролировать каждое слово или жест, свободно вздохнуть и радоваться жизни. Грибоедовские слова: «И дым Отечества нам сладок и приятен» — не просто дань патриотическим чувствам, а

лирика, выстраданная долгим пребыванием на чужбине, где наиболее глубоко ощущается ни с чем не сравнимая привязанность к родной земле.

Конечно, разведчик-нелегал знает, что рано или поздно наступит момент возвращения на Родину, мысленно готовится к нему как к приятному финалу, вознаграждению за все свершенное и пережитое. Но вот телеграмма лежит перед нами — а в душе противоречивые чувства. С одной стороны, радость, подкрепленная высокой оценкой Центром нашей миссии, а с другой — какое-то сожаление, что придется вот так вдруг свернуть разведывательную работу, ликвидировать фирму-прикрытие и социальный статус, созданные непростыми совместными усилиями, навсегда расстаться со страной, где прошла столь значительная часть нашей жизни и которая нам стала близка и понятна. Временами она была к нам сурова (когда мы совершали просчеты). Но это она дала нам гостеприимный приют, за который мы благодарны ей и ее народу. Наши интересы касались НАТО, мы не работали против самой страны, в которой жили, и всегда учитывали это обстоятельство при планировании разведывательных операций.

Разумеется, отъезд следовало хорошо подготовить и убедительно обосновать перед окружением, чтобы не вызвать кривотолков или подозрений. Предстояло с большой тщательностью разработать (в который раз!) подходящую «легенду», распространить ее в ближайшем окружении. В качестве мотива отъезда решили воспользоваться тем обстоятельством, что многие европейцы

218

по разным причинам, а чаще всего в расчете на лучшие заработки, переезжают на жительство в США, Австралию, Канаду, государства Латинской Америки, иногда даже в Африку, и чаще всего их надежды сбывались. Смущало в этой легенде лишь то, что подобные решения принимают, как правило, в более молодом возрасте.

Страной, куда мы якобы намеревались выехать, избрали Австралию. Да-да, раз уж с нее началось наше становление как разведчиков-нелегалов, так пусть на ней завершится и этот этап. Наши аргументы сводились к следующему: Австралию мы теоретически хорошо знаем и можем убедительно рассуждать о перспективах коммерческой конъюнктуры в стране, на этом континенте легче всего затеряться, выбор страны удачно оправдывается рассказами Мориса Добривого о жизни в Мельбурне и не вызовет у него лишних вопросов.

Центр согласился с нашими доводами, и мы стали исподволь готовить друзей, знакомых и деловые связи к возможным переменам в нашей судьбе. Серьезность намерений демонстрировали тем, что письменно обратились в австралийское посольство и попросили прислать различные информационные проспекты, включая эмиграционные анкеты. Полученные из посольства бумаги держали дома на виду, в удобный момент подсунули их Морису, нашему «злому гению», чтобы он наглядно убедился в серьезности намерений.

К нашим планам друзья и знакомые отнеслись по-разному. Одни восприняли более или менее спокойно, другие пытались отговаривать.

— Вы знаете, — говорил один знакомый, — несколько лет назад сестра моей жены выехала с мужем в Аргентину. Они были молоды и полны желания увидеть новое и, конечно, хорошо заработать. Устроились неплохо, но там нужно крепко работать, чтобы жить в достатке. Сейчас очень сожалеют о свершившемся, шлют письма, переполненные тоской по Европе. Я говорю вам все это для того, чтобы вы еще раз взвесили свои шансы прежде чем окончательно решиться.

— Вы не представляете себе все сложности переезда на край света! — говорил другой.

— Вот именно, — пояснили мы. — Если ехать, то только теперь, пока еще чувствуем в себе силы.

— К чему ты, собственно, стремишься? — вопрошал Морис Сеп. — У вас прекрасная вилла, обстановка,

219
машина, вы добились приличного положения. Сомневаюсь, что в другой стране, даже в Австралии, сможете так хорошо устроиться.

— Дорогой Морис, — отвечал Сеп, — раньше ты отзывался об Австралии гораздо лучше: неисчерпаемые возможности, есть где развернуться предпринимателю, чудный климат, нет проблем на рынке труда...

— Ты хочешь сказать, что принял решение под моим влиянием? Я все это говорил, не отрекаюсь, но ты учти — то впечатления моей студенческой юности, а сейчас... Минуло восемнадцать лет, и я стал другим, да и Австралия наверняка изменилась.

— Вероятно, в моем характере есть что-то от предков — вечных скитальцев, — Сеп настойчиво, но мягко продолжал убеждать Мориса. — Вот и я такой же непоседа, как они (по «легенде», известной Морису, родители Сеп в свое время тоже много путешествовали). Меня всегда куда-то влекло, манило. Хочется увидеть новое, испытать себя. Я все продумал и окончательно решил.

Видя, что Сеп тверд в принятом решении, жена Мориса Добриное попыталась повлиять на меня.

— Послушай, милая, ты хозяйка всего того, что нажито таким трудом и любовью. Разве тебе этого не жаль? Неужели ты так легко все бросишь?

— Да, ты во многом права, моя дорогая, — соглашаюсь я. — Откровенно говоря, решаюсь на этот шаг с болью в сердце. Но, понимаешь, не могу перечить мужу...

— Послушайте, у меня идея, — перебивает меня Морис. — Зачем вам продавать виллу и ликвидировать имущество? Можно все устроить иначе. Например, виллу сдадите в аренду, в банке откроете счет и деньги вам будут капать. Вдруг по каким-либо причинам вам в Австралии не повезет, а здесь у вас остается гнездо, куда вы всегда сможете вернуться.

Мудрая голова у нашего «злого гения». Как человек практичный, знающий финансовые дела, Морис здраво оценивал ситуацию. Примирившись в конце концов с нашим твердым намерением уехать, он старался помочь дельными советами. Его резонные соображения заслуживали внимания, если бы мы действительно переезжали в Австралию. В длительных беседах приходилось в чем-то соглашаться с ним, а в чем-то и

220
возражать, отстаивать уже занятую позицию, скрывая истинные намерения. Опасались дать людям повод к возникновению нежелательных подозрений, что стоило, надо честно признать, немало нервного напряжения и усилий.

Первый этап — выход из фирмы Бланкоф. Поскольку госпожа Бланкоф пребывала в почтенном возрасте и не могла самостоятельно вести дела, предложили ей продать магазин, вырученную от ее пая сумму частично положить в банк под проценты, а на остальное приобрести акции, чтобы в дальнейшем получать соответствующие дивиденды. Однако, несмотря на свой преклонный возраст, она не согласилась и попросила подыскать ей нового управляющего для ведения дел на место Сеп, а также служащую на мое место. Просьба мадам Бланкоф прибавила нам хлопот, особенно в подборе добросовестного и знающего дела управляющего. В клубе коммерсантов Сепу удалось найти, вроде бы подходящего кандидата из числа молодых выпускников коммерческого училища. Мы его представили госпоже Бланкоф, которая согласилась после

обстоятельного разговора с ним и консультации с кем-то из друзей. Нового счетовода в бухгалтерию подобрали быстро. Оформление нашего выхода из фирмы не составило больших трудностей. Мы получили наличный капитал, что полагался по договору (т. е. вернули средства, вложенные Центром, да еще с процентами), перевели деньги на личный счет в банке. Сепу пришлось некоторое время поработать в фирме «на общественных началах» (из уважения к госпоже Бланкоф, что ею было оценено должным образом), чтобы ввести в курс дела нового управляющего. Мадам Бланкоф искренне сожалела по поводу нашего отъезда, поблагодарила за совместное сотрудничество, устроила дома в нашу честь прощальный ужин. Расставание прошло в сердечной атмосфере и весьма трогательно.

Занимаясь подготовкой к продаже виллы, мы прежде всего ликвидировали тайник. Его разобрали, металлические детали были по частям выброшены в различные водоемы, все сгораемое — сожжено, а место, где находился тайник, было приведено в первоначальное состояние.

Продажа виллы несколько затянулась, хотя желающие купить ее нашлись сразу. По вполне понятным

221

причинам нам хотелось получить наличными полностью всю сумму, а стоимость виллы и участка на день продажи была значительной, так что на наше требование мог откликнуться не каждый покупатель. Такой, наконец, нашелся — преуспевающий владелец небольшой мебельной фабрики. Вместе с женой он осмотрел виллу и прилегающий участок, остался, видимо, очень доволен, так как изъявил желание приобрести дом и предложил крупный аванс, тем самым закрепив за собой право на покупку. Однако дело купли-продажи усложнилось. Банк, владеющий ипотекой, узнав о нашем намерении продать виллу, заявил, что сделка невозможна без согласия его правления. Сепу пришлось посетить вице-директора банка и объяснить причину вынужденной продажи дома. Правление назначило комиссию из трех представителей, которые, согласно действующим правилам, произвели инвентаризацию-оценку виллы и дали свое положительное заключение о состоянии строения. Иначе и быть не могло, ибо за десять лет проживания мы существенно модернизировали виллу и участок. После этого, по нашему совету, преуспевающий мебельщик вошел в контакт с вице-директором банка и открыл в нем текущий счет, переведя на него часть капитала из другого банка. В этой операции, собственно, и состоял весь фокус: вместо выбывающего клиента появлялся новый, надежный, то есть платежеспособный, в чем и требовалось убедиться банку. Согласие на продажу виллы было получено, и процедура оформления сделки в нотариальной конторе прошла без препятствий.

Следующий этап — распродажа мебели и хозяйственной утвари, что также оказалось делом не простым. Кое-что приходилось отдавать за полцены, а что продать не удалось, раздали знакомым. Покупатель на автомашину (а содержали мы ее в хорошем состоянии) нашелся по объявлению в газете. Он пошел нам навстречу, согласившись оформить продажу и прием ее в удобный для нас момент, что и было сделано в тот день, когда мы перебрались в гостиницу «Олимпия». Вновь совпадение: с этой гостиницы мы начинали командировку и в ней заканчивали формальности с официальными органами при выезде из страны.

Наконец настал день, когда мы в последний раз обошли опустевшие комнаты. Дом с мансардой за низ-

222

кой оградой, находящийся на маленькой тихой улочке, казался уже чужим. А ведь сколько лет он был не только нашим кровом, пристанищем, оперативным штабом и узлом радиосвязи, но и самой настоящей обузой, так как при всей

нашей занятости с утра и до вечера управляться со всем хозяйством было сложно, тем более что мы были по понятным причинам категорически против наемного труда (имеется ввиду садовник или экономка). Много связывало нас с этим домом. Немало тревог и радостей пережито в его стенах. Не счесть воскресных и праздничных дней, когда мы, согнувшись над письменным столом, работали с натовскими документами, делали переводы, готовили очередные радиogramмы для Центра. Сколько их было принято и отправлено! И все это теперь в прошлом... Почти в прошлом. На душе тихое состояние радости и легкой грусти.

В стране мы прожили пятнадцать лет. Срок солидный. За это время смогли ассимилироваться настолько, что с какого-то момента стали уверенно чувствовать себя «своими среди своих». Во всех жизненных ситуациях научились держать себя точно также, как местные граждане. У нас выработались их привычки, черты характера, формы выражения взглядов, эмоций, манеры реагирования на происходящие события — радостные и малоприятные. Это касалось всех сторон повседневной жизни, работы, поведения. Выезжая в другие европейские страны, мы в разговорах с иностранцами высоко держали марку страны пребывания, с гордостью подчеркивали ее привлекательные стороны, широко известные в мире, при любой возможности демонстрировали «свой национальный» патриотизм. В ответ, как правило, встречали адекватное уважительное отношение к себе.

В первую ночь в гостинице «Олимпия» долго не могли уснуть. За окном стемнело, шел дождь, ветер раскачивал на улице светильник, отчего его тусклый свет время от времени вспыхивал на мокром стекле, бросая отблески в глубину комнаты. Мысли уходили то в прошлое, то возвращались к недавнему настоящему. Вспоминались расставания со здешними друзьями, думалось о предстоящих встречах в Москве.

223

Сеп

Чем ближе подходило время возвращения на Родину, тем чаще я вспоминал свой дом и своих близких. Вот и сейчас, в эту бессонную ночь, я предался воспоминаниям о своей последней побывке в Москве. Центр тогда предоставил мне возможность съездить на несколько дней домой к отцу, которого я не видел более пяти лет. За эти годы от него окольными путями доходили скупые вести: жив, очень скучает и просит скорее возвращаться, а то не ровен час уйдет из жизни, не повидавшись с сыном... В своих редких письмах сестра Оля делилась трудностями воспитания дочери Люды, студентки медицинского института, писала, что скучают и ждут моего скорого возвращения.

В тот раз отца застал со смешанным чувством радости и тревоги. Он заметно осунулся, волосы поредели, стал шаркать ногами, глаза заметно потускнели, утратив прежний блеск, едва виднелись из-за густых светлых бровей. В его взгляде читался извечный вопрос: «Как, сынок, насовсем или опять туда?..» О моей работе он не спрашивал, видимо, понимал важность дела, лишь сокрушенно заметил: «У тебя дело государственное, важное, не моего ума...»

Мы долго вспоминали пережитое за эти годы. Говорили о прошлом, которое в человеческой памяти всегда лучше и радостнее, чем оно было когда-то в действительности. На следующий день посетили могилу мамы, скоропостижно ушедшей из жизни несколько лет тому назад. Там, стоя у ее могилы, я попросил прощения, что не смог выполнить сыновний долг и проводить ее в последний

путь. В памяти возникли далекие годы детства и образ мамы, простой русской неграмотной крестьянки с доброй душой и отзывчивым сердцем. Уезжая, я обещал отцу скоро вернуться, просил не беспокоиться и беречь себя. Расставание было тягостным и грустным. Отец крепился, но, когда мы обнялись, я почувствовал, что у него задрожали плечи. Сестра время от времени прикладывала платок к глазам. Я утешал их, как мог, хотя и мне было тяжело. Мелькнула мысль: «Хотя бы продержался еще несколько лет до моего возвращения». Но судьба распорядилась иначе. В один из мартовских дней 1965 года Жанна, расшифровывая только что принятую радиотелеграмму,

224

неожиданно расплакалась. Я забеспокоился, сердце учащенно забилося, и с тревогой в голосе спросил: «Что-то случилось неладное?». Первая, полоснувшая острым ножом мысль: «Неужели что-нибудь произошло с отцом?» И действительно, в телеграмме сообщалось прискорбное известие о кончине отца, и я вновь, как и тогда с мамой, не смог бросить прощальную горсть земли в его могилу. Перед глазами стоял образ отца, человека тяжелой, рабочей судьбы, строгого и чрезвычайно честного. Он любил справедливость и ненавидел ложь. Меня в мальчишеские годы приучал к правде и нередко наказывал, иногда даже ремнем, когда я не признавался в совершенном проступке или выкручивался.

Однажды, по навету соседки, он строго наказал меня, но позднее, узнав о моей непричастности к случившемуся, повинился передо мной, подростком, в своей неправоте. Для меня он всегда был примером прямолинейного, чуткого, человека дела и слова. Он никогда не употреблял алкоголя и табака. В семье были порядок и взаимопонимание, а авторитет отца был непререкаем.

Рассуждения о превратностях судьбы впервые навели меня на мысль: «Что произойдет с разведчиком-нелегалом, живущим под чужим именем и национальностью, в случае его внезапной смерти вдали от Родины? Как его тело доставят домой?» Вопрос не праздный, но точного ответа у меня нет, однако убежден, что и в этом случае служба не останется безучастной.

Здесь у меня в памяти всплыло происшествие, которое могло кончиться для нас печально, но, к счастью, мы отделались только испугом и досадой. Произошло это во время одной поездки на автомобиле в Италию. Следуя по дороге, ведущей вдоль Фирвальдштетского озера в Швейцарии, в один момент я решил на ходу закурить. Прикуривая сигарету, я несколько ослабил внимание. Впереди внезапно вырос крутой поворот. Желая уменьшить скорость, я резко нажал на тормоз, и в этот момент машину занесло вправо. Она с грохотом ударилась бампером о столбик ограждения и, на счастье, остановилась. Когда мы вышли из машины и посмотрели вниз со скалы, которая отвесно уходила в озеро, прозрачная темно-голубоватая поверхность которого чуть колыхалась у гранитных берегов, нам стало не по себе от мысли, что, если бы машина упала в воду,

225

смерть была бы неминуемой. И вряд ли бы Центр что-либо узнал о нашем внезапном загадочном исчезновении. Урок нам был преподан хороший: в швейцарских горах во время езды за рулем машины никогда не кури и не отвлекайся!

Разведчику-нелегалу, возвращающемуся на Родину, наибольшее душевное волнение доставляет расставание со своими помощниками-иностранцами, агентами, доверенными лицами, которые долгие годы делили с нами радость успехов и горечь неудач. Ничто так не сближает людей, как совместно пережитая опасность, высокая цель служения и осознание исполненного долга. Задача моя вроде бы простая: законсервировать источники информации, обговорить с

каждым условия восстановления контакта в будущем, когда кто-то, я не знаю кто, пойдет по моим следам и ключевыми словами вновь оживит цепочку, от которой незримыми каналами потечет в Москву важная информация. Но не просто сказать боевому другу: «прости-прощай», я, мол, уйду, а ты остаешься на передовой и понимай это правильно. Нет, здесь нужны особенные, идущие из глубин души и сердца слова, вызывающие ответный порыв.

Трогательным прощание было с Лимбом, связавшим свою судьбу с нелегальной разведкой на долгие годы. Пригласил его на ужин в знакомый ресторан, который находился в тихом, уютном аристократическом районе столицы. Встретились вечером, выбрали укромный столик — по-соседству никто не сидел, лишь в противоположном конце зала мужская компания играла в карты.

Лимб шутил, живо рассказывал о своих делах и заботах, делился новостями. Он вообще был приятным и эрудированным собеседником. Я поддерживал дружеский тон беседы, старался вести себя непринужденно, хотя меня волновал и тяготил предстоящий разговор. После ужина предложил прогуляться.

— Дорогой друг! Как мне ни тяжело, но должен сказать, что наша с тобой сегодняшняя встреча — последняя, — начал я как можно мягче. — Но это не значит, что наша служба совсем расстанется с тобой.

— Да-да, понимаю, — тихо промолвил Лимб, выжидая устремив на меня взгляд. — Я как-то сразу

226

почувствовал, что сегодня должно что-то случиться.

— Ты во многом нам помог, и я уверен, что и в дальнейшем останешься с нами. Не так ли?

Лимб утвердительно кивнул головой и твердо ответил:

— Да, на меня вы всегда можете рассчитывать. Обговорили линию поведения Лимба после моего

отъезда и условности на случай восстановления с ним связи в будущем. Некоторое время шли молча. Редкие фонари тускло освещали безлюдную аллею. Вечер оказался пасмурным и холодным, но мы этого не замечали. Как Лимб ни бодрился, все же чувствовалось, что расставание он воспринял тяжело. Похожие чувства испытывал и я. Это действительно была моя последняя встреча с этим замечательным человеком, искренним другом нашей страны.

И вот мы несколько секунд смотрим молча друг другу в глаза.

— До встречи, — тихо говорит Лимб, — я обязательно приеду в Москву.

С каждым шагом, не оглядываясь, мы удалялись друг от друга, пока не растворились в темноте. Кто из разведчиков переживал такое, поймет мое душевное состояние в тот момент. Надо отметить, что Лимб сдержал свое слово. Через год он с женою приехал в Москву на праздник «Проводы русской зимы».

На прощальную встречу с другим источником я выехал рано утром. Покружив около часа в пригородах столицы, направился на шоссе, ведущее на запад. Вскоре прибыл в небольшой, по-европейски уютный городок.

Запарковал машину недалеко от собора, неторопливо вышел, постучал ногой по передним колесам, проверяя упругость шин, а на самом деле для того, чтобы незаметно осмотреться, затем медленно направился в сторону парка. День был воскресный, ясный и теплый, что располагало к хорошему настроению. Однако на душе у меня было грустно: предстояло в последний раз встретиться с Бригом.

Расставаться с близким человеком всегда трогательно и грустно. Вдвойне тяжело покидать боевого товарища, с которым долгие годы в условиях глубокой конспирации, подвергаясь опасностям, работал плечом к плечу в одной связке.

Мы привыкли друг к другу, и между нами со временем возникли полное доверие

227

и дружба. Поэтому, подходя к месту встречи на аллее парка, меня более всего тревожила мысль, как он воспримет это сообщение.

Как обычно, Бриг встретил меня радушно. На его слегка загорелом лице играла мягкая улыбка. Непринужденно, разговаривая, мы направились в укромный уголок и опустились на одинокую скамейку. После разговора на бытовые темы и обсуждения вопросов международной политики перешли к деловой части. Как всегда, он передал мне секретную информацию в письменном виде и кратко охарактеризовал ее устно. Затем сообщил, что у него вскоре предстоит служебная поездка в Англию, в ходе которой он мог бы осторожно навести справки в отношении Ваню и его нынешнего положения. Обсудив этот вопрос, я под конец сказал, что у меня с ним сегодня последняя встреча и, если он не возражает, связь с ним будет поддерживать другой товарищ. Мои слова оказались большой неожиданностью, он заметно сник, но, быстро овладев собой, ответил:

— Покажется странным, но я как-то никогда не задумывался, что однажды может наступить момент расставания. Я искренне сожалею... Ведь мы столько лет работали вместе.

— Такова жизнь, дорогой друг. Мне предстоит новая работа. В знак дружбы и уважения мне бы хотелось преподнести вам памятный подарок. Не откажите его принять, — с этими словами я вынул из кармана небольшую коробочку в магазинной упаковке и передал ему.

— Вы позволите мне взглянуть на содержимое? — растроганно спросил Бриг. Когда он открыл коробочку и увидел золотые запонки с драгоценными камнями, по лицу его скользнула благодарная улыбка. Мы встали. Он крепко пожал мне руку и сказал:

— Огромное спасибо. Эти запонки всегда будут напоминать мне о нашей дружбе. Коль эта наша встреча последняя, я позволю себе пригласить вас на обед. Вы располагаете временем?

— Прекрасная идея. К тому же и время обеденное, но давайте завершим дела.

Мы подробно обговорили условия связи, после чего направились в ресторан, владельцем которого оказался местный житель итальянского происхождения. В скром-

228

ном зале, со вкусом оформленном в итальянском стиле, из музыкального автомата журчала легкая музыка. Мы заняли столик на двоих около окна с видом на площадь. Хозяин оказался щедрым и, подбирая нам итальянские вина, продемонстрировал свой безукоризненный вкус. Мы остановились на бутылке фраскатти. Обед получился на славу — не какой-нибудь «а ля фуршет». В заключение хозяин предложил нам фирменное кофе «капуччино». Это чисто итальянский напиток — обычный кофе со взбитыми горячими сливками. Рецепт его придумали итальянские монахи, потому и название в переводе означает «монашеский». После краткой прогулки мы дружески попрощались, пожелав друг другу успехов в работе и жизни. Обратного возвращались каждый своим путем.

Теперь нам оставалось только снять остаток денег с банковского счета и приобрести авиабилеты. Проще всего, конечно, было бы взять билеты до Сиднея, лишний раз подтвердив легенду, что мы уезжаем в Австралию. Но в этом случае большая сумма средств Центра тратилась бы впустую, чего мы допустить не могли. Взяли авиабилеты до Рима.

В канун выезда в последний раз вышли побродить по торговым улицам, хотя

день выдался ненастным: небо заволочили низкие, плотные тучи, было зябко и неуютно, как будто сама природа оплакивала наш отъезд. Дождь со снегом кончился, деревья шумели, стряхивая с ветвей на тротуар крупные, прозрачные капли. Мы хотели проститься со столицей, ибо понимали, что здесь нам больше побывать не придется. Проходя мимо коммерческого банка, увидели Мориса Добриное, стоявшего перед выставленной в витрине таблицей. Вытянув свою крупную голову вперед, отчего он казался еще более сутулым, архитектор внимательно изучал котировку валют и курс акций. Поворачивать обратно или переходить на другую сторону улицы было поздно, это могло выглядеть как бегство. В полном молчании, идя под руку в том же темпе, прошли за его спиной. Дошли до конца здания, свернули за угол и вошли в универмаг, где затерялись среди покупателей. Встречи с Морисом мы менее всего желали. Можно себе представить, в каком бы неприятном положении мы оказались. Ведь он непременно поинтересовался бы датой отъезда, захотел бы взглянуть на австралийские

229

визы в наших паспортах и на авиабилеты, задал бы кучу вопросов по поводу того, почему летим только до Рима, затеял бы разговор о наших деньгах в банке и, возможно, пожелал бы проводить в аэропорт. Все это было нам ни к чему. К нашему счастью, Морис не заметил нас.

Утром такси умчало нас в аэропорт. Лайнер взмыл в воздух, за пеленой облачности скрылись очертания столицы. Все волнения, казалось, были позади, но мы продолжали играть роль местных граждан, ведь нам предстояло еще пересечь несколько границ, и кто даст гарантии, что на каком-либо отрезке пути нам не повстречается кто-либо из нашей прошлой жизни. С другой стороны, как показывает опыт, на пути к родному дому случается, что у Центра возникают срочные задания в промежуточной стране. Поэтому расслабляться нельзя.

Рим встретил нас щедрым солнцем. Перебрались из аэропорта на Центральный железнодорожный вокзал и вскоре заняли купе в прославленном Агатой Кристи «Восточном экспрессе». Казалось, вот-вот пройдет по вагону знаменитый сыщик Эркюль Пуаро и пригласит пассажиров в вагон-ресторан на разбор очередной темной истории, связанной с убийством. К счастью, ничего такого не произошло. Видимо, подобные злоключения случаются на обратном пути, когда экспресс отправляется из Стамбула. Так, по крайней мере, у Агаты Кристи.

Однако острых моментов нам тоже избежать не удалось, хотя и по другому поводу, но также связанному с экспрессом. Дело в том, что знаменитый комфортабельный «Восточный экспресс» выбился из графика: повлияли снежные заносы. В Софию, где нас должны были встречать, поезд пришел с большим опозданием, глубокой ночью. Вышли мы из вагона, ищем глазами, где встречающие, но платформа быстро пустеет — и никого! Подхватили чемоданы и «как простые инженеры» пошли отлавливать такси, которое отвезло нас в гостиницу «Плиска», где мы переночевали. Я не удержался и на утро купил в киоске газету «Правда» — ведь мы почти уже дома и конспирацию можно немного нарушить.

— Боже! Как тут написано? — с изумлением воскликнул я, пробегая глазами по заголовкам статей. —

230

Глаголы стоят не на своем месте, да и в падежных окончаниях путаница...

Но тут же спохватился: так это же я отвык от родного языка. Невероятно!

Решили воспользоваться данным нам заранее номером телефона, но и здесь ждало разочарование. Были выходные дни, и на другом конце линии никто

трубку не поднимал. Отправиться в наше посольство мы не можем, так как являемся «иностранцами». Еле дождался понедельника — так душа стремится в Москву, домой, — снова к телефону, связался с кем надо, произношу обусловленные фразы, а сам волнуюсь. На другом конце телефона, чувствую, радость: наконец, мол, нашлись.

Через несколько дней самолет иностранной авиакомпании приземлился в аэропорту Шереметьево. Здравствуй, долгожданная Москва! Теплая встреча товарищей, крепкие объятия, поцелуи, смех. День выдался ясным и солнечным, легкий морозец румянил щеки. Едем по столичным улицам на черной «Волге», любуемся новостройками, приметам нового, куда-то спешащими москвичами (хочется к каждому подойти и пожать руку, сказать, что вот, мол, вернулся домой). От всего веет чем-то волнующе знакомым, родным и близким. Здравствуй, Родина!

В квартире, куда нас привезли, было тепло и уютно. В небольшой светлой комнате ожидал празднично приготовленный хозяйкой овальный стол, накрытый белоснежной скатертью. Различные закуски, высокой марки коньяк и вина. И все это по случаю нашего приезда. Несмотря на зимнее время, Жанне преподнесли большой букет красных гвоздик. Кроме товарища, который нас встретил в аэропорту, в комнате находился еще один человек, нам незнакомый. Оказалось, что это он в свое время выходил на визуальные контрольные встречи, не вступая с нами в контакт. Предложили располагаться здесь, как у себя дома, и пока отдыхать, а все деловые разговоры начнутся завтра. Подняли бокалы за наше благополучное возвращение. Во время оживленной беседы один из товарищей в шутку спросил:

— Чего бы вам сейчас больше всего хотелось? Немного подумав, я с жаром воскликнул:

— Мне бы хотелось прежде всего попариться в московских «Сандунах» и съесть тарелку настоящих русских щей.

231

Все весело рассмеялись.

— А я бы желала позвонить тете, Варваре Михайловне, и порадовать ее своим возвращением, — с трудом произнесла Жанна, подбирая слова.

— Ваше желание вполне понятно, но сейчас еще не время, — пояснил оперработник. Вы оба, как это заметно, здорово подзабыли русский язык. С недельку погуляйте по Москве, окупитесь в народ, привыкнете к языку, а там можно будет и к тете.

Никогда, кажется, за все последние годы я не спал так крепко, как в эту первую ночь на родной земле после долгой разлуки.

Сеп и Жанна

Как догадался читатель, из аэропорта мы направились на «промежуточную» квартиру, где нам предстояло пройти период акклиматизации, выхода из роли иностранцев и перехода в естественное состояние. Нельзя после долголетнего проживания за рубежом просто так «снять» разведчика-нелегала с поезда или самолета и доставить родным и знакомым: с десятков различных деталей в манере поведения, экипировке, разговорной речи или в багаже прибывшего раскроют близким, что он был не в ГДР, на Кубе или в Монголии, как их убеждали все эти годы, а где-то в иных точках земного шара. Начнутся ненужные вопросы, расспросы, недоуменные пересуды с соседями.

Чтобы таких неприятностей избежать, предусматривается период адаптации.

Один нелегал, по «легенде» для родственников и знакомых, долгие годы провел в Арктике, на Крайнем Севере. Так прежде чем «отпустить» к родным, его снабдили всеми атрибутами полярной экзотики: унтами, шубой, шапкой, противосолнечными очками, оленьими рогами (иностранные вещи и предметы оставлены на временное хранение), посадили в промежуточном аэропорту на соответствующий авиарейс и в таком экзотическом виде он предстал перед встречающими в аэропорту Домодедово. С течением времени «экзотика» вернется на склад, а личное имущество, приобретенное за рубежом, перейдет к владельцу, как, мол, случайно купленное уже в Москве.

По идее мы прибыли в Москву после долголетней

232

работы в Группе советских войск в ГДР и, следовательно, в таком облике и соответствующей экипировке должны были появиться перед нынешним своим ближайшим окружением. Пока товарищи занимались этими хлопотами, мы, счастливые, бродили по московским улицам, удивлялись и радовались, шутили и смеялись, «оттаивали» постепенно от суровых будней режима нелегального положения за рубежом.

А в это время в рабочем кабинете подготавливалось заключение по итогам нашей работы в долгосрочной командировке. Все заново просматривалось и анализировалось: наши первые сообщения о готовности радиоканала связи с Центром, период пребывания «под колпаком» спецслужб, поездки в сопредельные страны для восстановления контактов с законсервированными источниками, проникновение в планы ЦРУ по контролю с помощью психотропных средств над сознанием, поведением и умственными способностями человека, известными под названием проект «МК — Ультра», и так далее.

Тут можно, пожалуй, привести некоторые цифры: за время нашего пребывания в зарубежной командировке было проведено не менее 300 конспиративных встреч, состоялось около 200 радиосеансов с Москвой, по другим каналам мы переправили в Центр примерно 400 важных секретных материалов.

Однако в сухих строчках оперативного документа не полагается давать волю чувствам, подобно хоккейным болельщикам выражать одобрение нечто похожим на «молодцы!»; нет, все должно быть тщательно выверено и взвешено. С учетом достигнутых конкретных информационных результатов, принимая во внимание приобретенный опыт и полную зашифровку по прикрытию, руководство сочло целесообразным оставить нас в действующем резерве для работы в особых условиях, то есть рассматривать кандидатами для очередной командировки за рубеж в качестве разведчиков-нелегалов.

За результативную работу, проделанную в период длительного пребывания в особых условиях за границей, Сера наградили орденом Красного Знамени, а Жанне вручили ценный подарок.

Иногда задумываемся над явлением, которое характерно для нелегальной разведки, — и от него никуда не уйти. Поводом к осмыслению послужила реплика

233

одного разведчика старшего поколения, который во время войны работал резидентом в Токио. И вот что он сказал: «У меня людей калибра Зорге в Токио было пять человек. Но Зорге арестовали, а эти люди еще десять лет после войны работали на нашу страну. Сейчас все говорят о Зорге, а об этих сотrudниках, тоже настоящих героях, мы молчим, должны молчать, пока время не пришло».

Вот так и мы обет молчания смогли нарушить только четверть века спустя...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сеп и Жанна

В судьбе каждого человека наступает момент, когда становится возможным заявить: главная жизненная цель достигнута. Для ученого это может быть крупное открытие, для писателя — широкое признание его литературного таланта, для артиста — триумф на сцене или в кино. Одни становятся популярными, даже знаменитыми, другие, а их подавляющее большинство, ждут своего признания, оставаясь малоизвестными. Знают их лишь родные, близкие друзья, кое-кто из окружения по работе. А что считать вершиной деятельности разведчика? Например, Дмитрия Быстролетова, Рихарда Зорге, Николая Кузнецова, Рудольфа Абеля и Конона Молодого? Добытую ценнейшую информацию, выполнение важного задания, мужественное поведение в застенках противника? В чем заключается их конкретный подвиг? Непростые вопросы.

Сейчас, с дистанции прожитых лет, скрупулезно осмысливаешь пережитое, анализируешь собственную судьбу разведчика-профессионала и, конечно, ставишь перед собой эти же беспокойные вопросы. По нашей оценке, мы в меру сил скромно выполняли порученное дело. И на это ушла вся жизнь... Где-то в других странах также внешне неприметно трудились и трудятся другие наши коллеги, разведчики-нелегалы. Для них разведка — главное содержание и смысл всей жизни.

Эти строки пишутся в начале 1994 года. С того времени, когда мы работали за рубежом, многое изменилось в мире и в нашей стране. Раскрепощается общественная мысль, сознание людей. Идет переоценка исторических событий, явлений и фактов. Признан ав-

235

торитет общечеловеческих гуманистических ценностей. Мы стали больше знать о нашем прошлом, как о давнем, так и вчерашнем.

В этой новой обстановке, естественно, проявился повышенный интерес к деятельности органов государственной безопасности, внешней разведке и ее роли в поддержании мирного международного климата, о чем прежде люди знали крайне недостаточно. По жизненной логике, серьезный общественный интерес подлежит безусловному удовлетворению. Поэтому, видимо, естественно, что на эти темы появились многочисленные публикации, которые очень различны по подходу и позициям авторов. От серьезных, профессиональных, убедительных публикаций до материалов очень легковесных, дилетантских, подчас неприязненных и очернительских.

Не считаем уместным затевать дискуссию с отдельными авторами, поправлять их малокомпетентные суждения, оценки и выводы. Скажем лишь, что ничего нового отечественные недоброжелатели не придумали. Все это уже было и продолжает сохраняться за рубежом. Там мы вдоволь наслушались и начитались всякого рода небылиц и тенденционных статей, сногсшибательных сенсаций о «злодействах советских шпионов» и прочих «кознях» Москвы, о чем выше поведали читателям. Может быть, наша книга поможет таким авторам серьезнее и ответственнее подходить к теме, реальнее представить механизм взаимодействия разведки с внешнеполитическими органами и возможную роль разведчика в условиях обострения международной обстановки. В июле 1990 года в телепрограмме «На службе Отечеству» мы выступили по Центральному телевидению. Коротко рассказали о себе, о нашей зарубежной командировке.

Кажется, мы были первыми из числа разведчиков-нелегалов, появившихся перед столь широкой аудиторией. Насколько нам известно, многими это выступление было воспринято с интересом, последовали телефонные звонки зрителей, письма, в которых содержались вопросы, на которые отвечаем в послесловии. Приятно было, что нас даже узнавали на улице, высказывали немало добрых слов и теплых пожеланий. Значит, не прерывается связь поколений, живет в народе вера в необходимость и компетентность внешней разведки, в ее безвестных сотрудниках, которые далеко

236

от России с думой о ней несут эту нелегкую службу на дальних подступах к родным рубежам.

Лишь однажды, как рассказал знакомый журналист, двое молодых парней выразили удивление по поводу нашего возвращения домой. По их мнению, нам было бы лучше остаться там, где мы имели хорошие условия жизни: свой собственный дом, машину, престижную работу, добились прочного положения в обществе. Это суждение молодых людей нас очень оскорбило. Ответ напрашивается сам собой: здесь наша земля, здесь могилы наших родителей, здесь наш дом, где мы родились, учились и выросли, здесь наши соотечественники. Кроме того, мы оба русские и Русь — наше Отечество, а это главное в жизни каждого любящего свою Родину человека, не страдающего комплексом космополитизма. Родина всегда одна! Тургенев был прав: «Без каждого из нас Родина может прожить, но любой из нас без Родины прожить не может».

Жанна

Так уж сложилось, что разведывательная работа стала в основном мужской профессией. Это, с одной стороны, пожалуй, справедливо. Раз они, мужчины, — «сильный пол», то пусть и рискуют больше и сами несут тяготы и невзгоды, связанные с этим занятием.

Если обратиться к прошлому, то обнаружится, что история сохранила имена в основном лишь мужчин, которые тем или иным образом приобрели известность на поприще разведки. Правда, в их ряду называют и немногих женщин, например голландку Маргарет Целле, более известную как Мата Хари. Но она, по утверждению некоторых авторов, не совершила и малой доли того, что ей приписывалось. Фактом, однако, является то, что женщин нередко привлекают к разведывательной работе и таким опытом наша разведывательная служба располагает.

В последнее время уже названы некоторые имена наших разведчиц — Зоя Рыбкина-Воскресенская, Ирина Акимовна, Мария де Лас Эрас и Рут Вернер, но пока ими или о них у нас написано досадно мало, и читатель, живо интересующийся историей и практической стороной деятельности нашей разведки, остается ущербно

237

обедненным, не получая необходимой информации. Хотелось бы надеяться, что этот пробел будет заполнен. Заявить, что в разведку я пошла по зову сердца, очень стремилась попасть на эту службу, не могу, ибо в юности не имела о ней ни малейшего понятия. Все мои девичьи мечтания были связаны с получением хорошего образования, и я отважилась с этой целью приехать из провинции в Москву, к родственникам. Из всех школьных предметов больше всего любила химию, математику и преуспевала в них. После окончания десятилетки стала работать в Наркомфине СССР. И тут последовал неожиданный перевод в органы

госбезопасности. Началась совершенно новая для меня сфера деятельности.

Я стала постепенно познавать суть, вникала в детали, приступила к изучению иностранных языков. Перенесенные в годы войны трудности послужили выработке определенных волевых качеств, становлению характера, а главное — формированию убежденности в том, что и мой скромный труд даже в должности секретаря отдела контрразведывательного управления МГБ тоже нужен. На практике убедилась, что в интересах выполнения оперативной задачи я научилась преодолевать еще сохранившуюся робость, скованность, окрепла уверенностью в собственных силах. Вероятно, накопленный к тому времени жизненный опыт и предопределил мое решение согласиться с предложением о переходе из контрразведки во внешнюю разведслужбу, причем в подразделение, которое занималось разведкой с нелегальных позиций. При этом я уже была способна осознать, что данная работа будет связана с риском, физическими и психологическими перегрузками, что жизнь будет полна тревог и напряженной деятельности. Меня часто спрашивают, правильно ли вообще, что женщин привлекают к делам разведки, а еще прямолинейнее — зачем они нужны разведке? У меня, наверное, есть некоторые основания судить о месте и роли современной женщины в разведывательной службе. Работая над этими воспоминаниями, я постоянно думала о моих будущих читательницах. Испытывала немалое волнение в ожидании того, что скажут они о нашей книге. Кто-то, видимо, согласится со мной, поймет порыв молодости, связавший меня пожизненно со службой в разведке. Другие, возможно, не одобрят

238

этот выбор или вообще останутся равнодушными. Кто-нибудь меня пожалеет... Все это вполне понятно: сколько людей, столько и мнений. Мои суждения на тему «женщина и разведка», естественно, ограничены собственным опытом, личным оперативным кругозором; уверенно могу говорить лишь о работе, аналогичной нашему случаю, когда муж и жена совместно находятся, по профессиональной терминологии, на «особом положении». Конечно, эта не вся разведка. И вот после такого вступления осмелюсь заявить и даже утверждать, что женщине в разведке принадлежит заметная роль.

Еще раз хочу подчеркнуть, что выражаю здесь только свое личное мнение, не исключаю, что могут существовать и иные точки зрения.

Полагаю, что задача, которую мы выполняли за рубежом, могла быть поставлена только перед супружеской парой. С трудом представляю себе, как разведчик-одиночка, мужчина, мог бы создать условия для обеспечения регулярной связи с Центром на протяжении длительного периода. Работа вдвоем гарантирует большую безопасность при проведении разведывательных операций. Здесь точно по пословице: «Один ум — хорошо, а два — лучше». Десятки и десятки раз у нас с мужем возникали ситуации, когда по одному и тому же вопросу могли быть приняты различные решения. В поисках оптимального варианта нередко возникали дискуссии, даже споры. В конечном итоге всегда приходили к согласию и принимали, видимо, наиболее верные решения. Во всяком случае, за все время мы не допустили серьезных оплошностей.

Муж и жена — это уже коллектив. Поэтому есть возможность распределить обязанности в зависимости от того, кому какое дело «сподручнее», помогать друг другу. Так, работа с тайнописью требует длительной сосредоточенности, внимания, большой аккуратности. У меня она получалась лучше, чем у мужа. На мне лежала техническая подготовка информации и оперативных сведений в Центр. Я взяла на себя большую часть обязанностей по подбору тайников, проведению операций по закладке и изъятию материалов. Очень важно

постоянно чувствовать локоть надежного, близкого друга. Возрастает уверенность в действиях, всегда есть возможность откровенно высказать свои мысли, поделиться сомнениями, переживаниями, будучи убеж-

239

денной, что встретишь полное понимание. Отсутствие этого ложится тяжелым бременем на психику каждого разведчика, работающего в одиночку.

Во многих случаях я подстраховывала Сепу на пути следования по маршрутам. Мы вместе проверялись, нет ли за нами слежки. Вдвоем это делать удобнее. После встреч, как правило, полученные материалы на всякий случай переносила я, когда мы возвращались домой. Здесь невольно приходит в голову мысль, что если бы у Конона Молодого была подобная поддержка, то он наверняка сумел бы своевременно выявить наружное наблюдение британской контрразведки.

Как уже упоминалось, с рядом знакомых мы поддерживали довольно тесные дружественные отношения. Каждый из них рассматривался и изучался нами как бы с двух позиций, в разных ракурсах. При этом что-то чисто женское было недоступно мужу, и наоборот. Получавшаяся сумма знаний помогала практически безошибочно определять, с кем мы имеем дело. Такой подход очень помог при общении с семьей Мориса Добриное, особенно в то время, когда нас активно изучали спецслужбы.

Мне думается, что в принципе контрразведывательные органы гораздо пристальнее, с большей подозрительностью относятся к мужчинам, чем к женщинам. Это мы ощутили на себе, когда в течение ряда лет находились «под колпаком». Может быть, это и не совсем так, но мы, тем не менее, ориентировались на эту посылку при выполнении некоторых заданий.

При характерной на Западе корректности во взаимоотношениях к женщине все же проявляется большее внимание, часто искусственное, но все равно благосклонное. Особенно, конечно, со стороны мужчин. Когда нам нужно было навести какие-либо справки в государственных учреждениях, чаще туда обращалась я. Как уже подмечено, женщине и растолкуют поподробнее, и ответ дадут пообстоятельнее.

В связи с этим вновь вспоминается случай, когда было необходимо установить местоживание одного человека, интересовавшего Центр. Приехав в нужный город, я без особого труда нашла городскую префектуру, при которой имелся адресный стол. Заполнила формуляр с указанием данных на разыскиваемое лицо и оплатила стоимость па тарифу. Пожилой служащий

240

без лишних слов, даже не посмотрев на меня, взял формуляр и удалился. Немногочисленные посетители держались обособленно, занятые своими делами.

Первичные поиски результатов не дали, проживающим там, где предполагалось, этот человек не значился. Это меня удивило, и я настойчиво, даже настырно, просила проверить еще раз, дав понять, что для меня это очень важно.

— Вы что, сомневаетесь в правильности ответа? — недоуменно взглянул на меня клерк.

— Как вам сказать... Посмотрите, пожалуйста, еще раз. Мне очень нужно найти его.

— Скрылся? Не хочет алименты платить? — сокрушенно качая седой головой, участливо спросил служащий.

В первый момент я внутренне возмутилась: «Кто скрылся? Какие еще алименты?», но быстро сообразила и молча, в знак согласия, кивнула головой. Такой сентиментальный аргумент подействовал, и чиновник удалился.

В ожидании ответа я села в сторонку к столику и стала просматривать лежащие там журналы. Меня тревожил отрицательный ответ, а также вопрос, правильно ли я поступила, решив вторично произвести проверку. Этим я обратила на себя внимание служащего. Выполняя какое-либо задание, мы старались оставаться незаметными, растворяться в общей массе. Длительное отсутствие служащего меня обеспокоило. «А вдруг на карточке стоит специальная пометка, предписывающая уведомлять полицию в случае проявления к этому лицу интереса?» — подумала я и бросила тревожный взгляд на входную дверь.

Но вот появился клерк, добродушно улыбаясь:

— Вам повезло. Надеюсь, такой ответ вас устроит и поможет вам в дальнейших поисках.

В моих руках оказался адрес, а на прощание чиновник доброжелательно пожелал мне успеха. Действительно, оказалось, что интересующее Центр лицо выехало в другой город, название которого было указано на формуляре, что впоследствии и помогло нам его установить.

Пусть это не покажется странным, но серьезной нашей заботой за рубежом было планирование, то есть распределение времени на дела разведки и на все ос-

241

тальные занятия. В этом вопросе наше семейное положение также позволяло изобретательно выходить из цейтнота. Время радиосвязи с Москвой строго фиксировалось в расписании, поэтому в обусловленные часы нам следовало быть свободными от всяких посторонних обязательств перед деловыми партнерами и от случайных гостей в нашем доме. Если на эти дни поступали какие-либо приглашения в гости, мы ссылались на якобы уже данное согласие быть в другом месте или говорили, что подойдем, но, вероятно, с опозданием или же придем, но ненадолго. Иногда приводили самую банальную причину — от женской мигрени до зубной боли.

Сложнее обстояло дело, когда из Центра поступали по радио срочные задания: провести встречу или обработать тайник с указанием точной даты исполнения. Чаще всего поступали указания с пометкой «завтра» или «послезавтра». В таких случаях приходилось ловчить, чтобы обеспечить себе полную свободу действий. Случались накладки, были срывы оговоренных заранее совместных с друзьями посещений театра, ресторана или проведения уик-энда. Занятость другими делами у нас никогда не служила причиной невыполнения в срок заданий Центра.

Некоторых читателей, вероятно, удивит, как мы, атеисты, могли позволить себе соблюдать религиозные ритуалы? Ответ однозначный. Наше поведение и образ жизни не должны были отличаться от манер и привычек местных жителей. Являясь по документам католиками, мы вскоре после оформления прописки получили письменное уведомление от настоятеля католического прихода по месту жительства, к которому были приписаны, пригласившего нас на мессу.

Наш адрес и религиозную принадлежность настоятель, видимо, получил из бюро прописки. Чтобы не быть «белыми воронами», естественно, посещали церковь в воскресные и праздничные дни. Обзавелись молитвенником, четками, выучили наизусть основные молитвы — «Отче наш», «Святая Дева Мария», несколько песен, которые исполняются детьми еще в школе, делали приходу небольшие денежные пожертвования. Изучали в деталях поведение верующих в церкви: как пользоваться «святой водой», преклонять колени перед алтарем, как и когда креститься, учитывая, что католи-

242

ки в отличие от православных перекаладывают руку с левого плеча на правое. Мы

также побывали и познакомились с храмами в соседних городах, чтобы наше отсутствие по каким-либо причинам в своем приходе можно было бы объяснить окружению посещением другой церкви, в которой более красивый алтарь или где священник поинтереснее читает проповедь.

В общем, дорогие читатели, если бы вы меня увидели в те годы коленопреклоненной у алтаря церкви, то, безусловно, сказали бы: «Истовая католичка».

Наш рассказ о жизни и работе пары разведчиков-нелегалов был бы неполным, если опустить очень важный и, несомненно, многих интересующий вопрос о создании семьи в период длительного пребывания в стране назначения. Ведь разведчики работают за рубежом в лучшие, молодые годы своей жизни, именно тогда, когда обычно создается семья. Этот вопрос стоял перед нами практически постоянно в нашу бытность за границей. В принципе Центр не возражает против того, чтобы нелегалы обзаводились детьми, и мы знаем случаи, когда разведчики возвращались из заграничной командировки домой, имея даже двоих детей.

Однако в своем сознании мы не могли объединить в одно целое два понятия: с одной стороны, нашу работу, ради которой мы прибыли в страну назначения, с другой — рождение детей, наличие и воспитание которых, несомненно, создали бы нам множество дополнительных разноплановых трудностей, что сильно ограничило бы нашу оперативную работу. Кроме того, возникал определенный риск в соблюдении конспирации. Ведь дети известные назойливые «почемучки». Мы прекрасно понимали позитивную сторону наличия детей: в глазах окружения создается положительный образ семьи и тем самым снижается уровень подозрительности. И все же в своих рассуждениях мы поставили на первое место чувство долга, стремление быть максимально полезными и поэтому всецело отдавались порученному делу, своей нервной и напряженной работе. Желание принести большую пользу Родине всегда брало верх, поэтому создание семьи отложили до возвращения домой. Однако судьба распорядилась иначе: мы вернулись в возрасте, в котором обычно воспитывают уже внуков.

В общении с зарубежными друзьями нам неодно-

243

кратно приходилось при постановке лукавых вопросов по поводу отсутствия детей лавировать. Сеп в таких случаях не уклонялся от разговора и брал вину на себя, обращал все в шутку, затевая разговор о «пустоцвете» у некоторых знаменитостей, как, например, у шаха Ирана, что в то время было широко известно и являлось одной из излюбленных тем салонных разговоров. Сегодня все это вспоминается с улыбкой...

Сеп

После возвращения из командировки наша служба в разведке продолжилась. Несколько раз приходилось «тряхнуть стариной», когда возникала необходимость краткосрочных выездов за рубеж для решения отдельных разведывательных задач. Однажды довелось выехать одному, что диктовалось характером поручения. Каждая поездка длилась примерно месяца два, один раз — чуть более года. Задания были выполнены. В общей сложности мы пробыли за рубежом около четверти века.

Через тридцать с лишним лет после окончания Великой Отечественной войны наконец-то я смог разыскать и восстановить связи со многими своими (к сожалению, уже не со всеми) боевыми друзьями военных лет. Надо сказать, что

для них это оказалось совершенно неожиданным. И действительно, было чему удивляться.

Как уже читатель знает, после выполнения задания в тылу противника в конце 1944 года меня отозвали в Москву и поручили очередное задание по линии военной разведки. Характер новой командировки исключал всякие контакты с прежними друзьями. Поэтому для них я просто пропал, ибо, ни с кем не попрощавшись, уехал за кордон. Как мне потом рассказывали, боевые товарищи посчитали, что меня, владеющего немецким языком, снова забросили в тыл врага, в Германию. Такие операции тогда действительно проводились.

Закончилась война, страна возвратилась к мирным будням. Оставшиеся в живых бывшие партизаны искали и находили друг друга. Однополчане вспоминали и про меня, но шли годы, а сведений обо мне не поступало, и друзья решили, что я, вероятно, погиб в конце войны.

244

Произошел и такой казус. В 1972 году комиссар отряда написал воспоминания о боевой деятельности нашего подразделения, и они были изданы в виде книги под названием «Своими глазами». Там в ряде мест упоминался радист отряда некто М. Федоров, что крайне удивило однополчан, поскольку в отряде радистом был Михаил Вронский (ряд товарищей, и я в их числе, выступали в тылу врага под вымышленными фамилиями, а настоящие были известны только командованию). В конечном счете все прояснилось, и я включился в ветеранское движение.

Кстати, еще об одном казусе. В начале 1943 года командиром нашего отряда Центр назначил начальника разведки старшего лейтенанта В. В. Алисейчика, который ранее был первым организатором Сешинского подполья. Позднее, повторюсь, в наши дни польский литератор Януш Шиманский и советский литератор Овидий Горчаков на документальной основе написали книгу об этом подполье, по мотивам которой снят известный телесериал «Вызываем огонь на себя». В этом фильме роль Алисейчика сыграл известный актер Олег Ефремов. Маленькая деталь: в фильме, по воле авторов книги, Алисейчик погибает во время проверки документов у шлагбаума, а в действительности он тогда заболел тифом и был переправлен через линию фронта на «Большую землю». Полковник в отставке Алисейчик проживал после войны в Минске, где скончался в 1988 году.

Я с радостью узнал, что в московской спецшколе № 15 создан музей нашей войсковой части № 9903, начавшей боевую деятельность летом 1941 года в Подмосковье. Хочется сказать еще несколько слов об этом славном подразделении.

С первых дней войны при штабе Западного фронта была создана часть специального назначения, получившая необычный четырехзначный номер (остальные воинские части имели пятизначные номера). В ее задачу входили подбор, обучение и заброска через линию фронта разведчиков для выполнения заданий в тылу противника. Отбирались физически крепкие, выносливые, волевые молодые люди из Москвы и области. Среди них были комсомольские активисты, спортсмены, санинструкторы и медсестры, рабочие и работницы, студенты техникумов и вузов. Некоторые из них в опре-

245

деленной мере знали немецкий язык, что представляло ценность для разведки за линией фронта.

Командиром части назначили майора А. К. Спрогиса, его заместителем — майора А. К. Мегера. В нашу часть пришли и десятиклассница Зоя Космодемьянская и молодая учительница 47-й московской школы Елена

Колесова, ставшая командиром женской группы. За проявленное мужество и стойкость обе удостоены посмертно звания Герой Советского Союза. Судьба не свела меня с ними — мы находились в разных группах. В этой же части набирался ума-разума как военный разведчик почти подросток (будущий автор документальных книг о войне) Овидий Горчаков.

Инициативу в создании школьного музея в/ч № 9903 проявила преподаватель 15-й московской спецшколы Ольга Алексеевна Гурычева. Стала действовать группа «Поиск». В работе со школьниками принимают участие ветераны части К. В. Сукачева, В. Ф. Коростылева, Ф. С. Фазлиахметов и другие. Ежегодно в первую субботу декабря ветераны собираются на свою традиционную встречу в школе, на которой бываю мои друзья по оружию С. Устойн, А. Балахнин, П. Бирюков, И. Белый, И. Герасимов, Н. и В. Данилковичи, иногда приезжают А. Халаджиев, Н. Колтун, И. Маценко, Л. Шелухина. Мы выступаем перед учащимися, школьники дают концерт художественной самодеятельности. Затем за чашкой чая вспоминаем боевое прошлое. А в День Победы, 9 мая, мы, ветераны, традиционно встречаемся в парке имени 50-летия Октября, где собираются партизаны Московской области. Общение проходит в теплой, сердечной обстановке. Дух военного братства жив и свято хранится!

Сейчас, когда пишутся эти строки, мы находимся, как это принято говорить, на заслуженном отдыхе. Став пенсионерами, не порываем со службой, ведем общественную работу. Занимаемся с молодежью, приходящей в разведку на смену ветеранам, делимся опытом, помогаем освоить «технологии» нашей нелегкой профессии, выступаем с воспоминаниями.

Каждый декабрь, поближе к 20-му, дню образования внешней разведслужбы, нас всегда приглашают на традиционную встречу ветеранов. А не так давно создана

246

Ассоциация ветеранов внешней разведки, в деятельности которой мы принимаем посильное участие.

Сейчас нередко можно встретить сеговования, что разведка, мол, требует серьезных финансовых затрат. Обычно я задаю встречный вопрос: а сколько, по-вашему, стоит добываемая разведкой информация, во сколько можно оценить образцы передовой технологии, что она поставляет, позволяя экономить собственные средства на подобные разработки? Вопросы риторические. Как в деньгах оценить секретные сведения, полученные нашими разведчиками в начале 1941 года о подготовке Германии к нападению на нашу страну? Или о позиции в то время Японии как союзника фашистской Германии? Или об «урановом проекте» нацистов, готовивших «орудие возмездия»? Или о ракетном полигоне в Пенемюнде? Или во что оценить (в рублях или долларах) технические сведения, полученные из секретных центров по разработке американской атомной и водородной бомб и позволившие нашей стране быстрее ликвидировать монополию США на обладание столь страшным оружием? Или... Перечень можно было бы продолжить.

Как известно, правительства всех стран скрывают точные размеры своих расходов на разведку. Признавая такую позицию обоснованной, выскажу предположение. Эти расходы, несомненно, весьма значительны. Отдельные сведения на сей счет иногда проникают в западную печать, и по ним можно приблизительно представить, о каких суммах идет речь. Так, американское информационное агентство Ассошиэйтед Пресс со ссылкой на источники в конгрессе сообщило, что разведывательному сообществу США на 1993/94 финансовый год палата представителей конгресса ассигновала 28 млрд. долларов,

чуть урезав сумму, которую запрашивала администрация президента Клинтона.

Нужно сказать, что во все времена наша разведка довольствовалась гораздо меньшими суммами, чем разведывательная служба Вашингтона. Мы можем подтвердить это, отталкиваясь от собственного опыта: нам приходилось экономить на всем. Удивительно в связи с этим слышать безответственные суждения о якобы чрезмерных и неконтролируемых расходах «шпионской службы Кремля». Они абсолютно беспочвенны и возникают, полагаю, в основном из-за недостаточной инфор-

247

мированности наших людей о деятельности отечественной разведки, ее конкретных делах и сотрудниках, механизме взаимодействия ее звеньев, а также о практических результатах ее деятельности для нашего государства и его позиций на международной арене.

В последние годы служба внешней разведки претерпела коренные изменения. Она выделилась из Министерства безопасности в самостоятельную организацию. Численный состав ее значительно сократился: зарубежный аппарат уменьшился на 50 процентов, центральный — на 30. Из ее кадров отсеялись случайно попавшие, незаинтересованные и недостаточно подготовленные люди. А следовательно, вырос уровень профессионализма, что очень важно. Службу внешней разведки возглавил крупный российский политический деятель, известный ученый-политолог академик РАН Евгений Максимович Примаков. Выступая на одной из пресс-конференций, он отметил новые подходы, определяющие характер и направленность разведывательной деятельности. Отныне разведка должна исходить из того, что у нашей страны нет истинных врагов, как и подлинных друзей, а есть интересы нации, которые она обязана защищать и ограждать от посягательств, используя специфические методы и свой высокий интеллектуальный потенциал.

Встречаясь и беседуя с нынешним поколением разведчиков, мы видим, что они унаследовали все лучшее из опыта своих предшественников и привнесли что-то свое: большую широту мышления, большую гибкость ума и лучшую способность прогнозировать события. Поэтому уверены: наша смена пойдет дальше нас.

СОДЕРЖАНИЕ

Сеп.....	3
Жанна	22
Первые шаги.....	30
Глубокое оседание.....	40
Опасность дышала в затылок.....	66
Приятные задания.....	97
Карибский гамбит	132
«Нештатные ситуации».....	147
По зову долга.....	198
Возвращение.....	217
Послесловие.....	235

Художественно-документальное издание

Федорова Галина Ивановна, Федоров Михаил Владимирович

БУДНИ РАЗВЕДКИ.

Воспоминания нелегалов

Редактор *Скоморохов В. П.*

Оформление художника *Д. В. Орлова*

Технический редактор *З. Д. Гусева*

Корректор *С. Ю. Чупахина*

ИБ № н/к
ЛР № 090028 от 01.11.91.
Сдано в набор 28.07.94. Подписано в печать 23.09.94. Формат 84x108/32. Бумага
типогр. № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отг. 13,44.
Уч.-изд. л. 13,2. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1207. Цена договорная.
Издательство «ДЭМ». 117049, Москва, Крымский вал, 9.
АООТ «Ярославский полиграфкомбинат». 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Супруги Федоровы, Галина Ивановна и Михаил Владимирович, прослужили во внешней разведке более сорока лет. Половину этого срока они действовали в нелегальных условиях, создав резидентуру связи в Западной Европе. Успешно выполнили задание и возвратились на Родину.

М.В.Федоров родился в 1916 году в городе Колпино Ленинградской области. Выпускник Ленинградского института физической культуры. Полковник в отставке. Г. И. Федорова родилась в Саратове. Окончила курсы иностранных языков при Высшей школе МГБ СССР. Подполковник в отставке.